

Путешествия
к удмуртам и марийцам

Письма Уно Хольмберга
1911 и 1913 гг.

Matkat
udmurttien ja marien luo

Uno Holmbergin kirjeitä
vuosilta 1911 ja 1913

Matkat

udmurttien ja marien luo

Uno Holmbergin kirjeitä
vuosilta 1911 ja 1913

Toimittaneet
Seppo Lallukka,
Tatjana Minnijahmetova
ja *Ranus Sadikov*

Путешествия

к удмуртам и марийцам

Письма Уно Хольмберга
1911 и 1913 гг.

Под редакцией
С. Лаллукки,
Т.Г. Миннияхметовой,
Р.Р. Садикова

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2014

Издание осуществлено
при финансовой поддержке Фонда «Коне»

Kirja julkaistaan
Koneen Säätiön taloudellisella tuella.

KONEEN SÄÄTIÖ

Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг.
Под редакцией *С. Лаллукки, Т.Г. Миннихметовой, Р.Р. Садикова* — Серия
«Финляндия в России» — Издательство «Европейский Дом» — Санкт-Петербург — 2014 — 224 с., илл.

Matkat udmurttien ja marien luo. Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913.
Toimittaneet *Seppo Lallukka, Tajana Minnijahmetova ja Ranus Sadikov* — Sarja
«Suomi Venäjällä» — Kustantamo «Eвроpeyskiy Dom» — Pietari — 2014 — 224 s., ill.

Фотографии, использованные в книге, представлены Архивом фольклора Финского Литературного Общества, кроме фотографий на страницах 73 и 92–93, которые были получены от Музейного ведомства Финляндии и Финно-Угорского Общества.

Kirjan valokuvat ovat Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunousarkistosta — lukuun ottamatta sivujen 73 ja 92–93 kuvia, jotka ovat Museovirastosta/Suomalais-Ugrilaisesta Seurasta.

На обложке: Переправа через реку Быстрый Танып. Уно Хольмберг (Архив фольклора Финского Литературного Общества)

На 4-й стороне обложки: Портрет Уно Хольмберга, 1914 г. Карл Клейн, Ателиер Универсал (Музей Хельсинкского университета)

Etukansi: Bystryi Tanyp-virran ylitys. Uno Holmberg (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto)

Takakansi: Uno Holmbergin muotokuva vuodelta 1914. Carl Klein, Atelier Universal (Helsingin yliopistomuseo)

© С. Лаллукка, Т.Г. Миннихметова,
Р.Р. Садиков, ред., 2014

© Издательство «Европейский Дом», 2014

ISBN 978-5-8015-0332-5

СОДЕРЖАНИЕ SISÄLLYS

ОТ РЕДАКТОРОВ ♦ 7
TOIMITTAJIEN SAATESANAT ♦ 10

ВВЕДЕНИЕ ♦ 13
JOHDANTO ♦ 34

ПИСЬМА УНО ХОЛЬМБЕРГА ♦ 53

Экспедиция 1911 г. ♦ 55

Из Хельсинки в Москву ♦ 55

Из Москвы в Казань ♦ 61

От Волги на Каму ♦ 67

Старая Кирга ♦ 71

Восточноевропейский тракт ♦ 78

В татарском селе ♦ 83

На жертвенной горе ♦ 88

Свадебные обряды вотяков ♦ 99

Почитание умерших у вотяков ♦ 105

Экспедиция 1913 г. ♦ 113

К черемисам ♦ 113

В селениях разноплеменных народов ♦ 119

Выходной день в черемисской деревне ♦ 127

О способах добывания средств
к существованию у черемисов ♦ 134

На черемисской свадьбе ♦ 140

Сороковая ночь ♦ 148

Vuoden 1911 tutkimusmatka ♦ 157

Helsingistä – Moskovaan ♦ 157

Moskovasta Kasaniin ♦ 162

Volgalta Kaamalle ♦ 167

Staraja Kirga ♦ 170

Itdeurooppalainen maantie ♦ 174

Tattarikylässä ♦ 178

Uhrivuorella ♦ 182

Votjaakkien häätäpoja ♦ 187

Votjaakkien vainajainpalveluksesta ♦ 192

Vuoden 1913 tutkimusmatka ♦ 197

Tsheremissien luo ♦ 197

Erisukuisten kansain kylissä ♦ 202

Pyhäpäivä tsheremissikylässä ♦ 207

Tsheremissien elinkeinoista ♦ 211

Tsheremissihäissä ♦ 215

“Neljäskymmenes yö” ♦ 220

В первой половине XX в. Уно Хольмберг (с 1927 г. Уно Харва) был одним из ведущих ученых академического сообщества Финляндии, занимающегося исследованиями в направлениях, которые собирательно можно назвать национальными. Хольмберг завоевал известность как исследователь мировоззренческих и религиозных представлений, духовной культуры архаического аграрного общества древних финнов. Однако из числа его трудов лучшим образом выдержали испытание временем те, которые посвящены другим финно-угорским народам, их религиозным дохристианским верованиям и мифологическим представлениям. Эти работы Хольмберг написал на основе первичного материала, собранного им в ходе этнографической полевой работы в России и в финляндской Лапландии.

В круг занятий Хольмберга входила также популяризация научных знаний. Примером этого служат пятнадцать путевых писем, написанных им для финских газет, в которых он описывал свои исследовательские поездки к удмуртам и марийцам, совершенные им в 1911 и 1913 гг. Эти письма, опубликованные в выпускаемых в г. Турку газетах «Turun Sanomat» и «Uusi Aika», представляют основное содержание предлагаемой здесь вниманию читателя книги.

Благодаря переводам некоторых работ Уно Хольмберга-Харвы на мировые языки, его научные гипотезы и религиозоведческие обобщения стали во многом достоянием и российских специалистов. В то же время практический ход полевой экспедиционной работы ученого остался по большей части не освещенным. Эту сторону деятельности Хольмберга призваны освещать его газетные корреспонденции. Картина хотя и остается далеко не полной, отправленные из России письма позволяют заполнить ряд пробелов в сведениях, связанных с поездками ученого. Они предоставляют также немало этнографической информации. Кроме того, письма могут служить и некой путеводной нитью к познанию личностных характеристик их автора. Хотя Хольмберг адресовал свои письма для

широкой публики, тем не менее, его путевые письма представляют также определенный научный интерес.

За те сто лет, прошедших после российских путешествий Уно Хольмберга, финно-угроведение, разумеется, заметно продвинулось. Поэтому с точки зрения сегодняшних знаний некоторые соображения ученого являются устаревшими. Например, со времен Хольмберга представления о хронологии распада финно-угорского языкового сообщества на различные группы значительно изменились — возникла, как правило, необходимость существенного передвижения назад по времени датировки, касающейся процесса разделения языков.

Без преувеличения можно сказать, что финские оригиналы писем сегодня малодоступны — с газетными номерами столетней давности можно ознакомиться лишь в немногих научных заведениях. К тому же читаемость текстов в их первоначальном виде может оказаться для современных людей не совсем простой: они набраны готическим шрифтом и качество печати во многих местах неровное. В связи с этим для улучшения доступности этого материала для финской читательской аудитории редакторы-составители сочли целесообразным включить в это издание также и финские тексты писем. Они даются без какого-либо редактирования, т.е. их язык сохранен в первоначальном виде. Исправлены лишь явные типографские опечатки.

Предлагаемые переводы писем снабжены сносками-комментариями. Они все принадлежат перу редакторов-составителей этой книги.

Этнонимика, которая была в обиходе еще в первые десятилетия XX в., отличается от нынешней. В письмах названия народов и языков сохранены в той старой форме, в какой употреблял их автор. Лишь в тех частях книги, которые написаны редакторами, используются современные этнонимы. Следовательно, когда в письмах говорится о вотяках или черемисах, речь идет, соответственно, об удмуртах или марийцах.

Следует также отметить, что в начале XX в. этнонимика народов России на финском языке не была еще вполне устоявшейся. Колебания в этом наблюдаются также и у Хольмберга. В финских текстах писем правописание этнонимов сохранено в той же форме, в какой она была в оригинале.

Стиль писем Уно Хольмберга был эмоционально выраженным; в связи с этим при их переводе предусматривалось учитывать такую особенность и местами делать переводы, близкие к буквальным.

В 1911 г. путевые письма в газете «*Turun Sanomat*» были опубликованы без фотографий. Иллюстрациями к письмам данной экспе-

диции редакторами был выбран ряд фотографий из монографии Хольмберга, посвященной традиционной религии пермских народов.¹ Материалы же следующей экспедиции в газете «*Uusi Auru*» шли с фотографиями. Те же иллюстрации используются в письмах 1913 г. и в этой книге. Следовательно, все представленные здесь с письмами фотографии сделаны самим Хольмбергом. Он также и автор аннотаций к фотографиям.

Как известно, Хольмберг феннизировал свою фамилию в 1927 г. Поскольку все его российские экспедиции были предприняты до этого события, в данной книге будет использоваться его первоначальная фамилия.

Частичные переводы трех писем Хольмберга, опубликованные в газете «*Turun Sanomat*» за 15 июня, 6 августа и 26 августа 1911 г., имеются в книге Р.Р. Садикова и К.Х. Хафиз, опубликованной в 2010 г.² С любезного разрешения авторов они использованы при переводе и в настоящем издании.

В ходе работы над этим сборником накопилось немало невыраженных благодарностей за ту помощь, которая была оказана редакторам-составителям на разных этапах разработки проекта. Прежде всего, выражаем свою сердечную благодарность частным лицам, так или иначе содействовавшим переводу писем на русский язык. В сборе материалов были использованы фонды Национальной библиотеки Финляндии, архивов фольклора и литературы Финского Литературного Общества, Национального Архива Финляндии, Музейного Ведомства Финляндии, Финно-Угорского Общества и Музея Хельсинкского Университета. Выражаем нашу признательность этим организациям и их сотрудникам. Мы также благодарны наследникам Уно Хольмберга-Харвы за разрешение опубликовать письма. Выражаем также нашу признательность издательству «Европейский Дом», готовому выпустить в свет очередное издание серии «Финляндия в России». Наконец, но не в последнюю очередь, наша благодарность направлена Фонду «Коне», финансовая поддержка которого сделала возможным осуществление этого проекта.

¹ Holmberg, U., *Permalaiten uskonto*. Suomensuvun uskonnot, IV. Porvoo: WSOY, без года издания.

² Садиков, Р.Р., Хафиз, К.Х., *Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга)*. Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010.

TOIMITTAJIEN SAATESANAT

Uno Holmberg (vuodesta 1927 Uno Harva) kuului 20. vuosisadan alkupuoliskon Suomessa ns. kansallisten tieteiden alalla tutkijoiden kärkijoukkoon. Hän tuli tunnetuksi muinaissuomalaisten maailmankatsomuksen ja uskonnollisten käsitysten sekä yleensäkin vanhakantaisen agraariyhteiskunnan henkisen kulttuurin tutkijana. Aikaa Holmbergin teoksista ovat kuitenkin parhaiten kestäneet ne, joissa hän käsittelee muiden suomalais-ugrilaisten kansojen esikristillisiä uskomuksia ja mytologiaa ja jotka hän kirjoitti nojautuen paljolti itse Venäjällä ja Suomen Lapissa kokoamaansa aineistoon.

Holmberg harjoitti myös tieteen kansantajuistamista. Esimerkkinä tästä ovat viisitoista sanomalehdille kirjoitettua matkakirjettä, joissa hän kuvasi udmurttien ja marilaisten luo vuosina 1911 ja 1913 tekemiään tutkimusmatkoja. Nuo kirjeet ovat tämän kirjan pääsisältönä. Ne ilmestyivät alun perin turkulaisissa sanomalehdissä Turun Sanomat ja Uusi Aura.

Maailmankielille tehtyjen käännösten kautta Uno Holmberg-Harvan uskontotieteelliset tutkimustulokset ovat melko laajalti tunnettuja myös Venäjällä toimiville tutkijoille. Samanaikaisesti kuitenkin tiedetään vain vähän hänen sikäläisten kenttätöidensä kulusta. Matkakirjeiden avulla pyrimme tältä osin täydentämään Holmbergin tutkijakuvaa. Venäjältä lähetetyt kirjeet tuovat tähän lisävalaistusta. Samalla ne voivat laventaa kirjoittajansa henkilökuvaakin. Matkakirjeisiin sisältyy verrattain paljon etnografista tietoutta; vaikka kirjeet oli suunnattu suurelle lukevalle yleisölle, niillä on silti tieteellistäkin kiinnostavuutta.

Uno Holmbergin Venäjän matkoista kuluneiden noin sadan vuoden aikana fennougristiikka on edistynyt tuntuvasti. Tästä syystä eräät hänen käsityksensä ovat nykypäivän tietämyksen valossa vanhentuneita. Holmbergin aikoihin verrattuna esimerkiksi suomalais-ugrilaisen kieliyhteisön pirstoutumisen ajoitusta koskevat käsitykset ovat tuntuvasti

muuttuneet — kielten jakautumisia on yleensä jouduttu siirtämään ajassa tuntuvasti taaksepäin.

Holmbergin kirjeet ovat olleet melko hankalasti tavoitettavissa — sadan vuoden takaisia sanomalehtiä on voinut lukea lähinnä vain mikrofilmeiltä eräissä tieteellisissä laitoksissa. Lisäksi luettavuutta vaikeuttaa paikoin heikkolaatuinen painojälki ja goottilaiset kirjaintyytit ovat monille nykyajan lukijoista outoja. Näiden seikkojen vuoksi, parantaaksemme kirjeiden saatavuutta suomalaisillekin lukijoille, katsoimme aiheelliseksi ottaa venäjänkielisten käännösten ohella samaan julkaisuun myös kirjeiden suomenkieliset versiot.

Matkakirjeiden ensimmäisestä julkaisusta kuluneiden sadan vuoden aikana suomen kieli on muuttunut ja kehittynyt. Tämä näkyy selvänä mm. välimerkeissä: Holmbergin nuoruuden aikaan niiden käytön säännöt olivat ainakin käytännössä vielä melko vakiintumattomat. Kun näillä seikoilla ei kuitenkaan ole vaikutusta ymmärrettävyyteen, kirjeiden kieliasua ei ole uudelleenjulkaisua varten muutettu. Vain selvät ladontavirheet on korjattu ja “kaksois-veet” (w) on muutettu yksinkertaisiksi.

Kirjeisiin liittyy alaviitteinä olevia kommentteja. Kaikki alaviitteet ovat toimittajien laatimia.

Nykyisin käytössä olevat kansojen nimet poikkeavat osittain 20. vuosisadan alussa käytössä olleista nimityksistä. Kirjeissä olevat kansojen nimet on säilytetty Holmbergin käyttämissä muodoissa. Kun kirjeissä puhutaan votjakeista ja tsheremisseistä, kysymys on siis udmurteista ja mareista. Nykyaikaisia kansojen nimiä käytetään vain kirjan niissä osissa, jotka ovat toimittajien kirjoittamia. On myös huomattava, että 20. vuosisadan alun suomen kielessä Venäjän kansojen nimet eivät olleet vielä täysin vakiintuneet. Myös Holmbergin käytäntö horjuu tässä suhteessa.

Turun Sanomissa vuonna 1911 julkaistut matkakirjeet ilmestyivät kuvituksesta. Tätä matkaa koskevien kirjeiden kuvitukseksi olemme valinneet joukon valokuvia Holmbergin permiläiskansojen uskontoa käsittelevästä monografiasta.³ Uuden Auran kaksi vuotta myöhemmin julkaisemissa kirjeissä oli mukana tutkijan ottamia kuvia ja vuoden 1913 matkan osalta tässä kirjassa käytetäänkin kirjekohtaisesti samaa kuvitusta kuin alkuperäisessä lehtijulkaisussa. Kumpaankin tutki-

³ Holmberg, U., *Permalaisten uskonto*. Suomensuvun uskonnot, IV. Porvoo: WSOY, ilman julkaisuvuotta.

musmatkaan liittyvät valokuvat ovat kaikki Uno Holmbergin itsensä ottamia. Myös kuvien selitykset ovat hänen laatimiaan.

Holmberg suomalaisti sukunimensä vuonna 1927. Koska hänen Venäjän-matkansa tapahtuivat jo tuota aikaisemmin, tässä kirjassa käytetään hänen alkuperäistä sukunimeään.

Turun Sanomissa 15. heinäkuuta sekä 6. ja 26. elokuuta vuonna 1911 ilmestyneiden Holmbergin kolmen matkakirjeen osittaiset käännökset venäjän kieleen on julkaistu Ranus Sadikovin ja Kirsi Hafeezin vuonna 2010 ilmestyneessä kirjassa.⁴ Heidän ystävällisellä suostumuksellaan kyseisiä venäjännöksiä on käytetty apuna tätä kirjaa laadittaessa.

Kirjan toimittajina tunnemme moniin suuntiin kiitollisuudenvelkaa siitä avusta, jota olemme työmme eri vaiheissa saaneet. Ennen kaikkea haluamme lausua sydämellisen kiitoksemme kaikille niille henkilöille, jotka tavalla tai toisella ovat myötävaikuttaneet kirjeiden kääntämiseen venäjän kielelle. Kirjassa on käytetty Kansalliskirjaston, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kirjallisuusarkiston ja kansanrunousarkiston, Kansallisarkiston, Museoviraston, Suomalais-Ugrilaisen Seuran ja Helsingin yliopistomuseon aineistoja. Kiitämme saamastamme avusta näitä organisaatioita ja niiden henkilökuntaa. Samoin kiitämme Uno Holmberg-Harvan perikuntaa luvasta kirjeiden julkaisemiseen. Mielihyvää on tuottanut yhteistyö pietarilaisen Jevropeiski Dom kustantamon kanssa ja se, että tämä kirja ilmestyy osana sen sarjaa *Finljandija v Rossii*. Lopuksi lausumme erityiset kiitoksemme Koneen Säätiölle, jonka taloudellinen tuki on mahdollistanut tämän hankkeen toteuttamisen.

⁴ Садиков, Р.Р., Хафиз, К.Х., *Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга)*. Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010.

ВВЕДЕНИЕ

С. Лаллукка, Т.Г. Миннихметова, Р.Р. Садиков

Начиная с середины XIX в. в Финляндии развернулось движение фенноманов — радикальных патриотов, — направленное на строительство финской идентичности и политической нации. Параллельно с подъемом финского национального самосознания в академических кругах нашла свое развитие мысль о том, что именно Финляндия должна стать центром финно-угорских исследований. Для плеяды ученых осознание своего финно-угорского происхождения стало одним из элементов, на которых строительство нации должно было базироваться. Основными инструментами, с помощью которых эти ученые участвовали в нациестроительстве, стали языкознание, этнография и археология. Многие из них были убеждены, что языки и культурное наследие родственных народов представляют собой своего рода архив общих древностей финно-угорских племен.⁵ Без сведений, предоставляемых этим хранилищем, как полагали, история финнов оставалась бы неполной. Благодаря модернизации, в течение второй половины XIX в. была создана своя финляндская инфраструктура для осуществления исследований национальной направленности. Десятки ученых отправились в Россию для изучения родственных для финнов языков и культур.

Обычной практикой для этих исследователей-путешественников стало то, что, пребывая в регионах проживания финно-угорских народов, они знакомили со своими наблюдениями и широкою читательскую публику — они писали в финские газеты путевые письма. Очевидно, что для многих написание таких писем было

⁵ См.: Salminen, T., *Aatteen tiede. Suomalais-Ugrilainen Seura 1883–2008*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008. С. 16–17, 206.

также и немаловажным способом подрабатывать. Но одновременно эти ученые выполняли и патриотическую миссию создания для массового читателя картины предыстории финнов: в письмах, среди прочего, рассказывалось о финно-угорских родственных связях, о древностях финнов. Нередко в них излагались и мифические представления о древнем, но затем потерянном периоде финно-угорского величия и расцвета. Такие идеи, связанные с действительным или воображаемым «золотым временем», были, очевидно, направлены на укрепление в широких слоях населения финского самосознания и пробуждения в них патриотических чувств. Думается, что подобная публицистическая деятельность внесла свою лепту в то, что финское национальное движение стало массовым.⁶

Таким образом, в своей научной работе над тематикой, носящей явный национальный оттенок, ученые нередко сталкивались с ситуациями, в которых они вынуждены были искать баланс между требованиями науки и собственными чувствами племенного родства. В публицистике таких ограничений было меньше, и авторы могли дать больше пространства своим личным мнениям и пристрастиям.

Уно Хольмберг совершил свои экспедиции в Россию в 1910-е гг., т.е. несколько десятилетий спустя после того, как поднялась широкая волна финского национального пробуждения. Но что касается его отношения к этническим стремлениям финнов, его можно считать поздним фенноманом. Это и не случайно — его академическая и общественная идентичности сформировались в обстановке Великого княжества Финляндского рубежа XIX и XX вв., когда в обществе происходило мощное протестное брожение, подъем финского национализма, вызванный русификаторскими стремлениями царской администрации. Молодой Хольмберг тяготел к младофиннам, к партии либерального буржуазного толка, требующей прекращения русификаторской политики и восстановления конституционного порядка. Несмотря на это, газетные корреспонденции Хольмберга уравновешенные, без предвзятостей — хотя он и не скрывает, на чьей стороне находятся его симпатии. Но в любом случае, читая

⁶ Согласно известной периодизации Мирослава Гроха, национальное движение финнов в 1870–80 гг. перешло в фазу, в которой оно приобрело массовое общественное звучание (Hroch, M., *Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. С. 62–75).

письма Хольмберга, следует помнить о политической ситуации на родине их автора. Но обратимся теперь к его биографии и научной деятельности.

Уно Хольмберг родился в 1882 году; детство его прошло в усадьбе сельского священника на юго-западе Финляндии.⁷ В семье, которая была многодетной, говорили и на шведском, и на финском языке. Отец, пастор Густав Хольмберг, под влиянием фенноманских идей, определил своих детей в финноязычные школы. Путь Уно Хольмберга к знаниям начался в 1892 г., когда его отправили в финский лицей в г. Турку. Экзамен на аттестат зрелости он сдал в 1902 г. и после этого, следуя примеру отца, записался на теологический факультет Хельсинкского университета.

Курс теологического обучения был завершен в конце 1906 г. и в начале следующего года Хольмберг был рукоположен в сан священника. Он был назначен помощником пастора в одном из сельских приходов в центральной части страны. Проработав там один год, он принял решение оставить карьеру священника и вернуться в университет для получения второго высшего образования. По поводу причин этого поворота на его жизненном пути имеются разные трактовки. Предполагают, в частности, что молодой священник испытывал мощный духовный кризис. Однако представляется, что, еще будучи студентом теологического факультета, Хольмберг проявлял интерес к разным формам религиозной жизни, которые именно были научными. В те годы, как он сам позже вспоминал, интерес к науке у него пробудился во многом благодаря тому, что он познакомился с социологом Эдвардом Вестермарком, с его трудами.⁸ Хотя Хольмберг отказался от должности священника, он, очевидно, еще долго сохранял свои прежние христианские убеждения.

Можно сказать, что по возвращению в начале 1908 г. в Хельсинкский университет Хольмберг первым в Финляндии прошел курс обучения, направленный на получение образования, которое можно охарактеризовать полностью как религиозоведческое. Поскольку такая специальность на историко-филологическом отделении фи-

⁷ Основными источниками приведенных ниже биографических данных являются: «Yliopistomme uusin dosentti», *Ylioppilaslehti*, 1915, № 14 (25 апреля); Anttonen, V., *Uno Harva ja suomalainen uskontotiede*. Helsinki: SKS, 1987; <http://fi.wikipedia.org/wiki/Uno_Harva>.

⁸ «Turussa tutkitaan», *Kuva*, 1941, № 3. С. 6.

лософского факультета не преподавалась и в то время религиоведение в университете вообще представлено не было, ему пришлось выбирать себе предметы и курсы лекций по разным специальностям на факультете. За один год он сумел сдать нужные экзамены. Главными предметами в его втором высшем образовании были практическая и теоретическая философия. Кроме того, в его аттестат входили также фольклористика и политэкономия. Его преподавателями в университете были, в частности, названный выше Вестермарк, фольклорист Каарле Крон и языковед Эмиль Сетяля. После окончания философского факультета Хольмберг продолжил университетскую учебу в качестве аспиранта по фольклористике.

Экспедиция 1911 г.

На протяжении 1910 г. линия дальнейших научных поисков Уно Хольмберга приобрела четкую ориентацию — в сфере его религиоведческих интересов восточное финно-угорское направление стало определяющим. В письмах, адресованных профессору Крону во время пребывания в сентябре-октябре 1910 г. в Пскове и Санкт-Петербурге, Хольмберг сообщает, что изучает русский язык и знакомится с литературой, затрагивающей мифологию пермских народов и марийцев.⁹ Вместе с тем стало ясно, что для более глубокого изучения данной тематики необходимы также первичные материалы и непосредственное знакомство с этими народами. Перед молодым ученым встал вопрос о совершении научной экспедиции к удмуртам и марийцам. Оказалось, что финансовую поддержку для реализации такого плана были готовы предоставить как Финно-Угорское Общество, так и Канцлер Хельсинкского университета.

Первая дальняя исследовательская поездка Хольмберга в Россию была осуществлена за счет университетских средств. Он выехал из Хельсинки 22 марта 1911 г. и поездка продолжалась в общей сложности почти пять месяцев.¹⁰ Первым ее этапом была Казань, куда Хольмберг следовал железнодорожным транспортом с пересадками в С.-Петербурге и Москве.

⁹ Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuuskarto, Kirjekokoelma 108:92:1-4. В дальнейшем: SKS KiA Kirjekokoelma.

¹⁰ Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja XXIX (1915), Vuosikertomus v. 1911. С. 5. В дальнейшем: SUSA.

В Казань прибыл Хольмберг в конце марта и провел там примерно один месяц, дожидаясь начала судоходного речного сезона. За недели, проведенные в Казани, финский ученый подготовился к полевой экспедиции: изучил удмуртский язык, погрузился в этнографическую литературу, посвященную удмуртам и, живя в русской семье, укрепил свои практические знания в русском языке. Тогда же он разработал окончательный маршрут по сельской местности — с учетом советов, полученных от сотрудника Казанской «инородческой» учительской семинарии Ивана Михеева. Удмурт по происхождению, Михеев имел контакты с разными территориальными группами своих соплеменников и сумел сосредоточить внимание Хольмберга на местностях, в которых этнические традиции еще соблюдались в наиболее аутентичном виде.¹¹

Открытие от профессора Эмиля Сетяля, переданная Хольмбергом профессору тюркских языков Казанского университета Николаю Катанову, помогла открыть множество дверей в чужом городе — благодаря открытке, Хольмбергу посчастливилось получить себе неофициального куратора в лице Катанова, ученого хакасского происхождения. В письмах в Финляндию Хольмберг характеризует Катанова как веселого, услужливого человека, который знакомил его с представляющими для него интерес казанскими научными кругами и учреждениями. С его помощью были установлены и связи с упомянутым выше Михеевым и другим удмуртским сотрудником учительской семинарии, Аркадием Емельяновым. Во время пребывания в Казани Хольмберг также имел возможность познакомиться с Михаилом Хомяковым, с врачом, затрагивающим в своей диссертации, помимо краниологии, также и вопросы мифологии и этнографии удмуртов.¹²

Несмотря на предварительную языковую подготовку, знания Хольмберга в удмуртском языке оставались, очевидно, настолько элементарными, что, будучи в деревнях, общаться на этом языке он мог только ограниченно. В большинстве случаев языком-посредником был русский — иными словами, требовалась помощь местных жителей, которые владели и удмуртским и русским языками.

¹¹ Kansallisarkisto E.N.Setälä, saapuneet kirjeet (VAY5251), в дальнейшем: KaA ENS; SUSA. С. 5.

¹² KaA ENS (VAY5251); SKS KiA Kirjekokoelma 108:92:6; О Катанове см.: Geraci, R., *Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press. С. 309–41.

В то же время как печатные работы Хольмберга, так и его полевые записки показывают, что он обладал немалым запасом удмуртских терминов. При описании религиозных обрядов и этнографических явлений он предпочитал давать ключевые слова в их оригинальной форме. Такое же стремление видно и в его работах, касающихся марийцев.

Полевая часть экспедиции началась 2 мая — Хольмберг сел на пароход, следующий в Пермь. Доплыв по Волге и Каме до Николо-Березовки, он высадился и уже на подводе преодолел оставшийся 80-верстовый путь до своего первого места назначения, деревни Старая Кирга на левом берегу реки Буй.¹³ В административном отношении эта удмуртская деревня в те времена входила в Большегондырскую волость Осинского уезда Пермской губернии. Нынешняя деревня Кирга — часть Куединского района Пермского края.

Населенные пункты, в которых Хольмберг провел исследования, показаны на карте. Названия деревень даются на карте в их современном виде.

Старая Кирга была довольно большой деревней. По данным 1904 г., в ней насчитывался 151 двор с общей численностью населения 953 человека.¹⁴ Как объяснили Хольмбергу сами жители Старой Кирги, их деревня относилась к старейшим удмуртским деревням в данной местности. Ряд близлежащих удмуртских деревень был основан выходцами из Старой Кирги.

В письме, адресованном профессору Крону и датированном 7 мая, Хольмберг пишет, что приехал в удачное время, потому что на следующий день после приезда в деревне проводили праздник сева, многие обряды которого ему удалось сфотографировать. К тому же в скором времени ожидалось и другие праздники. Жизнь в деревне показалась настолько интересной, что он планировал провести в ней, по крайней мере, пару месяцев. Однако некоторую озабоченность вызывало отношение властей. Хольмберг пишет: «Министерство внутренних дел отправило циркулярное письмо, в котором призывается внимательно следить за финскими исследователями. ... С русскими должностными лицами я еще не встре-

¹³ SUSA. С. 5. В дореволюционных источниках название деревни пишется либо «Старая Кырга», либо «Сухая Кырга».

¹⁴ *Список населенных мест Пермской губернии*. Пермь: Пермское губернское земство, 1905. С. 133.

тился, они живут за 12 верст. Через неделю еду к ним, чтобы предъявить паспорт. Надеюсь, что отделаюсь от них. Если тут, в Пермской губернии, будут излишне строгими, переправлюсь в сторону Уфимской губернии, расстояние всего лишь около трех верст».¹⁵

¹⁵ SKS KiA Kirjekokoelma 108:92:8.

Жертвоприношение у реки Буй (Старая Кирга) —
Buijoen uhri (Staraja Kirga)

На самом деле пребывание Хольмберга в Старой Кирге продолжалось около месяца, он уехал оттуда либо в самом конце мая, либо в первых числах июня. Однако причиной его отъезда раньше первоначально намеченного срока служили не действия волостных чиновников, а случай с местными жителями, о котором Хольмберг рассказывает в конце письма с заглавием «Старая Кирга».

Итак, следующие 2–3 недели он работал в Бирском уезде Уфимской губернии, в основном в деревнях Можга (Байгузинская волость) и Каймашабаш (Ново-Кыргинская волость). Сегодня эти деревни входят в Янаульский район Республики Башкортостан. Первая из названных деревень примерно в 30 километрах к юго-западу от Кирги и находится на небольшом расстоянии от реки Буй. Согласно Хольмбергу, в Можге проживали только удмурты, но в версте от нее находилось башкирское селение, а русских населенных пунктов поблизости от нее вовсе не было. О Каймашабаше он писал, что рядом с этой деревней проживали русские новоселы,

однако на удмуртов они оказывали мало воздействия — в то время как татарское влияние было заметно во всем.¹⁶

Кроме Можги и Каймашабаша, в записках Хольмберга упоминаются деревни Конигово, Рабак, Сусады-Эбалак и Музяково Бирского уезда.¹⁷ Из них Конигово, которая совсем недалеко от Можги, была удмуртской деревней, а все остальные — марийские. В своем путевом отчете Хольмберг упоминает, что посещал также и марийские деревни и имел в них возможность участвовать в трех обрядах жертвоприношения.¹⁸

С левобережья реки Буй путь исследователя продолжался к удмуртам Старо-Юмьинской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (нынче эта территория Кукморского района Республики Татарстан). Известно, что Хольмберг приехал туда 22 июня, но найти сведения о том, как он преодолел 200-километровое расстояние от бассейна реки Буй к удмуртам нижней Вятки, нам не удалось.¹⁹ Похоже, что и здесь немалое влияние на выбор изучаемых деревень оказывали советы Ивана Михеева — некими базовыми поселениями для исследователя служили село Ошторма-Юмья и деревня Каенсар (первое из них — родное село Михеева). В этом же кусте удмуртских поселений, по-видимому, он работал также в Верхней Юмье, Старой Юмье, Студеном Ключе, Среднем Куморе и Нырье.²⁰

Если влияние христианства на удмуртов бассейна Буя оставалось в целом незначительным, то в новой местности оно было уже заметно ошутимее. На основе наблюдений в Ошторма-Юмье Хольмберг отмечает, во-первых, что в Казанской губернии татарское влияние на удмуртов сильное во многих отношениях. Однако, по срав-

¹⁶ Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuuskarto: Harva U., Suomalais-ugrilaisien kansojen mytologiaa sisältävä käsikirjoitus. С. 64, 108. В дальнейшем: SKS KiA Harva.

¹⁷ SKS KiA Harva. С. 106, 295, 298, 317. В данной рукописи эти названия деревень следующие: Конегин, Рабак, Сусада и Мусаково.

¹⁸ SUSA. С. 5–6; Садиков, Р.Р., Хафиз, К.Х., *Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга)*. Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010. С. 5, 8.

¹⁹ SUSA. С. 6.

²⁰ SKS KiA Harva. С. 236, 254, 256, 279. Название «Каенсар» Хольмберг дает в форме «Старая Канисар».

нению с удмуртами Вятской губернии, которые тогда были уже почти все крещеные, здешние удмурты сумели лучше сохранить свои древние верования и идолопоклонство. Далее, касательно распространения православной веры, он пишет, что «здесь тоже русско-христианское влияние дает знать о себе, потому что миссионеры работают усердно, а священники, не без помощи светской полицейской власти, пытаются уничтожить священные места, и большинство народа записано в христианский приход. Но хотя сеть русских церквей уже довольно густая — в этом селе тоже стоит одна — большинство из священных рощ продолжает стоять нетронутыми, и народ сохраняет боязливое уважение к вере и обрядам, наследованным от отцов».²¹ По сведениям Хольмберга, жители деревни Ошторма-Юмья, кроме своих праздников, принимали участие также в крупных жертвоприношениях, проводимых в Нырье, Старой Юмье и Студеном Ключе каждый третий год.²²

Судя по всему, полевые исследования в Мамадышском уезде продолжались от одного до полутора месяцев. К такому выводу можно прийти на основе того, что в Финляндию Хольмберг возвратился 15 августа.²³ Скорее всего, его обратная дорога на родину шла по тому же маршруту, как в марте — через Казань и Москву.

В своем путевом отчете Хольмберг отмечает, что основными его целями были проверка имеющихся в литературе данных о мифологии удмуртов и сбор нового материала. Прежде всего, он хотел ознакомиться с представлениями, связанными с душой человека, изучить обряды почитания покойных и вообще обряды почитания, основанные на родстве, что и занимает центральное место в религиозной обрядности удмуртов. Во время поездки ему удалось участвовать в десяти многолюдных обрядах жертвоприношения. Кроме описаний жертвенных праздников, Хольмберг собрал в свой архив легенды, сказки, верования и сотню единиц фотографий и рисунков.²⁴

²¹ SKS KiA Narva. С. 157–58. Церковь в Ошторма-Юмье существовала, по крайней мере, уже в середине XIX в. (см.: *Списки населенных мест Российской Империи. XIV. Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года.* С.-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1866. С. 62).

²² SKS KiA Narva. С. 165–66.

²³ SUSA. С. 6.

²⁴ SUSA. С. 6.

На родине перед Хольмбергом стоял вопрос о том, в каком направлении ему развивать свою дальнейшую академическую карьеру. В конце 1911 г. он зондировал условия, которые нужно выполнить для получения доцентуры по истории религий на теологическом факультете Хельсинкского университета. Но, кажется, это направление в недостаточной мере соответствовало его научным амбициям, и когда позже появилась возможность на доцентуру, он подал свое заявление не на теологический факультет, а на историко-филологическое отделение университета. Как уже отмечалось, во вторичном (нетеологическом) образовании Хольмберга главными учебными предметами были практическая и теоретическая философия. Теперь, с учетом того, какое важное место в его научных занятиях занимало изучение фольклора, в промежутке между первой и второй экспедициями он довел свои формальные знания по этому предмету на тот же уровень, как и по философии.²⁵

В результате экспедиции Хольмберг имел богатый материал для написания диссертации. Но, очевидно, что с точки зрения рационализации работы всеобъемлющая тематика, охватывающая широкий спектр мифологических представлений, была нежелательна. Соискатель и остановился на более суженной теме о происхождении и развитии представлений о духах воды у финно-угорских народов.²⁶ Защита докторской диссертации состоялась 16 мая 1913 г.

Экспедиция 1913 г.

В конце мая — начале июня 1913 г., т.е. вскоре после защиты, Хольмберг отправляется во вторую российскую экспедицию. Эта поездка была целиком посвящена изучению марийцев. О ходе второй поездки сохранилось намного меньше сведений, чем о первой. Более того, полевые записи Хольмберга от 1913 г. разрознены и не собраны в единую рукопись, как записки от предыдущей экспедиции. Тем не менее, среди всех своих опытов полевой этнографической работы, сам ученый наиболее высоко оценивал именно экспедицию 1913 г., и, спустя годы, охотнее всего вспоминал ее.²⁷

²⁵ Anttonen 1987. С. 50–51, 78–79, 164–65.

²⁶ Диссертация носила заглавие: *Wassergottheiten der Finnisch-Ugrischen Völker.*

²⁷ Anttonen 1987. С. 68.

Подготовка проекта шла не без сложностей. Как Финно-Угорское Общество, так и Хельсинкский университет не нашли возможностей выделить средства для осуществления новой экспедиции. Выходом из положения стал аванс авторского гонорара, который издатель серии книг по традиционным религиям финно-угорских народов выплачивал Хольмбергу.²⁸

Из Финляндии Хольмберг следовал поездом через С.-Петербург, Вологду и Вятку до Перми, а оттуда проехал водным путем до Уфы. В почтовой открытке, отправленной оттуда 11 июня профессору Крону, путешественник сообщает, что уфимский губернатор был весьма любезным и выдал ему нужные бумаги. В тот же день Хольмберг намерен был выехать из губернского города в Бирский уезд для проведения полевых исследований. Далее он сообщил: «Получил от Карьялайнена адрес черемисского жреца, который желает предоставить сведения Финно-Угорскому Обществу. Вначале еду на место его жительства».²⁹ Из другой открытки, датированной 17 июня и адресованной профессору Сетяля, выясняется, что речь, очевидно, шла о деревне Чаки — Хольмберг отослал своему преподавателю сердечный привет из этой небольшой марийской деревни, находящейся у реки Белой в Андреевской волости.³⁰ Таким образом, первый этап полевой работы ученого проходил не очень далеко от тех местностей, с которыми он познакомился в ходе своей предыдущей экспедиции.

Помимо Чаки, одним из мест работы в Бирском уезде была также деревня Черлак (Черлакова).³¹ В ней Хольмберг имел воз-

²⁸ Anttonen 1987. С. 68. Хольмберг был автором трех томов серии книг «Suomensuvun uskonnot»: *Lappalaisten uskonto*, *Permalaisten uskonto* и *Tsheremissien uskonto*.

²⁹ SKS KiA Kirjekokoelma 108:92:9. В цитате имеется в виду доцент К.Ф. Карьялайнен, который в те годы был секретарем Финно-Угорского Общества.

³⁰ КаА ENS (VAY5239). В конце XIX в. в Чаки было 26 дворов, деревня находилась в полторы верстах от волостного правления в Андреевке (*Сборник статистических сведений по Уфимской губернии*. Том V. Бирский уезд. Уфа: Издание Уфимской Губернской Земской Управы, 1899. С. 15). В середине 1920-х гг. деревня Чаки (Петухова) входила в состав Илишевской волости Бирского кантона (*Населенные пункты Башкортостана*. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. С. 76). Сегодня д. Чаки уже не существует.

³¹ По данным 1920 г. в Черлаке, который в то время входил в Калмыковскую волость Бирского кантона, было 136 дворов с населением 700 чел. (*Населенные пункты Башкортостана*. С. 84). Нынче Черлак часть Дюртюлинского района Республики Башкортостан.

Проведение жертвоприношения *aga-курман* перед вспашкой парового поля (Чаки) — *Aga-kurman uhrin toimitus ennen kesantokyntöön ryhtymistä* (Tshaki)

возможность наблюдать и документировать общинный жертвенный ритуал, праздник *мер-күсө*, собравший участников из нескольких деревень. В монографии о религии марийцев, выпущенной год спустя, Хольмберг подробно описывает этот многодневный праздник, его разные фазы.³² На основе упоминаний в той же книге создается впечатление, что ученый посещал и деревню Курманаево, которая выделялась в религиозном отношении в том, что ее священная роща служила центром притяжения для более чем двадцати деревень.³³ Остается неясным, в каких еще других марийских населенных пунктах Бирского уезда Хольмберг побывал в 1913 г. Вероятно, что в их числе была деревня Киргисово — она упоминается в полевых записках.³⁴ Правда, в записках она фигурирует как «Ст. Киргисева». Деревня с похожим названием (Старокиргисово) имеется сегодня в Илишевском районе Башкортостана. Однако она не марийская. Но в соседнем Краснокамском районе, за десять километров, находится деревня Киргисово, в которой преобладают марийцы.³⁵ Возможно, что Хольмберг побывал именно в ней.

Скорее всего, названные выше деревни не исчерпывают список марийских поселений Бирского уезда, посещенных Хольмбергом в 1913 г. Туманным остается и то, сколько недель он здесь провел среди восточных марийцев. Можно лишь заключить, что это было в июне и, вероятно, также в июле. Неизвестно также, когда и каким путем он добрался из Бирского уезда в Уржумский уезд Вятской губернии, ко второй группе обследованных им марийцев.

На представленной выше карте из числа населенных пунктов Уржумского уезда показаны только уездный город и село Сернур. Это связано с тем, что, помимо Сернура, нет уверенности, именно в каких еще местах побывал здесь Хольмберг. Но, судя по ряду имеющихся в его монографии упоминаний, которые касаются лич-

³² Holmberg, U. *Tsheremissien uskonto. Suomensuvun uskonnot*. Porvoo: WSOY, 1914. С. 77–93.

³³ Holmberg 1914. С. 50, 69. Как и Черлак, Курманаево была тоже довольно большой деревней, в 1920 г. численность ее жителей составляла 781 человек (*Населенные пункты Башкортостана*. С. 98). Сегодня Курманаево входит в Мишкинский район Республики Башкортостан.

³⁴ Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto, Uno Harvan kirjallinen jäämistö.

³⁵ В середине 1920-х гг. она была частью Кайнлыкской волости Бирского кантона; в ней насчитывалось 50 дворов (*Населенные пункты Башкортостана*. С. 75, 78).

ных наблюдений и непосредственного участия в жертвоприношениях, он должен был посещать и другие населенные пункты.³⁶ Поскольку в окрестностях Сернура много марийских святилищ, это село могло служить для Хольмберга неким опорным пунктом на этом участке экспедиции. Фактором, который притягивал ученого именно в Сернур, могло быть то обстоятельство, что среди марийцев этот край был известен как один из очагов традиционной религии, где проводились крупномасштабные жертвоприношения.³⁷ Некоторые краеведы рубежа XIX – XX вв. называли Сернур даже Иерусалимом приверженцев марийской веры. Но само село должно было быть в религиозном отношении уже достаточно смешанным — в нем действовали две церкви. Сернур был относительно большим селом, в 1917 г. в нем насчитывалось около 500 жителей, там же находилось и волостное правление.³⁸

О датах пребывания ученого в Уржумском уезде нет сведений. Скорее всего, он был там в июле–августе, но неизвестно, в какой именно период. Вся российская поездка Хольмберга в 1913 г. ограничилась летним периодом. Следовательно, можно полагать, что общая ее продолжительность не превышала трех месяцев.

³⁶ См., например: Holmberg 1914. С. 97, 98, 103, 105.

³⁷ Об одном обряде жертвоприношения с участием многих тысяч людей около Сернура см.: Lallukka, S., Popov, N., «Testing the limits of permissible. Mari ethno-religious ferment and Russian authority, 1820s–1840s», *Defining Self. Essays on emergent identities in Russia. Seventeenth to Nineteenth Centuries*. Ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009. С. 321–23.

³⁸ *Списки населенных мест Российской Империи*. X. Вятская губерния. С.-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1876. С. 718; Сернурский район. *Сборник документальных очерков*. Серия «История сел и деревень Республики Марий Эл». Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Сернурский район», 2006. С. 223.

Между дисциплинами и школами — дальнейший академический путь

Исследовательская деятельность Уно Хольмберга носила междисциплинарный характер: он был религиоведом, фольклористом, социологом и этнологом. При сборе полевого материала в 1911 и 1913 гг. четыре основных направления его интересов заключались в следующем: (а) социальная обусловленность религиозных ритуалов, (б) священные места и ритуальные предметы, (в) мировоззрение, (г) устное народнопоэтическое творчество и культура нравов. Перелистывая его полевые блокноты, можно прийти к выводу, что первым делом, за которое он брался приезжая в новую деревню, было выяснение родственных отношений ее жителей, потому что он считал, что легитимность социальных институтов в таких общинах вытекает из жертвенных ритуалов, основанных на родстве.³⁹ Этот подход, очевидно, был мотивирован позицией ученого в том, что без ориентиров, предоставляемых религиоведением, многие социологические явления, связанные с первобытными фазами общественной жизни, остаются смутными. В то же время Хольмберг видел тесную связь между социологией и этнологией — в явлениях первобытной культуры выражается социальная воля общины. В этом постулате заметна схожесть с той идеей дюркгеймовской школы, согласно которой образ мышления у первобытных народов коллективный, поскольку он направлен больше на общину, чем на индивида.⁴⁰

Наряду с междисциплинарностью, другая важная сторона ученого Хольмберга заключалась в том, что его узы с традицией исследования финской духовной культуры были всегда прочными, и он разделял те ценностные ориентиры, которые носило это научное направление. В условиях этнического пробуждения финнов эти ценности были не без национально-патриотических оттенков. Этот идейно-политический фон оказал влияние и на то, какой курс взяла его карьера.

Следуя идеям своего наставника, профессора Крона, Хольмберг стремился к раскрытию глубинных черт древнефинских религиоз-

ных форм. Ключом к решению этой амбициозной задачи должны были служить сравнительные данные, собранные у родственных финно-угорских народов. Причем приоритет в собирательской работе Хольмберга принадлежал фольклору — в этом он был верным учеником Крона. Через такой материал Хольмберг хотел вникнуть в самую глубину культурных традиций финнов. Поэтому, работая среди удмуртов и марийцев, он сосредотачивал основное внимание не на современных религиозных явлениях, с немалой долей элементов синкретизма, а на глубинных, финно-угорских пластах веры и мировоззрения. Чтобы выявить религию в ее первоначальной форме, требовалось фиксирование и отделение тех ее характеристик, которые появились в более поздние времена в результате диффузии и аккультурации.⁴¹ Поэтому, работая в поле, исследователь должен был устремить свой взор также на соседей удмуртов и марийцев. Помимо этого, требовалось основательное знакомство с литературой, затрагивающей эту тематику. Архивное наследие Хольмберга, его выписки из книг свидетельствуют о том, что он основательно погрузился в русскоязычную специальную литературу.

Другим научным наставником был профессор Вестермарк, с работами которого Хольмберг познакомился еще в студенческие годы. Может быть, к решению пройти научную переквалификацию Хольмберга манила именно возможность учиться под руководством социолога с мировым именем. Неудивительно, что характерным и для Хольмберга стал представленный Вестермарком эмпиризм с приданием особой важности сбору первичного материала и с позиционированием данных в их социально-культурный контекст. Требование опираться на достаточно представительный сравнительный материал, эмпирическая достоверность которого безупречна, служило ключевым принципом исследовательской деятельности Хольмберга. Другим ориентиром его работы стал географо-исторический метод Крона, согласно которому касающийся небольшого географического пространства материал по народнопоэтическому творчеству следует рассматривать, учитывая более широкие географические и исторические рамки.⁴²

³⁹ Anttonen 1987. С. 63–67.

⁴⁰ Harva, U., «Sosiologia, sen tutkimusala ja tehtävät», Suomalainen Suomi, 1943, № 7. С. 379–80; *Suomalaisen sosiologian historia*, toim. R. Alapuro, M. Alestalo ja E. Haavio-Mannila. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1992. С. 39–40.

⁴¹ Anttonen 1987. С. 53, 66, 77, 85; Загребин, А.Е., *Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 76.

⁴² «Turussa tutkitaan», Kuva, 1941, № 3. С. 6; Anttonen 1987. С. 51, 56, 75–76; *Suomalaisen sosiologian historia*. С. 38.

В результате полевых экспедиций у Хольмберга накопилась масса данных. Однако было бы неправомерным считать его только собирателем сведений об обрядах, для которого на втором плане остается глубокое понимание обусловленностей изучаемых явлений. Хольмберг стремился в своей работе к синтезу и обобщению. Полевая работа среди восточных финно-угорских народов познакомила его с образом мышления этих народов и сделала для него живым то окружение, которое оказало воздействие на их верования и религиозные представления. Хотя Хольмберг и не смог избежать всех ловушек, связанных с использованием устного народного творчества в качестве материала, предоставляющего доказательство о мировоззрении, он написал качественные труды на основе собранного в 1911 и 1913 гг. багажа данных.⁴³ Без большого промедления, в 1914–15 гг., вышли в свет тома по религии пермских народов и марийцев, основополагающие труды, ценность которых не теряется с течением времени. Они вошли в серию книг, посвященных традиционным верованиям финно-угорских народов.⁴⁴

Дальнейшим шагом в карьере ученого стала доцентура по финно-угорскому религиоведению в Хельсинкском университете, на которую его назначили в 1915 г.⁴⁵ Новый доцент вынашивал планы об обширной и продолжительной сибирской экспедиции. Однако он не сумел найти достаточной финансовой поддержки для осуществления этого замысла. К тому же российская общественная обстановка стала к тем временам нестабильной. Но, несмотря на риски и препятствия, Хольмберг не отказался от своей задумки — в июне-августе 1917 г. он совершил исследовательскую поездку, хотя и сильно урезанную, к Енисею.⁴⁶ Можно сказать, что эта поездка была осуществлена в последнюю минуту, вскоре границы закрылись, для зарубежных исследователей дорога к народам России стала недоступной.

Потому как доцентура была недостаточной для обеспечения себя средствами к существованию, основным занятием Хольмберга стала должность преподавателя в лицее — религиоведение же было пред-

⁴³ Anttonen 1987, s. 67–68, 75; *Suomalaisen sosiologian historia*. С. 38.

⁴⁴ Holmberg, U., *Permalaiusten uskonto*. Suomensuvun uskonnot, IV. Porvoo: WSOY, без года издания; Holmberg, U., *Tsheremissien uskonto*. Suomensuvun uskonnot, V. Porvoo: WSOY, 1914. Кроме того, в данной серии книг перу Хольмберга принадлежат также тома по саамам и мордвям.

⁴⁵ «Yliopistomme uusin dosentti».

⁴⁶ Holmberg, U. «Jenisei-ostjakit — häviävä kansa», *Turun Sanomat*, 12 декабря 1926 г.; Anttonen 1987. С. 72–73.

ставлено в Хельсинкском университете только посредством его доцентуры. В 1920-х гг. предпринимался ряд попыток основания в университете профессуры этой дисциплины, но они не увенчались успехом. Поскольку религиоведение пока не могло укорениться в Хельсинкском университете, карьерная дилемма Хольмберга решилась в связи с основанием профессуры социологии в Туркуском университете: в ходе этого процесса сфера социологии была определена так, что новая должность профессора подходила Хольмбергу как костюм, сшитый на заказ, — в круг деятельности профессора входили и социология, и сравнительное религиоведение, и народное творчество. Поэтому, когда в 1926 г. Хольмберг переехал в Турку и занял эту должность, у него никакой необходимости в научной переориентации не было. Он работал профессором Туркуского университета более двадцати лет — вплоть до конца своей жизни в 1949 г.⁴⁷

Хольмберг был ученым с широким диапазоном, для которого привычные границы между разными научными дисциплинами не создавали препятствий. Однако среди обществоведов Финляндии он стоял как бы несколько в стороне в связи с тем, что его основные интересы были направлены больше на явления прошлого, нежели на современность. К тому же его непосредственная связь с науками, имеющими национальный оттенок, как-то обособила его от других социологов-учеников Вестермарка. Это стало заметно уже в доцентские годы. Занимая позицию, согласно которой в задачи финского ученого должно входить преумножение знаний, касающихся национальной культуры, Хольмберг выступил с полемикой против некоторых коллег-социологов, считавших финно-угорские исследования провинциальными и имевшими вне своей национальной значимости ценность лишь в том, что обогащают сравнительный этнографический материал. Хольмберг считал нелепым то, что молодым ученым выделяют госбюджетное финансирование на полевые исследования заокеанских экзотических культур. По его мнению, нет необходимости отправляться в такие дали — и социологи могут провести более значимую работу, не уезжая так далеко от своей страны. У Хольмберга, кажется, вызывало возмущение то, что в конкурсах за пособиями на продолжительные исследовательские поездки среди победителей он не оказался.⁴⁸

⁴⁷ <http://fi.wikipedia.org/wiki/Uno_Harva>.

⁴⁸ Anttonen 1987. С. 106–07; Anttonen, V. «Uno Harva suomalaisen kulttuuri perinnön vaalijana ja tutkijana», *Auraica*, 2008, № 1. С. 42, 44 <<http://ojs.tsv.fi/index.php/Aur/article/view/646/536>>.

Во второй половине 1920-х гг. из СССР поступили в Финляндию некоторые сигналы, намекавшие на возможность открытия научного сотрудничества, в том числе проведения экспедиции на территориях проживания мордвы. Финно-Угорское Общество откликнулось на это незамедлительно — оно изыскало необходимые для осуществления экспедиции средства. Однако приглашения с советской стороны так и не поступило. Но поскольку показалось, что дверь все же была как бы немного приоткрыта, в Финно-Угорском Обществе решили взять инициативу в свои руки: Общество выступило перед советскими властями с ходатайством о направлении в 1928 г. в страну группы из пяти финских ученых для изучения мордвы. В числе пяти предложенных был и Уно Хольмберг; по замыслу, его пребывание в СССР должно было продолжаться три месяца. Но разрешения на въезд для этой группы не поступило.⁴⁹ Кажется, на этом закончились попытки Хольмберга ездить к восточным финно-угорским народам для проведения полевых исследований.

Хольмберг был непревзойденным оратором — на своих лекциях он проявлял большую способность вживаться в обсуждаемую тему. Манеру, с какой доцент Хольмберг по вечерам начинал свои лекции по финно-угорской мифологии, один из его учеников описывал следующими словами: «... он привез с собой свечу, зажег ее и потушил электроосвещение. Речь шла о почитании умерших. Временами Хольмберг читал лекцию почти шепотом, как будто подчеркивая таинственный характер обряда ... ‘Вечерние молитвы’ Уно Хольмберга (так мы их называли) были для меня праздником, и так считал каждый из нас».⁵⁰ Несмотря на популярность как преподавателя, по той или иной причине вокруг него не образовалось группы учеников-наследников, хольмбергская научная школа не состоялась.⁵¹

Отношение Хольмберга к религии эволюционировало в течение его жизни. В 1947 г. он опубликовал статью, в которой затрагивал с точки зрения сравнительного религиоведения, как он выражался, «некоторые глубокие противоречия, существующие между знанием и верой».⁵² Автор статьи обращал особое внимание на логику религиозных знаний и пришел к выводу, что с точки зрения рационалистической, она несостоятельна. Можно считать, что эта статья

⁴⁹ Salminen 2008. С. 124–25.

⁵⁰ Цит. по: Anttonen 1987. С. 81–82.

⁵¹ Anttonen 2008. С. 45.

⁵² Harva, U., «Ihminen ja Jumala», *Helsingin Sanomat*, 10 июня 1947 г.; Anttonen 1987. С. 153–54.

была сведением личных счетов с традицией христианства — причем он не постеснялся сделать это на полосах большой газеты.⁵³

На протяжении своей жизни Хольмберг, очевидно, не являлся членом какой-либо политической партии. Но его взгляды были либеральными, причем он не отказывался от высказывания резких, самостоятельных мнений. В молодости его позиции были близки к младофинским, на склоне лет он приблизился к социал-демократическим идеалам. После второй мировой войны он вступил во вновь созданное Общество «Финляндия-СССР» — поступок, который вызвал некоторое удивление среди коллег в университете. Имеются суждения, согласно которым при этом он возлагал надежды на то, что налаживание межгосударственных культурных связей может содействовать и открытию новых перспектив в области изучения финно-угорских народов.⁵⁴

Хольмберг был импульсивным человеком; характерными для него чертами считаются чувство юмора, художественность и также колкость. В молодости он увлекался поэзией, сочинял стихи, писал картины.⁵⁵ Его художественные склонности можно заметить и в путевых письмах, в частности, в местах, где речь идет о живописных пейзажах на великих российских реках. Как он сам признавался, эти реки, особенно Волга, произвели на него неизгладимое впечатление.

В заключение отрывок из его стихотворения, написанного под воздействием этой великой реки:⁵⁶

Волга, величавая, широкогрудая,
пенящиеся волны, на глади твоей синь облаков!
Родилась ты крошечной, в глуши,
подобно многим жалким ручьям,
мать твоя — скудная, студеной топь,
откуда же могущество твоих вод?

Ты — прекрасная, святая сказка.
Сказывай, пой ее,
чтобы народ твоих берегов —
безвольный, в кандалах —
услышал музыку свободы
волжских волн!

⁵³ Anttonen 1987. С. 151–54.

⁵⁴ Anttonen 2008. С. 43, 45.

⁵⁵ «Turussa tutkitaan». С. 6; Anttonen 2008. С. 46.

⁵⁶ «Turussa tutkitaan». С. 7.

JOHDANTO

Seppo Lallukka, Tatjana Minnijahmetova ja Ranus Sadikov

Suomalaiskansallisen fennomaanien liikkeen laaja läpimurto tapahtui 19. vuosisadan puolivälin paikkeilla. Radikaalit patrioottiset voimat ryhtyivät yhä määrätietoisemmin lujittamaan suomalaista identiteettiä ja rakentamaan kansakuntaa. Akateemisissa piireissä voimistuva kansallistunne siivitti ajatusta, että Suomen tulisi olla suomalais-ugrilaisen tutkimuksen keskuspaikkana. Kansakunnan oleellisiin rakennuselementteihin kuuluvaksi luettiin myös tietoisuus suomalais-ugrilaisesta alkuperästä, minkä vuoksi varsinkin kieli- ja kansatieteeseen sekä arkeologiaan kohdistui erityinen sosiaalinen tilaus. Sukulaiskansojen kielten ja kulttuuriperinnön ajateltiin muodostavan eräänlaisen suomalais-ugrilaisten heimojen yhteisen menneisyyden arkiston.⁵⁷ Ilman sieltä ammennettavia tietoja suomalaisten historian uskottiin jäävän liian ohueksi. Yhteiskunnan modernisoituessa Suomeen rakentui 19. vuosisadan toisen puoliskon kuluessa akateeminen infrastruktuuri ns. kansallistenkin tieteiden alalle. Tämä antoi edellytykset sille, että useat kymmenet tiedemiehet suuntasivat kulkunsa Suomesta Venäjälle tutkimaan siellä asuvia suomensukuisia kansoja.

Hyvin tavallista oli, että tutkimusmatkailijat välittivät kokemuksiaan laajemmallekin yleisölle lähettämällä matkakirjeitä suomalaisiin sanomalehtiin. Yhtäältä lehtijutut olivat kirjoittajilleen lisätulojen lähde, mutta samalla tutkijat suorittivat myös patrioottista tehtävää: he hahmottelivat tavallisille lukijoille kuvaa suomalaisten esihistoriasta — kirjeissä kerrottiin mm. suomalais-ugrilaisten kielten keskinäisistä suhteista ja suomalaisten kaukaisesta menneisyydestä. Joskus esiin

⁵⁷ Ks. Salminen, T., *Aatteen tiede. Suomalais-Ugrilainen Seura 1883–2008*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008, s. 16–17, 206.

nostettiin myös myyttisiä käsityksiä muinaisesta, mutta sittemmin kadotetusta suomalais-ugrilaisen suuruuden ja loiston kaudesta. Todellisuuspohjan olemassaolosta tai sen puuttumisesta riippumatta tällaiset “kulta-aikaa” koskevat kertomukset tähtäsivät suomalaisten identiteetin lujittamiseen ja isänmaallisuuden nostattamiseen. On syytä olettaa, että tällainen kirjoittelu osaltaan myötävaikuttanut kansallisen liikkeen leviämiseen.⁵⁸

Käsitellessään aiheita, joilla oli selvä kansallinen ulottuvuus, tutkijat joutuivat usein tasapainottelemaan tieteen vaatimusten ja omien heimotunteidensa välimaastossa. Sanomalehtiin kirjoitettaessa tällaisia rajoitteita oli vähemmän — omille henkilökohtaisillekin näkemyksille löytyi paremmin tilaa.

Uno Holmbergin kenttätyömatkat Venäjälle tapahtuivat 1910-luvulla, siis muutamia vuosikymmeniä kansallisuusaatteiden läpimurron jälkeen. Suomalaiskansalliset pyrkimykset olivat hänelle läheisiä, Holmbergiä voidaan luonnehtia myöhäiseksi fennomaaniksi. Tämä onkin ymmärrettävää, sillä hänen akateemis-yhteiskunnallinen identiteettinsä muotoutui 19. ja 20. vuosisatojen vaihteen ilmapiirissä, jolle Suomen suuriruhtinaskunnassa antoivat leimaa sortokausien aiheuttamat protestit ja nationalismin voimistuminen. Nuori Holmberg oli aatteellisesti liberaali ja lähellä nuorsuomalaisia, jotka vaativat venäläistämispoliitikan pysäyttämistä ja paluuta perustuslailliseen järjestykseen. Tästä taustasta huolimatta Holmbergin matkakirjeet ovat varsin tasapuolisia ja ennakoasenteettomia — vaikkakin samalla on selvää, mille puolelle hänen sympatiansa asettuivat. Kirjeitä lukiessa on kuitenkin hyvä pitää mielessä niiden kirjoittajan kotimaassa vallinnut tilanne.

Uno Holmberg syntyi vuonna 1882 maalaispappilaan lounais-suomalaisessa Ypäjän pitäjässä.⁵⁹ Monilapsisessa perheessä puhuttiin sekä ruotsia että suomea. Fennomaanisia ajatuksia omaksunut perheenpää,

⁵⁸ Miroslav Hroch in tunnetun periodisaation mukaisesti katsottuna suomalainen kansallisuusliike eteni 1870–80-luvuilla niin, että se läpäisi koko yhteiskunnan (Hroch, M., *Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, s. 62–75).

⁵⁹ Biografisten tietojen päälähteinä ovat olleet: “Yliopistomme uusin dosentti”, *Ylioppilaslehti*, 1915, № 14 (25. huhtikuuta); Anttonen, V., *Uno Harva ja suomalainen uskontotiede*. Helsinki: SKS, 1987; <http://fi.wikipedia.org/wiki/Uno_Harva>.

pastori Gustav Holmberg, lähetti lapsensa suomenkielisiin kouluihin. Uno Holmbergin opintie alkoi vuonna 1892 Turun suomalaisessa lyseossa. Hän valmistui ylioppilaaksi vuonna 1902 ja sen jälkeen isänsä esimerkkiä seuraten ryhtyi opiskelemaan teologiaa.

Teologian opinnot Helsingin yliopistossa päättyivät vuoden 1906 lopulla. Seuraavan vuoden alussa Holmberg vihittiin papiksi ja hänet nimitettiin apulaispapiksi Keski-Suomeen. Toimitettuaan siellä virkaa vuoden verran, hän päätti luopua pappisurasta ja palata yliopistoon hankkiakseen itselleen toisen korkeakoulututkinnon. Tähän elämäntäänteen syistä on tarjottu erilaisia selityksiä. Oletuksiin kuuluu mm., että nuori pappismies ajautui voimakkaaseen henkiseen kriisiin. Vaikuttaa kuitenkin siltä, että jo teologisen tiedekunnan opiskelijana hän tunsu suurta ja nimenomaan tieteellistä kiinnostusta uskontoelämän eri muotoja kohtaan. Holmbergin omien muistelujen mukaan tällaisen kiinnostuksen herätti tutustuminen sosiologi Edvard Westermarckin kirjoituksiin.⁶⁰ Pappisvirasta eroamisesta huolimatta Holmberg ilmeisesti vielä pitkään säilytti entisen kristillisen vakaumuksensa.

Palattuaan vuoden 1908 alussa Helsingin yliopistoon Holmberg ensimmäisenä henkilönä Suomessa ryhtyi harjoittamaan opintoja, joiden tähtäin oli kokonaan uskontotieteellinen. Koska yliopistossa ei ollut tällaista oppiainetta, oli soveltuvan aineiden kokonaisuus koottava eri suunnilta historiallis-kielitieteellisen osaston opetustarjonnasta. Yhden vuoden kuluessa hän onnistui tekemään filosofian kandidaatin tutkintoon tarvittavat suoritukset aineyhdistelmällä, johon kuuluivat käytännöllinen ja teoreettinen filosofia, kansanrunouden tutkimus ja kansantaloustiede. Hänen opettajiaan olivat mm. jo mainittu Westermarck, kansanrunouden tutkija Kaarle Krohn ja kielentutkija E. N. Setälä. Kandidaatintutkinnon suoritettuaan Holmberg ryhtyi harjoittamaan kansanrunouden jatko-opintoja.

⁶⁰ "Turussa tutkitaan", *Kuva*, 1941, № 3, s. 6.

Vuoden 1911 tutkimusmatka⁶¹

Uno Holmbergin tutkijanura sai selkeän suunnan vuoden 1910 kuluessa — hänen uskontotieteellisen mielenkiintonsa kohteeksi tulivat itäiset suomalais-ugrilaiset kansat. Pihkovasta ja Pietarista syksyllä 1910 professori Krohnille osoittamissaan kirjeissä Holmberg kertoo opiskelevansa venäjän kieltä ja perehtyvän permiläiskansojen ja marien mytologiaa käsittelevään kirjallisuuteen.⁶² Jo tässä yhteydessä kävi selväksi, että tuon aihepiirin perusteellista käsittelyä varten oli koottava uutta primääriaineistoa ja päästävä tutustumaan kyseisiin kansoihin. Nuoren tutkijan eteen siis nousi kysymys tutkimusmatkan tekemisestä udmurttien ja marien asuinsijoille. Ilmeni, että apurahaa tällaiseen hankkeeseen olisi mahdollista saada Suomalais-Ugrilaiselta Seuralta ja Helsingin yliopiston kanslerilta.

Holmbergin ensimmäinen pitkä Venäjän-matka toteutui yliopiston tuen turvin. Lähes viisi kuukautta kestäneelle matkalleen hän lähti Helsingistä 22. maaliskuuta 1911.⁶³ Ensimmäisenä etappina oli Kazan, jonne Holmberg matkusti rautateitse Pietarin ja Moskovan kautta.

Matkaaja saapui Kazaniin maaliskuun lopulla. Hän pysähtyi sinne noin kuukaudeksi odottaen jokiliikenteen purjehduskauden alkua. Kazanin viikkoinaan Holmberg valmistautui matkansa kenttätyöosuuteen: opiskeli udmurtin kieltä, luki etnografista kirjallisuutta ja, venäläisessä perheessä asuen, vahvisti käytännön taitojaan ko. kielessä. Noina viikkoina myös hahmottui hänen tuleva kulkureittinsä. Sitä suunnitellessaan hän tukeutui Kazanin "toisuskoisten" opettajaseminaarin opettaja Ivan Mihejevin neuvoihin. Syntyperäisenä udmurttina Mihejevillä oli laajat kontaktit eri alueilla asuviin udmurttiryhmiin joten hän osasi ohjata Holmbergin sellaisiin kyliin, joissa alkuperäiset etniset traditiot olivat parhaiten säilyneet.⁶⁴

⁶¹ Tähän jaksoon liittyvä valokuva on sivulla 20.

⁶² Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto, Kirjekokoelma 108:92:1-4. Jatkossa: SKS KiA Kirjekokoelma.

⁶³ Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja XXIX (1915), Vuosikertomus v. 1911, s. 5. Jatkossa: SUSA.

⁶⁴ Kansallisarkisto E.N. Setälä, saapuneet kirjeet (VAY5251), jatkossa: KaA ENS; SUSA, s. 5.

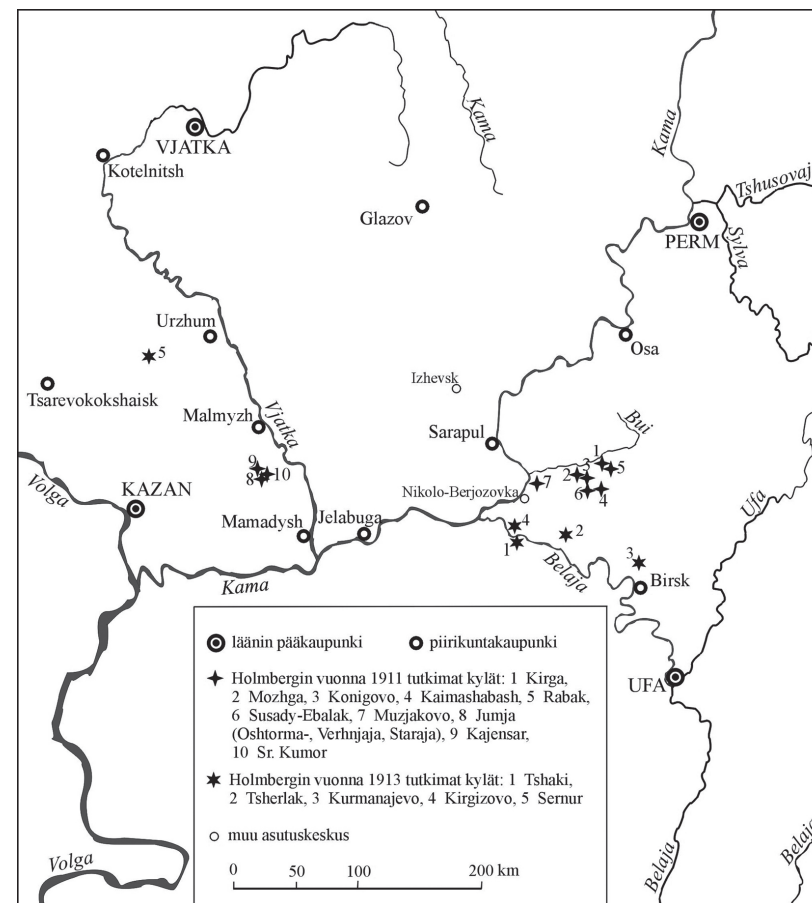
Holmbergin välittämä kortti professori Setälältä Kazanin yliopiston turkkilaiskielten professori Nikolai Katanoville auttoi avaamaan ovia vieraassa kaupungissa. Katanov, hakassilaista alkuperää ollut tiedemies, toimi Holmbergille eräänlaisena kuraattorina. Suomeen lähettämissään kirjeissä Holmberg luonnehtii Katanovia iloiseksi ja palvelualttiiksi mieheksi, joka tutustutti hänet moniin kazanilaisiin tutkijoihin ja paikallisiin tiedelaitoksiin. Hänen avullaan syntyi myös kontakti edellä puheena olleeseen Mihejeviin sekä toiseenkin opettajaseminaarin udmurttilaiseen toimihenkilöön, Arkadi Emeljanoviin. Kazanissa ollessaan Holmberg myös tutustui lääkäri Mihail Homjakoviin, joka kallo-opillisessa väitöskirjassaan käsitteli udmurttien mytologian ja etnografian kysymyksiäkin.⁶⁵

Ennakkovalmistautumisesta huolimatta Holmbergin taidot udmurtin kielessä rajoittuivat ilmeisestikin siinä määrin alkeisiin, että kylissä oleskellessaan hän saattoi kommunikoida udmurtiksi vain rajoitetusti. Enimmäkseen välittäjäkielenä oli venäjä. Hän tarvitsi siis sellaisten paikallisten asukkaiden apua, jotka osasivat sekä udmurttia että venäjää. On kuitenkin todettava, että niin Holmbergin painetut työt kuin myös kenttämuistiinpanot osoittavat hänen hallinneen suuren määrän udmurtinkielisiä termejä. Kuvatessaan uskonnollisia menoja hän pyrki johdonmukaisesti antamaan avainsanat niiden alkuperäisessä muodossaan. Vastaava tapa näkyy myös hänen marilaisia koskevista kirjoituksistaan.

Matkan kenttätöväihe alkoi 2. toukokuuta — Holmberg astui Kazanista Permiin lähteneeseen höyrylaivaan. Volga ja Kamaa pitkin Nikolo-Berjozovkaan asti matkustettuaan hän nousi laivasta ja taittoi jäljellä olleen 80 virstan mittaisen taipaleen hevoskyydillä ensimmäiseen kyläkohteeseensa, Buijoen rannalla sijaitsevaan Staraja Kirgan kylään.⁶⁶ Hallinnollisesti tämä udmurttikylä kuului noina aikoina Permin läänin Osan piirikunnan Bolshegondyrin kuntaan. Nykyinen Kirgan kylä on osa Permin aluepiirin Kujedan piiriä.

⁶⁵ KaA ENS (VAY5251); SKS KiA Kirjekokoelma 108:92:6; O Катанове см.: Geraci, R., *Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, s. 309–41.

⁶⁶ SUSA, s. 5. Neuvostoaikaa edeltäneissä lähteissä kylän nimi on muodossa “Staraja Kyrga” tai “Suhaja Kyrga”.

Kylät, joissa Holmberg harjoitti tutkimuksiaan, on merkitty oheiseen karttaan. Kylien nimet ovat niiden nykyisin käytössä olevassa muodossa.

Staraja Kirga oli iso kylä; vuoden 1904 tietojen mukaan siellä oli 151 taloa, joissa oli yhteensä 953 asukasta.⁶⁷ Kylän asukkaiden kertoman

⁶⁷ Список населенных мест Пермской губернии. Пермь: Пермское губернское земство, 1905, s. 133.

mukaan se oli yksi seutukunnan vanhimmista udmurttikylistä. Osa lähistön muista udmurttikylistä oli Staraja Kirgan asukkaiden perustamia.

Professori Krohnille osoittamassaan ja 7. toukokuuta päivätyssä kirjeessään Holmberg kertoo saapuneensa perille juuri sopivasti, sillä heti tulopäivän jälkeisenä päivänä kylässä vietettiin kylvöjuhlaa, johon liittyviä menoja hän ennätti valokuvata ja tulossa oli vielä muitakin juhlia. Kylän elämä tuntui siinä määrin “mieltäkiinnittävältä”, että tutkija suunnitteli pysyvänsä Staraja Kirgassa ainakin pari kuukautta. Paikallisviranomaisista Holmbergilla ei vielä ollut käsitystä ja tästä jossakin määrin huolestuneena hän jatkoi kirjeessään: “Sisäasianministeristö kun erinomaan on lähettänyt kiertokirjeen, jossa kehoitetaan suomalaisia tutkijoita tarkasti pitämään silmällä. ... Olen Permin ja Ufan rajalla. Venäläisiä viranomaisia en vielä ole tavannut, asuvat 12 virstan päässä. Viikon päästä lähdän heidän puheilleen passia näyttämään. Toivon heistä selviäväni. Jos Permin läänissä ollaan ankaria, siirryn Ufan puolelle, matkaa vain noin 3 virstaa.”⁶⁸

Todellisuudessa oleskelu Staraja Kirgassa kesti noin kuukauden verran, Holmberg lähti sieltä joko aivan toukokuun lopussa tai kesäkuun ensimmäisinä päivinä. Aiottua nopeamman poistumisen syynä eivät kuitenkaan olleet viranomaisten toimet, vaan kyläläisten kanssa syntynyt kärhä, josta Holmberg kertoo kirjeensä “Staraja Kirga” lopussa.

Seuraavat 2–3 viikkoa Holmberg työskenteli Ufan läänin Birskin piirikunnassa, pääasiassa Mozghan (Baiguzinon kunta) ja Kaimashabashin (Novo-Kirgan kunta) kylissä. Nykyisin nämä kylät kuuluvat Bashkortostanin tasavallan Janaulin piiriin. Mainituista kylistä ensimmäinen sijaitsee noin 30 kilometriä Kirgasta lounaan suuntaan lähellä Buijokea. Holmbergin mukaan Mozhgassa asui vain udmurtteja, virstan päässä oli bashkiirikylä, venäläisiä kyliä ei lähistöllä ollut lainkaan. Kaimashabashista hän mainitsee, että sen vieressä asui venäläisiä uudisasukkaita, mutta udmurtteihin näillä oli vain vähän vaikutusta. Sen sijaan tataarien vaikutus näkyi kaikkialla.⁶⁹

Mozghan ja Kaimashabashin ohella Holmberg mainitsee muistiinpanoissaan Birskin piirikunnan kylät Konigovo, Rabak, Susady-Ebalak ja

⁶⁸ SKS KiA Kirjekokoelma 108:92:8.

⁶⁹ Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto: Harva U., Suomalais-ugrialaisten kansojen mytologiaa sisältävä käsikirjoitus, s. 64, 108. Jatkossa: SKS KiA Harva.

Muzjakovo.⁷⁰ Niistä Konigovo, joka on aivan Mozghan lähellä, oli udmurttikylä, kaikki muut olivat marilaisia. Matkakertomuksensa mukaan Holmbergilla oli marilaiskylissä tilaisuus osallistua kolmeen uhritapahtumaan.⁷¹

Buijoen seuduilta tutkijan tie johti Kazanin läänin Mamadyshin piirikunnan Staraja Jumjan kunnassa asuvien udmurttien luo (nykyisin kyseinen seutu kuuluu Tatarstanin tasavallan Kukmorin piiriin). Millä tavoin hän taittoi tuon parinsadan kilometrin taipaleen, on hämärän peitossa. Se kuitenkin tiedetään, että hän saapui Staraja Jumjan kuntaan 22. kesäkuuta.⁷² On ilmeistä, että täälläkin kylien valintaan vaikuttivat Ivan Mihejevin neuvot — jonkinlaisina tukikohtakylinä olivat Oshtorma-Jumja ja Kajensar (näistä ensimmäinen on Mihejevin kotikylä). Muita lähistön kyliä, joissa Holmberg ilmeisesti myös työskenteli, olivat Verhnjaja Jumja, Staraja Jumja, Studenyi Kljutsh, Srednyi Kumor ja Nyrja.⁷³

Buijoen udmurtteihin ristinuskon vaikutus oli kaiken kaikkeaan vähäinen. Holmbergin uudessa tutkimusympäristössä se oli jo selvästi tuntuvampi. Oshtorma-Jumjassa tekemiensä havaintojen pohjalta hän totesi ensinnäkin sen, että Kazanin läänissä tataarien vaikutus udmurtteihin oli monissa suhteissa vahva. Mutta toisaalta, Vjatkan läänin udmurtteihin verrattuna, jotka jo miltei kaikki olivat kastettuja, muinaiset uskomukset ja palvonta olivat Kazanin läänissä säilyneet paremmin. Ortodoksikirkon käännetyssoponnistuksista Holmberg toteaa, että “lähetysaarnaajat tekevät ahkerasti työtä, papit yrittävät hävittää pyhäkköjä maallisen poliisivallan avulla ja suurin osa kansaa on viime vuosina kirjoitettu kristill. seurakunnan kirjoihin. Mutta vaikkakin nykyään venäläisiä kirkkoja jo on jotenkin tiheässä — tässäkin kylässä on sellainen — kohoavat kuitenkin vielä useimmat uhrilehdot koskemattomina ja kansalla on taikauskoinen pelonsekainen kunnioitus isiltä

⁷⁰ SKS KiA Harva, s. 106, 295, 298, 317. Kyseisessä käsikirjoituksessa kylien nimet on kirjoitettu seuraavasti: Konegin, Rabak, Susada ja Musakovo.

⁷¹ SUSA, s. 5–6; Садиков, Р.Р., Хафиз, К.Х., *Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга)*. Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010, s. 5, 8.

⁷² SUSA, s. 6.

⁷³ SKS KiA Harva, s. 236, 254, 256, 279. Kajensar on Holmbergillä muodossa Staraja Kanisar.

perittyä uskontoa ja menoja kohtaan.”⁷⁴ Holmbergin saamien tietojen mukaan Oshforma-Jumjan asukkaat tapasivat omien juhliensa lisäksi osallistua myös Nyrjassa, Staraja Jumjassa ja Studenyi Kljutshissa kolmen vuoden välein pidettäviin suurempiin uhrijuhliin.⁷⁵

Tutkimukset Mamadyshin piirikunnassa kestivät kuutisen viikkoa. Tällaiseen päätelmään voi tulla sen pohjalta, että Holmberg palasi Suomeen 15. elokuuta.⁷⁶ Paluureitti kulki todennäköisesti samalla tavoin kuin maaliskuussakin Kazanin ja Moskovan kautta.

Matkakertomuksessaan Holmberg sanoo, että hänen tärkeimpinä tavoitteinaan olivat udmurttien mytologiaa koskevien kirjallisuudessa olevien tietojen tarkastaminen ja uuden aineiston kokoaminen. Ennen muuta hän halusi päästä perille ihmisen sieluun liittyvistä käsityksistä, tutkia vainajainpalvontaa ja yleensäkin sukulaisuuteen nojaavaa palvontaa, millä on keskeinen asema udmurttien uskonnollisissa menoissa. Matkansa aikana hän pääsi osallistumaan kymmeneen suurempaan uhritapahtumaan. Laatimiensa uhrijuhlakuvausten lisäksi Holmberg keräsi legendoja, satuja, tietoja uskomuksista, laati piirroksia ja otti satakunta valokuvaa.⁷⁷

Kotimaassa selvittämistä odotti kysymys siitä, mihin suuntaan akateemista uraa olisi mahdollista kehittää. Vuoden 1911 lopulla Holmberg tunnusteli edellytyksiään päästä uskonnonhistorian dosentiksi Helsingin yliopiston teologiseen tiedekuntaan. Vaikuttaa kuitenkin siltä, että tämä suunta ei täysin vastannut hänen pyrkimyksiään, ja kun myöhemmin tie dosenttuuriin aukesi, hän ei osoittanut hakemustaan teologiseen tiedekuntaan vaan yliopiston historiallis-kielitieteelliselle osastolle. Edellä jo mainittiin, Holmbergin toisen tutkinnon pääaineina olivat käytännöllinen ja teoreettinen filosofia. Kun kansanrunouden tutkimuksesta oli nyt tullut hänelle tärkeä tieteenala, hän kohotti ensimmäisen ja toisen tutkimusmatkan välisenä aikana muodolliset tietonsa tässä oppiaineessa samalle tasolle kuin filosofiassakin.⁷⁸

⁷⁴ SKS KiA Harva, s. 157–58. Oshforma-Jumjan kirkko oli olemassa jo ainakin 19. vuosisadan puolivälissä (*Списки населенных мест Российской Империи. XIV. Казанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. С.-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1866, s. 62*).

⁷⁵ SKS KiA Harva, s. 165–66.

⁷⁶ SUSA, s. 6.

⁷⁷ SUSA, s. 6.

⁷⁸ Anttonen 1987, s. 50–51, 78–79, 164–65.

Tutkimusmatkansa tuloksena Holmbergilla oli hallussaan runsas aineisto väitöskirjatyötä varten. Käsiteltäväksi ei kuitenkaan ollut tarkoituksenmukaista ottaa mytologisia käsityksiä koko laajuudessaan, aihetta oli rajattava. Holmberg kirjoitti väitöskirjansa suomalais-ugrilaisten kansojen vedenhaltijoihin liittyvistä käsityksistä.⁷⁹ Väitöstilaisuus järjestettiin 16. toukokuuta 1913.

Vuoden 1913 tutkimusmatka⁸⁰

Touko-kesäkuun vaihteessa 1913, siis miltei heti väitöskirjan puolustamisen jälkeen, Holmberg lähti taas Venäjälle — tällä kertaa mareja tutkimaan. Tästä matkasta on säilynyt tietoja huomattavasti edellistä matkaa vähemmän; kenttämuistiinpanojakaan ei ole, kuten edellisellä kerralla, koottu yhtenäiseksi käsikirjoitukseksi. Kuitenkin Holmberg itse arvosti kenttätökokemuksistaan eniten vuoden 1913 matkaansa ja mielellään sitä muisteli.⁸¹

Matkavalmistelut olivat hankalat. Varoja hankkeen rahoittamiseen ei löytynyt Suomalais-Ugrilaiselta Seuralta eikä Helsingin yliopistolta. Ratkaisuna oli lopulta omarahoitus: suomalais-ugrilaisten kansojen perinteisiä uskontoja käsittelevän kirjasarjan kustantaja suostui maksamaan Holmbergin kirjoituspalkkion etukäteen.⁸²

Tutkija matkusti ensin junalla Pietarin, Vologdan ja Vjatkan kautta Permiin, josta matka jatkui vesiteitse Ufaan. Sieltä 11. kesäkuuta professori Krohnille lähettämässään kortissa hän kertoo, että Ufan kuvernööri oli kohdellut häntä hyvin ja kirjoittanut hänelle tarvittavat paperit. Vielä samana päivänä matkamies oli aikeissa lähteä Ufasta Birskin piirikuntaan. Lisäksi hän ilmoitti: “Sain Karjalaiselta sen tsheremissipapin osoitteen, joka haluaa antaa tietoja S-U Seuralle.

⁷⁹ Väitöskirjan otsikkona oli *Wassergottheiten der Finnisch-Ugrischen Völker*.

⁸⁰ Tähän jaksoon liittyvä valokuva on sivulla 25.

⁸¹ Anttonen 1987, s. 68.

⁸² Anttonen 1987, s. 68. Kirjasarjan *Suomensuvun uskonnot* osista Holmberg kirjoitti kolme: *Lappalaisten uskonto*, *Permalaisten uskonto* ja *Tsheremissien uskonto*.

Lähden ensiksi hänen asumapaikalleen.”⁸³ Kysymys oli ilmeisesti Tshakin kylästä, koskapa siellä 17. kesäkuuta päiväystä ja professori Setälälle osoitetusta postikortista selviää, että Holmberg asui kylässä, johon oli saanut Karjalaiselta osoitteen. Pieni Tshakin kylä sijaitsi Belajajoen rannalla.⁸⁴ Kesän 1913 kenttätöiden ensivaihe kulki siis verrattain lähellä niitä seutuja, jotka Holmberg tunsi edellisen tutkimusmatkansa kautta.

Tshakin ohella Birskin piirikunnan kohteisiin kuului myös Tsherlakin kylä.⁸⁵ Siellä Holmbergilla oli tilaisuus havainnoida ja dokumentoida yhteisöllinen uhrिताpahtuma, *mer-kysö*, johon kokoontui osallistujia useammista kylistä. Tämän monipäiväisen juhlan kulun Holmberg kuvaa seikkaperäisesti vuonna 1914 ilmestyneessä marien uskontoa käsittelevässä monografiassa.⁸⁶ Samassa kirjassa olevien mainintojen perusteella on syytä olettaa hänen käyneen myös Kurmanajevon kylässä, joka uskonnollisessa suhteessa oli sikäli merkittävä, että sen pyhä lehto kokosi palvojia yli kahdestakymmenestä eri kylästä.⁸⁷ Epäselväksi jää, missä muissa Birskin piirikunnan marilaiskylissä Holmberg liikkui vuonna 1913. Luultavaa on, että niiden joukkoon kuuluu Kirgisovo, koska tästä

⁸³ SKS KiA Kirjekokoelma 108:92:9. Sitaatissa viitataan Suomalais-Ugrilaisen Seuran sihteerinä toimineeseen dosentti K.F. Karjalaiseen. Kortissa mainittu tsheremissipappi oli ilmeisesti luontouskonnon edustaja, sillä 17. kesäkuuta päiväämässään kortissa Holmberg luonnehtii häntä sanalla “tietäjä” (KaA ENS (VAY5239)).

⁸⁴ KaA ENS (VAY5239). Tshakissa oli 19. vuosisadan lopussa 26 taloa ja kylä oli vain puolentoista virstan päässä kuntakeskuksena olleesta Andrejevkaasta (*Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том V. Бирский уезд.* Уфа: Издание Уфимской Губернской Земской Управы, 1899, s. 15). 1920-luvun puolivälissä Tshaki (kylän toisena nimenä oli Petuhova) kuului Birskin kantonin Isishevon kuntaan (*Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926.* Уфа: Китап, 2002, s. 76). Nykyisin Tshakin kylää ei ole enää olemassa.

⁸⁵ Vuoden 1920 tietojen mukaan Tsherlakissa, joka tuolloin kuului Birskin kantonin Kalmykovon kuntaan, oli 136 taloa ja yhteensä 700 asukasta (*Населенные пункты Башкортостана*, s. 84). Nykyisin Tsherlak on osa Bashkortostanin tasavallan Djurtjulin piiriä.

⁸⁶ Holmberg, U. Tsheremissien uskonto. Suomensuvun uskonnot. Porvoo: WSOY, 1914, s. 77–93.

⁸⁷ Holmberg 1914, s. 50, 69. Kuten Tsherlak, myös Kurmanajevo oli verrattain iso kylä; vuonna 1920 siellä oli 781 asukasta (*Населенные пункты Башкортостана*, s. 98). Nykyisin Kurmanajevo kuuluu Bashkortostanin tasavallan Mishkinon piiriin.

kylästä on merkintä hänen muistivihkossaan.⁸⁸ Tosin se esiintyy hänellä muodossa “St. Kirgiseva”. Tätä muistuttava kylä (Starokirgizovo) sijaitsee nykyisin Bashkortostanin tasavallan Ilishevon piirissä, mutta se ei ole marilaiskylä. Siitä noin kymmenen kilometrin päässä Kaltasyn piirissä on Kirgisovon kylä, jonka asukkaat ovat pääasiassa mareja.⁸⁹ Merkinnällään Holmberg ehkä tarkoitti tätä kylää.

Edellä lueteltujen lisäksi Holmberg luultavasti kävi vielä muissakin Birskin piirikunnan marilaiskylissä. Siitäkään ei ole selvyyttä, montako viikkoa hän vietti itämarien parissa. Voi vain päätellä, että hän oli siellä kesäkuussa ja luultavasti heinäkuussakin. Epäselvää on sekin, milloin ja mitä reittiä hän siirtyi Birskin piirikunnasta Vjatkan läänin Urzhumin piirikuntaan.

Edellä esitetystä kartasta näkyy Urzhumin piirikunnan asutuskeskuksista vain piirikuntakaupunki ja Sernurin kylä. Syynä tähän on tietojen puute: ei ole selvyyttä siitä, missä muissa kylissä Holmberg siellä liikkui. Hänen monografiassaan olevat maininnat osallistumisista uhrिताilaisuuksiin antavat kuitenkin aiheen päätellä, että hänen on täytynyt Sernurin ohella kulkea muissakin kylissä.⁹⁰ Koska noilla seuduilla on monia marien pyhiä paikkoja, voi Sernurin olettaa olleen Holmbergille eräänlainen tukikohtakylä. Ilmeisenä tutkijaa Sernuriin vetäneenä tekijänä oli se, että seutu tunnettiin eräänlaisena marien perinteisen uskonnon linnakkeena, jossa järjestettiin suuria uhrिताilaisuuksia.⁹¹ Jotkut 19. ja 20. vuosisatojen vaihteen kotiseutututkijat kutsuivatkin Sernuria marilaisuskonnon kannattajien Jerusalemiksi. Itse Sernurin kylä lienee tuolloin kuitenkin jo ollut uskonnollisesti seka-aineksinen, siellä oli jo pitkään toiminut kaksi kirkkoa. Sernur oli suhteellisen suuri kylä, vuonna 1917 siellä laskettiin olleen 500 asukasta, se oli myös kunnan hallintokeskus.⁹²

⁸⁸ SKS KiA, Uno Harvan kirjallinen jäämistö.

⁸⁹ 1920-luvun puolivälissä se kuului Birskin kantonin Kainlykovon kuntaan ja siellä laskettiin olleen 50 taloa (*Населенные пункты Башкортостана*, s. 75, 78).

⁹⁰ Ks. Holmberg 1914, s. 97, 98, 103, 105.

⁹¹ Eräästä tuhansia osallistujia koonneesta uhrिताjuhlasta Sernurin liepeillä ks.: Lallukka, S., Popov, N., “Testing the limits of permissible. Mari ethno-religious ferment and Russian authority, 1820s–1840s”, *Defining Self. Essays on emergent identities in Russia. Seventeenth to Nineteenth Centuries*. Ed. by M. Branch. Helsinki: Finnish Literature Society, 2009, s. 321–23.

⁹² *Списки населенных мест Российской Империи. X. Вятская губерния. С.-Петербург: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1876, s. 718; Сernурский район. Сборник документальных*

Yksityiskohtaisia tietoja Holmbergin oleskelun ajankohdasta Urzhumin piirikunnassa ei ole saatavilla. Kaiken todennäköisyyden mukaan hän oli siellä heinä-elokuussa. Kun koko vuoden 1913 matka rajoittui kesäkauteen, voi päätellä, että sen kokonaiskesto ei ylittänyt kolmea kuukautta.

Akateeminen ura matkojen jälkeen

Uno Holmberg oli monitieteilijä: uskontotieteilijä, folkloristi, sosiologi ja etnologi. Venäjältä aineistoa kootessaan hänen kiinnostuksen pääkohteina olivat (a) uskonnollisten rituaalien sosiaaliset määreet, (b) pyhät paikat ja rituaaliesineet, (c) maailmankuva ja (d) kertomusperinne ja tavat. Hänen muistiinpanoistaan on nähtävissä, että tutkijan ensimmäisenä tehtävänä uudessa kylässä oli selvittää asukkaiden sukulaisuussuhteet. Tämä oli tärkeää, koska hänen näkemyksensä mukaan kyläyhteisön sosiaalisten instituutioiden legitimeetti nojasi sukuun perustuviin uhrirituaaleihin.⁹³ Tämä menettelytapa juontui ajatuksesta, että ilman uskontotieteen antamia suuntaviitoja monet alkukantaisen yhteisön sosiologiset ilmiöt jäävät vaille riittävää selitystä. Samalla Holmberg piti sosiologian ja etnologian välillä vallitsevaa yhteyttä hyvin tiiviinä, koska alkukantaisesta kulttuurista nousevat ilmiöt heijastavat yhteisön sosiaalista tahtoa. Lähtiessään siitä, että primitiivisten kansojen ajattelutapa on kollektiivinen, pikemminkin yhteisöön kuin yksilöön suuntautunut, hän oli durkheimilaisen koulukunnan linjoilla.⁹⁴

Poikkitieteellisyys ohella Holmbergille ominaista oli jatkuva aktiivinen osallistuminen suomalaisen henkisen kulttuurin tutkimukseen. Hän myös sisäisti tämän tutkimustradition arvopäämäärät. Suomalaisten kansallisen heräämisen myötä näillä arvoilla oli kansallismielinen ja patrioottinen sävytyksensä. Tämä aatteellis-poliittinen tausta määritteli osaltaan hänen uransa suuntaa.

очерков. Серия “История сел и деревень Республики Марий Эл”. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования “Сернурский район”, 2006, s. 223.

⁹³ Anttonen 1987, s. 63–67.

⁹⁴ Harva, U., “Sosiologia, sen tutkimusala ja tehtävät”, *Suomalainen Suomi*, 1943, № 7, s. 379–80; *Suomalaisen sosiologian historia*, toim. R. Alapuro, M. Alestalo ja E. Haavio-Mannila. Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1992, s. 39–40.

Ohjaajansa professori Krohnin ajatuksia seuraten Holmberg halusi selkeyttää kuvaa muinaissuomalaisen uskomusmaailmasta. Sukukansojen keskuudesta kootun vertailumateriaalin piti tarjota välineet tähän tehtävään — ja krohnilaisittain etusijalla aineistossa oli kertomusperinne. Tätä tietä Holmberg suunnitteli porautuvansa suomalaisten kulttuuriperinteiden syvään ytimeen. Työskennellessään udmurttien ja marien luona häntä tästä syystä eivät niinkään kiinnostaneet senaikaiset uskonnon ilmiöt, joihin sisältyi paljon synkretistisiä elementtejä, vaan uskonnon ja maailmankatsomuksen syvemmät suomalais-ugrilaiset kerrostumat. Alkuperäisen uskomusmaailman avaamiseksi oli siis tarpeen määrittellä ja eristää myöhemmin omaksutut piirteet, jotka olivat tulleet diffuusion ja akkulturaation välityksellä.⁹⁵ Kentällä työskenneltäessä oli siksi tunnettava ja tarkkailtava myös udmurttien ja marien naapurikansoja. Lisäksi oli tunnettava tätä aihepiiriä käsittelevä tutkimuskirjallisuus. Holmbergin arkistoitu jäämistö osoittaa, että hän oli laajalti perehtynyt venäjänkielisiin tutkimuksiin.

Toisena tieteellisenä esikuvana oli professori Westermarck, jonka kirjoituksiin Holmberg tutustui jo ylioppilasvuosinaan. Päätökseen hankkiutua uudelleen yliopistoon toista tutkintoa suorittamaan nähtävästi houkuttelikin mahdollisuus päästä opiskelemaan maailmanmainetta saavuttaneen sosiologin johdolla. Westermarckin edustamasta empirismistä — painottaen primaariaineiston kokoamista ja aineiston tarkastelua sosiaalis-kulttuurisessa kontekstissaan — tuli Holmbergillekin tunnusomainen piirre. Vaatimus, että tutkimus nojaa riittävä edustavaan ja empiirisesti luotettavaan vertailuaineistoon, oli Holmbergin työskentelytavan kulmakivenä. Toisena peruskivenä oli Krohnilta omaksuttu maantieteellis-historiallinen menetelmä, jonka mukaan suppeaa aluetta koskeva kertomusperinneaineisto oli sijoitettava laajempaan maantieteelliseen ja historialliseen viitekehykseen.⁹⁶

Kenttätyömatkojen satona Holmbergin hallussa oli suuri aineistomassiivi. Ei kuitenkaan olisi oikein pitää häntä vain tietojen kokoajana, jolle jäävät toissijaisiksi dokumentoituihin ilmiöihin liittyvät syy- ja seuraussuhteet. Holmberg pyrki työssään synteisiin ja yleistykseen.

⁹⁵ Anttonen 1987, s. 53, 66, 77, 85; Загребин, А.Е., *Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999, s. 76.

⁹⁶ “Turussa tutkitaan”, *Kuva*, 1941, № 3, s. 6; Anttonen 1987, s. 51, 56, 75–76; *Suomalaisen sosiologian historia*, s. 38.

Työskentely itäisten suomalais-ugrialaisten kansojen parissa tutustutti hänet näiden kansojen ajattelutapoihin ja perehdytti hänet siihen ympäristöön, joka oli muovannut heidän uskomuksiaan ja uskonnollisia käsityksiään. Vaikkakaan Holmberg ei voinut välttää kaikkia ansoja, jotka osuvat tielle käytettäessä suullista kansanperinnettä maailmankatsomuksellisten kysymysten selvittelyyn, hän kirjoitti kokoamansa aineiston pohjalta korkealaatuisia tutkimuksia.⁹⁷ Jo vuosina 1914–15 ilmestyivät permiläiskansojen ja marien uskontoja käsittelevät kirjat — perustavaa laatua olevat teokset, joiden arvoa aika ei ole himmentänyt. Ne ilmestyivät osana suomalais-ugrialaisten kansojen perinteisille uskonnoille omistettua kirjasarjaa.⁹⁸

Seuraavana uran askeleena oli suomalais-ugrilaisen uskonnotutkimuksen dosenttuuri Helsingin yliopistossa, johon Holmberg nimitettiin vuonna 1915.⁹⁹ Uusi dosentti havitteli mahdollisuutta lähteä pitkäkestoiselle tutkimusmatkalle Siperiaan. Riittävää rahoitusta tämän idean toteuttamiseen ei kuitenkaan löytynyt. Lisäksi poliittinen jännite Venäjällä oli lisääntynyt. Riskeistä ja esteistä huolimatta Holmberg ei kuitenkaan luopunut ajatuksestaan. Kesä-elokuussa 1917 hän teki tutkimusmatkan Jeniseille, vaikkakin se jäi alkuperäisiin suunnitelmiin nähden rajusti supistetuksi.¹⁰⁰ Voi sanoa, että matka tapahtui viime hetkellä, pian rajat suljettiin, ja ulkomaalaisten tutkijoiden tie Venäjän kansojen luo katkesi.

Koska dosenttuuri ei tarjonnut riittävää toimeentuloa, Holmbergin leipätyönä oli lyseon opettajan toimi — uskontotiede oli Helsingin yliopistossa edustettuna vain hänen dosenttuurinsa kautta. 1920-luvulla tehtiin joitakin yrityksiä professuurin perustamiseksi, mutta ne eivät johtaneet tulokseen. Kun uskontotiede ei toistaiseksi saanut Helsingin yliopistossa vahvempaa jalansijaa, Holmbergin urakysymys lopulta ratkesi sosiologian professuuria Turun yliopistoon perustettaessa. Uusi virka määriteltiin niin, että se oli kuin räätälöity hänelle: professorin

⁹⁷ Anttonen 1987, s. 67–68, 75; *Suomalaisen sosiologian historia*, s. 38.

⁹⁸ Holmberg, U., *Permalaisten uskonto*. Suomensuvun uskonnot, IV. Porvoo: WSOY, ilman julkaisuvuotta; Holmberg, U., *Tsheremissien uskonto*. Suomensuvun uskonnot, V. Porvoo: WSOY, 1914. Näiden lisäksi Holmberg kirjoitti kyseisen kirjasarjan saamelaisia ja mordvalaisia käsitelleet osat.

⁹⁹ ”Yliopistomme uusin dosentti”.

¹⁰⁰ Holmberg, U. ”Jenisei-ostjakit – häviävä kansa”, *Turun Sanomat*, 12. joulukuuta 1926; Anttonen 1987, s. 72–73.

toimialaan kuuluivat sosiologia, vertaileva uskontotiede ja kansantietous. Niinpä kun Holmberg vuonna 1926 muutti Turkuun ja otti viran vastaan, hänellä ei ollut mitään tarvetta muuttaa tieteellistä orientoitumistaan. Hän toimi Turun yliopiston professorina yli kaksikymmentä vuotta, aina kuolemaansa saakka vuonna 1949.¹⁰¹

Uno Holmberg oli laaja-alainen tutkija, jota tieteen lohkojen väliset raja-aidat eivät pidätelleet. Yhteiskuntatieteilijänä hän oli sikäli yksinäinen, että hänen kiinnostuksensa suuntautui enemmänkin syvään menneisyyteen kuin nykyaikaan. Lisäksi myös vahva kytkös kansallisiin tieteisiin erotti hänet muista Westermarckin oppilaina olleista sosiologeista. Tämä eriseuraisuus näkyi jo dosenttivuosina. Holmberg katsoi, että suomalaisen tutkijan tehtävänä on kartuttaa kansallista kulttuuria koskevaa tietämystä. Tämä näkemys johti hänet poleemiin kiistoihin eräiden sosiologi-kollegoiden kanssa, joidenka mielestä suomalais-ugrilainen tutkimus oli provinsiaalista ja omasi kansallisen merkityksensä rinnalla arvoa vain sikäli, että sen kautta saatiin lisää vertailevaa etnografista aineistoa. Holmberg puolestaan piti ”hullunkurisena”, että nuoria tutkijoita lähetetään valtion kustannuksella valtamerten taakse eksoottisia kulttuureja tutkimaan. Hänen mielestään sosiologit voivat tehdä hyödyllisempää työtä lähempänä omaa maataan. Holmbergin tyytymättömyyden ilmeisenä lähteenä oli se, että hän ei päässyt osalliseksi kenttätutkimukselle tärkeistä pitkäaikaisista matka-apurahoista.¹⁰²

1920-luvun toisen puoliskon aikana Neuvostoliitosta kantautui Suomeen joitakin merkkejä siitä, että maiden välillä olisi mahdollista viritellä tieteellistä yhteistoimintaa. Viitattiin mm. tieteellisen retkikunnan järjestämiseen mordvalaisten tutkimiseksi. Suomalais-Ugrilainen Seura reagoi tähän signaaliin viivytyksettä ja hankki tutkimusmatkan toteuttamiseen tarvittavat varat. Neuvostopuolen kutsua ei kuitenkaan kuulunut. Kun kuitenkin vaikutti siltä, että ovi ei ollut kokonaan kiinni, Suomalais-Ugrilaisessa Seurassa päätettiin ottaa aloite omiin käsiin: neuvostoviranomaisille toimitettiin pyyntö saada lähettää maahan vuonna 1928 viisihenkinen ryhmä mordvalaisten tutkimista varten. Ehdotettuun ryhmään kuului myös Uno Holmberg; ajatuksena oli, että hänen

¹⁰¹ <http://fi.wikipedia.org/wiki/Uno_Harva>.

¹⁰² Anttonen 1987, s. 106–07; Anttonen, V. ”Uno Harva suomalaisen kulttuuri-perinnön vaalijana ja tutkijana”, *Auraica*, 2008, № 1, s. 42, 44 <<http://ojs.tsv.fi/index.php/Aur/article/view/646/536>>.

oleskelunsa Neuvostoliitossa olisi kestänyt kolme kuukautta. Maahan-tulolupaa ei kuitenkaan saatu.¹⁰³ Tähän ilmeisestikin päättyivät Holm-bergin yritykset päästä vielä kenttäolosuhteissa tutkimaan itäisiä suomalais-ugrilaisia kansoja.

Holmberg oli pidetty ja eläytyvä luennoitsija. Eräs hänen oppilaistaan on kuvannut seuraavasti sitä tapaa, jolla dosentti Holmberg aloitti iltaisin pitämänsä luennot suomalais-ugrilaisesta mytologiasta: "... hän toi mukanaan kynttilän, sytytti sen ja sammutti sähkön. Oli esillä vainajainpalvelus. Holmberg luennoi joskus miltei kuiskaten, ikäänkuin tähdentäen seremonian salaperäistä luonnetta ... Uno Holmbergin 'iltahartaudet' (kuten me sanoimme) olivat minulle juhlaa, ja samoin meille jokaiselle."¹⁰⁴ Vaikka hän oli suosittu luennoitsija, jostakin syystä hänen ympärilleen ei kuitenkaan kehkeytynyt oppilaiden seuraajaryhmää, eikä holmbergilaista koulukuntaa muodostunut.¹⁰⁵

Holmbergin suhde uskuntoon muuttui hänen elämänsä kuluessa. Vuonna 1947 hän julkaisi sanomalehtiartikkelin, joka käsitteli vertailevan uskontotieteen näkökulmasta "eräitä tiedon ja uskon välillä vallitsevia syviä ristiriitoja".¹⁰⁶ Holmberg suuntasi huomionsa uskonnollisen tiedon logiikkaan ja päätyi pitämään sitä rationaalisesti tarkasteltuna kestävämmän. Tätä lehtikirjoitusta voi pitää Holmbergin henkilökoh-taisena tilintekona kristilliseen traditioon nähden. Erikoista on, että hän teki sen valtakunnallisen sanomalehden palstoilla.¹⁰⁷

Holmberg ei nähtävästi ollut jäsenenä missään poliittisessa puolueessa. Hänen näkemyksensä olivat liberaaleja, eikä hän pidättäytynyt lausumasta jyrkkiäkään omaperäisiä mielipiteitä. Nuoruudessaan hän oli lähellä nuorsuomalaisia, kun taas elämänsä loppuvaiheessa hän lähestyi sosiaalidemokraattisia ihanteita. Toisen maailmansodan jälkeen Holmberg liittyi Suomi-Neuvostoliitto-Seuraan, mikä herätti jossakin määrin kummastusta yliopistoyhteisössä. On pohdiskeltu, että tekoa saattoi motivoida ajatus, että valtiollisten

¹⁰³ Salminen 2008, s. 124–25.

¹⁰⁴ Sitaatti lähteestä: Anttonen 1987, s. 81–82.

¹⁰⁵ Anttonen 2008, s. 45.

¹⁰⁶ Harva, U., "Ihminen ja Jumala", *Helsingin Sanomat*, 10. kesäkuuta 1947; Anttonen 1987, s. 153–54.

¹⁰⁷ Anttonen 1987, s. 151–54.

kulttuurisuhteiden kautta voisi avautua uusia mahdollisuuksia suomalais-ugrialaisten kansojen tutkimuksellekin.¹⁰⁸

Uno Holmberg oli impulsiivinen ihminen, hänelle luonteenomaisina piirteinä on pidetty huumorintajuutta, taiteellisuutta ja myös pisteliäisyyttä. Nuoruudessaan hän oli kiinnostunut runoudesta, hän kirjoitti runoja ja maalasi tauluja.¹⁰⁹ Taiteelliset taipumukset tulevat esiin myös matkakirjeistä, mm. niissä kohdissa, joissa kuvataan Venäjän suurten jokien maisemia. Kuten hän itse totesi, joet, ja aivan erityisesti Volga, tekivät häneen lähtemättömän vaikutuksen.

Päätteeksi sopiikin kappale hänen runostaan, joka on kirjoitettu Venäjän suuren joen nostattamissa tunnelmissa:¹¹⁰

Volga jylhä, jättirinta,
kuohuaalto, pilvipinta!
Piennä synnyit sydänmailla
monen puron pahan lailla,
äitis köyhä, kylmä suo, mist' on vesiesi vuo?

Satu sun on kaunis, pyhä.
Kerro, laula siitä yhä,
jotta rantojesi kansa
tahdotonna kahleissansa
kuulis Volgan aaltojen
vapauden sävelen.

¹⁰⁸ Anttonen 2008, s. 43, 45.

¹⁰⁹ "Turussa tutkitaan", s. 6; Anttonen 2008, s. 46.

¹¹⁰ "Turussa tutkitaan", s. 7.

ПИСЬМА УНО ХОЛЬМБЕРГА

Экспедиция 1911 г.

- *Из Хельсинки в Москву*
- *Из Москвы в Казань*
- *От Волги на Каму*
- *Старая Кирга*
- *Восточноевропейский тракт*
- *В татарском селе*
- *На жертвенной горе*
- *Свадебные обряды вотяков*
- *Почитание умерших у вотяков*

Экспедиция 1913 г.

- *К черемисам*
- *В селениях разноплеменных народов*
- *Выходной день в черемисской деревне*
- *О способах добывания средств
к существованию у черемисов*
- *На черемисской свадьбе*
- *Сороковая ночь*

Экспедиция 1911 г.

Из Хельсинки в Москву¹

Неведомые судьбы раздробили финские племена, разделили их на разные народы, разбросали далеко друг от друга в иноплеменные пространства, где они контактируют с носителями других культурных наследий. Как сильно различаются судьбы народов нашего племени! Лишь немногие из них смогли подняться в число просвещенных народов. Некоторые остались на весьма низком уровне развития, живут почти первобытной жизнью, а некоторые вовсе вымерли. И тем не менее, по происхождению они из того же рода-племени, имели когда-то общую прародину, тех же предков, те же верования, обычаи и язык. Как памятники единого сообщества в древности сохранилось до наших дней немало языковых схожестей, а также множество обрядов и обычаев, восходящих корнями к временам язычества. Богатые событиями века и расстояния в тысячи верст не смогли полностью стереть эти святыне племенные узы. Опираясь на общее наследие, сравнительная наука может вырисовывать картину о культуре древних финнов; чтобы ознакомиться с ее духовной стороной, как раз и еду я на восточную окраину Европы.

Когда я отправился из Хельсинки, знакомых людей в вагоне не оказалось. Был поздний вечер; погрузившись в свои размышления, я сидел некоторое время, а затем заснул под монотонный шум поезда. Не знаю почему, мне приснилось, что я сплю под шумящим деревом в каком-то сарае в виде шатра. Утром, когда я проснулся,

¹ «Matkakirjeitä. 1. Helsingistä – Moskowaan», газета «Turun Sanomat» от 20 апреля 1911 г.

мы были на пограничной станции, где проводился таможенный досмотр. Вскоре после этого наш поезд прибыл в Санкт-Петербург.

Времени задерживаться в суе этой метрополии было немного. В моем распоряжении имелось лишь несколько часов. Я бегал за покупками, заглянул в библиотеку и навестил некоторых знакомых. На улицах Петербурга совсем не было снега. Как обычно, толпы людей быстрыми шагами двигались по Невскому. Любопытно было наблюдать со стороны за этими пестрыми людскими толпами. Целыми днями и ночами они идут непрерывным потоком; и все лица — чужие. Помимо европейцев, встречаются и азиатские лица — видные кавказцы, широколицые киргизы и т.д. Из-за натянутых межгосударственных отношений исчезли китайцы как и японцы в годы Японской войны.

В городах Финляндии не увидишь петербургской помпезности и роскоши и — нищеты! Здесь везде шик и грязь рядом друг с другом. Так же это и в одежде нищих. Я видел женщину, у которой на голове красовался большой шикарный головной убор с изящными перьями, но на ногах она не имела носков. Вероятно, что какая-то знатная дама подарила этой нищенке свою шляпку, когда ей самой приглянулась более модная. А как по-разному выглядит жизнь вокруг петербургских дворцов, в пригородах и в сельской местности! Никогда так четко не бросалась мне в глаза пропасть между жизнью людей как прошлой осенью, когда я совершил экспедиции по сбору этнографического материала из Петербурга в сельские окрестности города. Поздней осенью ночевал я в одной избе, где продувало. После того, как погасла маленькая чадающая лампа, я заметил, как лежащие на соломе полуголые люди уставились глазами на проблески с неба. Я и сам задавал себе вопрос: не северное ли это сияние? Нет, не оно, это огни Петербурга, хотя расстояние до него шестьдесят верст. Различие между светом этого крупного города и мраком окружающих его сел — это как разрыв между днем и ночью.

В связи с перегруженностью поездов пассажирами между Петербургом и Москвой, временами трудно достать билет, если его не приобрести заблаговременно. Поэтому надо было скорее добраться до железнодорожного вокзала. Однако я приехал поздно, не смог попасть на тот поезд, на котором хотел ехать, а следующий отправлялся в путь только через полтора часа. Я ожидал с любопытством, кем будут мои спутники в купе. Двое мужчин в пышных тулупах заняли нижние полки. Один из них, в русской форменной фуражке на голове, заговорил со мной. Он был весьма доволен, что я оказал-

ся некурящим: табак портит человека. В одной кофейне от табачного дыма у него разболелась голова. Прежде всего, его возмутило то, что курят женщины. Как он сам заявил, он вполне образцовый человек: вино, кофе, чай не пьет, табак не курит и вечером рано ложится спать. Тем не менее, он был очень взволнован.

Четвертое место в купе было еще не занято. Только на последней минуте пришел запыхавшись молодой господин. Он и стал мне компаньоном на верхних полках. Этот молодой человек был изысканно одет, носил очки, имел завитые маленькие усы; его бархатный жилет был украшен вышивкой, а через его ухоженные волосы шел пробор — прямой и гладкий, как железнодорожная магистраль Петербург—Москва. Он начал читать немецкую газету.

Мой первый собеседник стал знакомиться с молодым человеком:

— Барин не храпит, когда спит?

— Нет!

— И не говорит во сне?

— Полагаю, что нет.

— Есть путешественники, которые и храпят, и говорят во сне и этим самым ужасно мешают другим пассажирам.

Таким образом был начат разговор. Скоро мне стало известно, что пришедший последним молодой человек был из Тартуского университета,² изучал теологию, но еще не успел закончить свою учебу. Он был по пути в Москву, где служил помощником у одного старого пастора. Поскольку его учебный предмет не был для меня незнакомым, у нас нашлось много тем для разговора.³ До поздней ночи мы беседовали о Тартуском университете, о немецких теологах, о сравнительном религиоведении и т.д. Наш разговор продолжался до тех пор, пока спутник с нижней полки не предупредил, что совершенно неуместно мешать ночному покою других пассажиров.

² Тартуский университет (Дерптский, Юрьевский) основан шведским королем Густавом II Адольфом в 1632 г. Университет прекратил свое существование в XVIII в.; восстановлен императором Александром I в 1802 г.

³ В свое время У. Хольмберг закончил теологический факультет Хельсинкского университета.

На следующий день к прибытию в Москву мы с молодым теологом стали уже настолько близкими знакомыми, что в те два дня моего пребывания в городе мне была предоставлена бесплатная квартира в уютной усадьбе немецкой церкви Святого Михаила.⁴

Какая же большая разница между Петербургом и Москвой! Прямые и широкие улицы и регулярность построек в Петербурге создают западноевропейское впечатление. В Москве, напротив, узкие улицы выются туда-сюда, поднимаясь и опускаясь; как стиль построек, так и уличная жизнь очень пестра, ощущаются восточные веяния. Москва — настоящий русский город. Он — центр внутренней торговли и на его улицах видишь нескончаемые очереди грузовых повозок. На громадных телегах перевозят всевозможный товар: ткани, фрукты, чай и т.д. Косматая шерсть толстокопытных лошадей украшена разнородными пестрыми поясами и блестящими латунными кольцами. Дуга — большая, зачастую крашенная красной краской, — сияет на солнце как радуга. По краю дуги расписаны товары, которые продаются в магазине владельца. Бородатые возчики, до колен покрытыми грязью ногами, гримасничают, довольные на солнцепеке. Это действительно создает русское впечатление! На главных улицах, где проживают семьи московских купцов-толстосумов, несколько чище. Хотя Москва грязная, как любой подлинно русский город, но здесь мало болезней, потому что в Москве сухой воздух, и вода прозрачная, как хрусталь.

Несмотря на то, что по приезду в город вначале тебя окружает большая толпа нищих, Москва — богатый город. Часть из купеческого сословия даже очень богата. Частные лица сделали крупные пожертвования в пользу города: построили видные храмы, школы, музеи, больницы и др.

Наибольший интерес в Москве, конечно, представляют памятники старины. Из них самыми достойными внимания являются старый, окруженный стеной Китай-город и знаменитый Кремль — место паломничества всего российского народа. Из располагающейся там высокой Колокольни Ивана Великого путешественник может видеть обширную панораму города. Глядя с высоты, кажется, что в Москве, кроме церквей, нет других зданий — повсюду их такое бесчисленное множество. Вероятно, в мире нет другого мес-

⁴ Церковь Святого Михаила (нем. *Michael-Kirche*) — религиозный, духовный и культурный центр лютеран в Москве. Каменная церковь была построена в 1684 г., снесена в 1928 г.

та, в такой мере посвященного религиозному началу, чем это. Можно представить, какое торжественное настроение наполняет душу верующего русского человека, когда он ясным пасхальным утром слышит звон неисчислимого множества колоколов, и более того, что некоторые из них такие огромные, что по своим габаритам превосходят чумы наших предков. Главный храм — Успенский собор, который по старинному обычаю служит местом венчания на царство правителей.

Посетитель Москвы также не должен забыть посетить музей, из которых особенно достойны просмотра исторический⁵ и этнографический⁶. К этому следует также упомянуть о всемирно известных коллекциях картин Третьякова.⁷ Кроме того, внимания заслуживают в городе и многочисленные дворцы, грандиозные пассажи и многие известные магазины и т.д. Однако, названные последними здания довольно молодые и современные: как мы помним, сто лет назад вся Москва была в огне. Местные жители еще могут указать место в реке, где французы штурмовали город, и сопку, с которой, как говорят, Наполеон наблюдал за пожаром в городе. В будущем году русские проведут большой государственный праздник, к которому будет воздвигнут памятник, посвященный спасению Отечества.

За пару дней невозможно основательно ознакомиться с состоянием духовной жизни города. Однако по многим показателям сложилось представление, что в Москве русская наука и культура процветают не в меньшей степени, чем в Петербурге. Разного типа школы, как для мальчиков, так и для девочек, можно видеть почти на каждой улице. В общем, как мне кажется, среднее городское сословие России более-менее образованное. Развитию академической жизни во многом мешает то, что высшие учебные заведения России никакого самоуправления не имеют. На занятиях рядом со студентами сидят жандармы, которые имеют право распоряжаться,

⁵ Государственный исторический музей в Москве, основанный в 1895 г., — национальный исторический музей России.

⁶ Под этнографическим музеем здесь, скорее всего, понимается выставка собраний Румянцевского музея, созданного в 1831 г. и переданного в дальнейшем (1861 г.) в Москву. В последующем этнографические коллекции музея были переданы Музею народов СССР (ныне РЭМ).

⁷ Третьяковская галерея — художественный музей в Москве, основанный в 1856 г. купцом Павлом Третьяковым.

о чем именно и в каком духе могут читать преподаватели лекции. Понятно, что науку, которой в первую очередь нужна свобода, такой порядок не продвигает. Кроме лицеев, в Москве много разного рода художественных и ремесленных учебных заведений. Московские купцы сделали большую патриотическую услугу тем, что щедро поддерживали стремления неимущих художников и школьников.

С древних времен в русском народе существуют два элемента. Один — крайне консервативный, другой — повсюду стремящийся на уровень новейших идеалов. Представляется, что эта пропасть нигде столь не глубока, как в Москве. Здесь везде заметны противоречия старины и современности. Вон там на улице старая неуклюжая русская телега и фешенебельный новый автомобиль, из которого выскакивает девушка, наверняка актриса, чтобы зайти в часовню перекреститься до того, как вступить на подмостки очаровывать людей. В Москве, где так много старого, как в обычаях, так и в одежде, я впервые видел т.н. юбку-штаны⁸ — глупость моды, которая доставила так много огорчений Папе Римскому.

Еще пару слов о московских финнах. Кто бы мог поверить, что тут, в сердце России можно встретить финнов, которые здесь не в качестве путешественников, а родились и выросли в Москве. В усадьбе церкви Михаила я познакомился с некоторыми из них. Узнал, что несколько недель тому назад здесь скончался старый немецкий священник; он родился в Финляндии, поэтому знал и финский язык. За 24 года пребывания в Москве, он стал любимцем здешних финнов. Он помогал бедным добывать средства к существованию и устраивал их детей в немецкую школу. Я встретил некоторых из таких парней. Было странно слышать, что они говорили на чистом финском языке, несмотря на то, что родились и выросли в Москве. Некоторые успели посетить родину своих предков. Кажется, число финских семей около ста, многие из них состоятельные, много всяких ремесленников, ювелиров, часовщиков. Меня пригласили в одну семью, где мне оказали гостеприимство

⁸ Жюп-кюлот (фр. *jupe-culotte*) — юбки-брюки, новое явление в моде появилось среди французских модниц — брюки очень большой ширины, визуально выглядящие как юбки, широко распространившиеся в конце XIX — начале XX в. благодаря увлечению ездой на велосипеде. Кроме того, ими заинтересовались феминистки, стремившиеся к достижению «костюмного» равноправия с мужчинами.

как родственнику. Хотя они в семье общаются на финском языке, все остальное у них дома создает русское впечатление — и это не странно, ведь живут они в русской среде.

— Имеете ли Вы планы переселиться когда-нибудь в Финляндию?

— Вряд ли переправимся, раз мы здесь добываем себе средства к существованию.

— А дети, они тоже навсегда останутся здесь, среди чужеземцев и, в конце концов, сольются с чужой национальностью?

— Бог знает, что они сделают, но мы их предостерегаем, чтобы они не забывали свой язык.

Из Москвы в Казань⁹

Железная дорога из Москвы в Казань принадлежит частной компании. Поезда по ней двигаются медленно, с остановками и на второстепенных станциях. Когда я сделал кондуктору замечание о том, что было бы разумно обслуживать такой длинный железнодорожный участок скорым поездом, он немного задумался, затем обратил свой взор на мою кепку и проговорил равнодушно: «А Вы куда торопитесь, молодой человек?» Так, действительно! Я обмозговал его житейскую мудрость и начал осваиваться с пребыванием в вагоне поезда. Здесь и другие как у себя дома; особенно это касается пассажиров, следующих далеко. С удивлением наблюдаю, как свободно ведут себя люди. Вон там старики, сидя в одной рубашке, беседуют и весь день пьют чай. А там девушка лежит на животе и читает роман; она сняла с ног обувь. Дама, которая волей судьбы выпала мне в качестве компаньонки, сидит целыми днями в утреннем халате, то и дело вздремывая на своем месте. Все как будто члены одной семьи. Нет отдельного спального вагона для мужчин и женщин.

Я считал себя счастливым, что эта дама, Наталья Николаевна, оказалась моей спутницей. Как жительница Казани, она сумела дать мне много полезных советов, касающихся жилья и других прак-

⁹ «Matkakirjeitä. Moskowasta Kasaniin», газета «Turun Sanomat» от 29 апреля 1911 г.

тических вопросов при пребывании в чужом городе. Более того, она тщательно караулила мой багаж, когда на станциях временами я выскакивал из поезда, чтобы поесть квашеную капусту, свиные ножки или другие русские лакомства. Здесь невозможно путешествовать так беззаботно, как в Финляндии, потому что люди, — разумеется, по ошибке, — могут уходить из вагона с вещами другого человека. Если ты не привык к тому, что вежливо пресекаешь такого рода ошибки, ты легко можешь остаться без кола без двора.

Когда мне стало ясно, что я оказался под покровительством надежных глаз, утомленный от многих достопримечательностей Москвы, в первую ночь я спал так крепко, что ничего бы не заметил, если бы у меня даже удаляли слепую кишку. Поэтому не могу сказать, как проходила ночь. Проснувшись утром, к своей радости, я заметил, что находился еще в том же вагоне и что все мое дорожное снаряжение было в сохранности. Многие из пассажиров высадились из поезда в течение ночи. Повсюду можно было видеть новые лица. Наталья Николаевна сидела у окна, мочила ломтик белого хлеба в стакане чая. Рядом на верхней полке спал старик-татарин; вместо одеяла, на нем лежали дорогостоящие шубы. На другой стороне вагона сидела его дочь, лицо ее было покрыто черной вуалью. На ногах у нее были красные сапоги, доходящие до колен, голенища сапог были искусно вышиты. Через вуаль просматривались милостивые и пропорциональные черты лица и большие карие глаза. Религия запрещает татарской женщине раскрывать свое лицо перед посторонними людьми.

Старик начал тереть свои заспанные глаза. По его одежде я сделал вывод, что он зажиточный мужчина. Он и сам рассказал, что является купцом. Где-то здесь у железной дороги он имеет филиал своего предприятия, а главная его торговая точка в Казани. Кроме того, на ярмарочные недели он открыл магазин и в Нижнем Новгороде. Он выступает посредником при продаже китайского чая.

Тот факт, что уже не менее половины пассажиров составляют татары, говорит о том, что приближается восточный край Европы. За железнодорожной магистралью открываются необозримые снежные просторы. Серый горизонт сливается с сугробами. Часами не видно ни дерева, ни камня, ни холма. Какая здесь бескрайняя равнина! Вон там, в снегу, как бы черная нитка! Когда мы подъезжаем ближе, видим длинную очередь обозных лошадей. Куда стремится этот караван? Мне осталось неизвестным, прошел ли он по тракту или просто по утопанному в снегу следу. Какая же огромная разница между ездой в уютном и теплом вагоне поезда и ездой в таком

холодном обозе. Когда я думаю о пронизывающих ветрах, что свистят на этих просторах, я все с большим почтением смотрю на пышный тулуп моего соседа-татарина. Тут у небесных ветров неохватное пространство чтобы бушевать. Все понятнее становятся мне описания сильных снежных буранов русскими писателями: «Холодные ветры визжат, как дикая кошка, плачут, как ребенок, воют, как голодные волки». Я также понимаю чувство, владеющее душой путешественника, сбивающегося в метель с пути. Говорят, что он умирает не от холода или голода, а от страха. На протяжении всего видимого пространства все еще только снег и снег. В природе только два цвета, которые вдали сливаются: белая земля и серое небо.

Вон там, на равнине, видна какая-то черная точка. Это какие-то жилища будто группа муравейников. На бескрайней равнине, к которой мои глаза не привыкли, они кажутся совсем маленькими. То, что это — жилища людей, могу определить по двум признакам: из некоторых поднимается синий дым и, кроме того, там возвышается столб, который, судя по всему, является колокольней. Какими бы были ощущения, если бы провести зиму в подобной деревне?

Снова на равнине только снег вплоть до небосвода. Некоторые деревни стоят ближе к железной дороге. Из-за снежных заносов не видно стен построек, видны лишь высокие соломенные крыши. Сложно сказать, какую национальность представляют их жители. Наверно, так проживали в старину наши предки. Каждый род образовывал свою деревню. Ввиду тогдашних промыслов, племя вынуждено было жить вразброс. Одно селение с другим не имело совместных дел, кроме случаев, когда шли воевать или умыкали девушек. На случай нападения врага жилые постройки деревни располагались в одной кучке. К тому же людям надо было защищать себя от всевозможных диких зверей.

Станции, на которых поезд время от времени непременно останавливается, в большинстве незначительные и, как правило, расположены далеко от обжитых местностей. На рыжих стенах множество всевозможных досок объявлений. Люди на перроне бедные, в лохмотьях. И мужики, и женщины одеты в овчинные шубы. На ногах у них лапти, у некоторых и валенки. Представителей господского сословия можно видеть только на крупных станциях.

Чаще всего это члены чиновничьих семей. Мужчины носят разного рода форменную одежду и форменные фуражки. Женщины, в общем, одеты в европейском стиле, у всех на затылке башлык. Станционная публика включает также группу изувеченных нищих,

которые окружают каждого пассажира, высаживающегося из вагона первого класса. Несмотря на то, что никто не садится в поезд, он стоит подолгу и на многих маленьких станциях. Почти при каждой стоянке любители чаепития наполняют свой чайник кипятком.

Солнце начинает садиться, небо становится темно-стальным, воздух охлаждается; чувствуется ночное похолодание. Счастливцев тот, кто имеет теплый приют, потому что по таким ночам, кроме извергающегося искры поезда, на этих просторах бродит только одна смерть.

До полуночи поезд останавливается на крупной станции. Выхожу осмотреть вокзал, потому что стоянка длится один час и пять минут. Громадный ресторан наполнен посетителями. Откуда они взялись — я не понимаю: с поезда, во всяком случае, они не пришли. Вероятно, мы находимся в обжитой местности. Длинный стол наполнен красивыми бутылками, официанты бегают как на гонках, и пробки хлопают одна громче другой. Здание вокзала — большой каменный дом; в нем размещен и книжный магазин, и элегантный салон парикмахерской. Перед высокими зеркалами сидят офицеры с бородами, покрытыми мыльным кремом. Молодые дамы в зале ресторана одеты в стиле Санкт-Петербурга: в высоких головных уборах и в наглухо закрытых платьях, из под которых видны только в несколько дюймов высотой тонкие каблучки. Я ужинаю и жду отправления поезда.

Той ночью я спал не настолько крепко, как предыдущей. На станциях часто просыпался от шума пассажиров, которые садились в поезд. Слышал, как Наталья Николаевна боролась с присаживающимися пассажирами, которые пытались пристраивать свои вещи на наши места. Не раз стычка велась на повышенных тонах. Признаю, что сам я не сумел бы защищаться столь храбро, как она. Ввиду того, что в России плата за отправленные в багажном вагоне вещи довольно высокая, русские имеют обычай, насколько возможно, взять весь багаж с собой в пассажирский вагон. В вагонах имеется довольно много места для багажа, но всех вещей они все же не могут вместить. Сам я научился в той мере искусству погрузки у русских, что в Москве счел более выгодным дать рубль носильщику, чтобы он «законно» разместил мои вещи в моем вагоне, чем идти и заплатить четыре рубля за отдельно отправленный багаж, из которого, пожалуй, половина исчезла бы «по ошибке» в пути.

В России нередко можно видеть, что в вагоне ходят собаки или же слышать, как поет петух на полке вагона второго класса. Не говоря уже о том, какие еще домашние животные могут путеше-

ствовать в вагоне третьего класса. Под утро я заснул. А когда проснулся, светило уже солнце. Пейзажи стали более холмистыми. Кое-где были видны долины рек и отдельные красивые лесистые бугры. Кажется, здесь дуб является главным видом деревьев. Его коричневые, искореженные листья остались еще воспоминаниями о прошлом лете. Перехожу в тамбур, чтобы подышать свежим весенним воздухом. Вчера царила еще зимняя обстановка, сегодня в воздухе ощущается весна. Реки как будто уже ждут ледохода, а серые дубы — своих листьев и певчих птиц. Насты ослепительно яркие и тени деревьев густо-синие.

Старик-татарин подходит ко мне побеседовать. Он очень любознателен. Он слышал немало разговоров про Финляндию, тем не менее, его представление о стране не совсем четкое. Среди прочего, он думает, что на севере Финляндии живут представители самодийских народов.

— А финны хорошие торговцы?

Я киваю ему головой, потому что заметил, что он оценивает народ лишь на основе того, как умело он ведет торговлю.

— В качестве представителя какой фирмы Вы путешествуете?

Я отвечаю, что фирма называется Финно-Угорское Общество.¹⁰

— Оно торгует чаем?

— Насколько я знаю, нет.

Это досадно, потому что он посредник в поставке чистого и качественного чая.

Вскоре мы прибываем на станцию, где мне предстоит приобрести отдельный билет на переправу через Волгу. Дело в том, что через реку нет железнодорожного моста. Через несколько минут поезд останавливается и пассажиры со своими вещами садятся на желтые сани, задняя часть которых весьма широкая, а спереди они узкие как снегоочиститель. Извозчики перевозят людей через Волгу наперегонки; у одних в упряжке две лошади, у других — три. За десять минут достигнут другой берег, на котором следует пересесть на новый поезд. Каждый торопится найти для себя и для своих вещей удобные места. Впрочем, никакой спешки нет, по неизвестной мне причине поезд стоит еще полчаса.

¹⁰ Финно-Угорское Общество (Suomalais-Ugrilainen Seura) — одно из старейших научных обществ Финляндии, основано в 1883 г.

В Казани — Kazanissa

Смотрю на Волгу в ледяных оковах. Даже в неволе она вызывает уважение, потому что эти крутые берега, которые она образовала своими волнами, свидетельствуют о громадной мощи природы. Через несколько недель она освободится ото льда. В Казани у меня будет возможность наблюдать за ее весенней мощью и слушать ее песню свободы.

Через некоторое время поезд трогается. Пейзажи становятся несколько иными. Теперь больше и лесов, и населенных пунктов. Мы, таким образом, уже миновали тихие равнины. Постройки у железной дороги указывают на то, что здесь уровень культуры выше. Мы все больше приближаемся к колыбели культуры, хотя и к восточноевропейской. Кроме русских букв, на больших красочных досках объявлений видны и арабские надписи.

Наталья Николаевна, далее не путешествующая в том же отделении вагона, приходит ко мне попрощаться, желает успеха моим научным занятиям и сообщает, что через несколько минут подходит к концу поездная жизнь. Вскоре мы переезжаем реку Казанку, на другом берегу которой простирается город Казань.

От Волги на Каму¹¹

Волга, которую в народе называют Матерью, бушует уже в своей весенней свободе и как бы пробуждает к новой жизни различного рода народы, населяющие ее берега. От недавнего ледохода вода еще мутная и луговое левобережье реки покрыто половодьем. На поверхности воды плавают корни деревьев, кучи трав и всякого мусора, занесенные потоком из глубины России. Сезон судоходства на Астрахань начался неделю назад; для нашего же парохода, следующего до Перми, это первый рейс после зимы, поскольку ледоход на Каме нынче запоздал.

После размещения своих вещей я поднимаюсь на палубу, чтобы понаблюдать, как кипит жизнь в порту. Люди бегают и кричат, большие телеги двигаются с грохотом и открытые трамваи постоянным потоком возят из города к реке одетую по-весеннему публи-

¹¹ «Matkakhirjeitā. 3. Wolgalta Kaamalle», газета «Turun Sanomat» от 1 июня 1911 г. (письмо датировано 10 мая 1911 г.).

ку. Люди прощаются, вручают цветы, плачут и целуются. Независимо от национальной принадлежности, у всех одинаковые чувства на сердце. Оставшиеся на пристани как бы с завистью смотрят на тех, кто отправляется в путь. Весенние водные просторы Волги пробуждают у населяющих ее берега народов сильную тягу к путешествиям.

Пароход отходит от берега. Казанский Кремль сверкает на вечернем солнце. Татары, исповедующие мусульманскую веру, собираются на палубе на вечернюю молитву. Я слежу глазами за ходом обряда. Молящиеся снимают обувь, убирают носовой платок из кармана и под ноги расстилают пестрые коврики. Они желают предстать чистыми перед Богом. Они поворачиваются лицом в сторону Мекки, священного города мусульман. Чуть подалеже от них, впереди, в одиночестве кланяется мужчина, у которого вокруг головы завернута белая ткань-чалма. Это — знак того, что он совершил паломничество в тот священный город.¹² Произнося вполголоса или шепотом слова арабской молитвы, порой они стоят, глядя в сложенные лодочкой ладони, порой опускаются на колени и при этом время от времени прикасаются лбом к палубе. Слышу, как они неоднократно повторяют слова «нет бога, кроме Аллаха, а Магомед — его пророк».¹³

Пароход, на котором я еду, большой и удобный, но по своей конструкции он старомодный. Крупные лопастные колеса, вращающиеся по обоим бортам, двигают его вперед. Пассажиры утверждают, что суда такого типа — единственно возможные на реках России, потому что с проточной водой перемещается огромное количество песка и от этого образуется много отмелей. На Волге их бесконечное множество. Неожиданно наш пароход замедляет ход и останавливается на середине реки. Вижу, что мы заправляемся нефтью, берем горячее из одного каспийского судна.

Любуюсь весенними волжскими пейзажами. Низкий луговой берег затоплен водой и во многих местах напоминает большое озеро. Орешники и ивовые кусты растут из воды. Эта сторона реки редконаселенная. А правый берег, возвышающийся в виде горы,

¹² Люди, успешно совершившие паломничество в Мекку (*хадж*), получают почетный статус хаджи и имеют право носить чалму.

¹³ Текст *шахады*, одного из пяти столпов ислама, свидетельствующий о вере в единого Бога Аллаха и пророческую миссию Мухаммада. Произносится на арабском языке.

напротив, густонаселенный. Его большие деревни производят впечатление обеспеченных, хотя жилые постройки на крутом берегу и выглядят маленькими. Большинство пристаней находится на правобережье.

Наступает вечер. В отдаленных селениях мерцают огни. Кто живет в них? В этих краях много разных народов — чуваша, татары, черемисы, мордва. Часть финских народов живет и на этих далеких берегах. Возможно, что и наши прародители когда-то пели здесь свои песни. Но почему потом переместились они из этих плодородных земель в лоно болотистых лесов Финляндии? Почему не остались разводить свои костры в ночь на Иванов день на берегах Волги, где климат мягкий? До поздней ночи я смотрю в темное окно. Однако, сколько угодно ни думай, чувствую, что было бы невозможно заменить родные края: здесь не знают финских белых ночей, к которым я привык с детства. И эти безлесые открытые земли не имеют очарования финских лесов.

Сию в одиночестве. Все люди для меня незнакомые, как и языки, что я слышу вокруг на пароходе. Единственное, что я вполне понимаю — это монотонная, тоскливая песня, которую всю ночь поет народ в трюме. Мне не известно, чья это мелодия — чувашская, татарская или финно-угорская, — но я чувствую, что за ее чужими словами плачет вечная всеобщая тоска человеческого сердца.

Утром, когда я вышел из каюты, река уже другая и пейзажи несколько изменились. Мы теперь плывем по камским водам. Здесь также один берег намного выше другого. На песчаном крутом берегу растет зеленая бархатистая трава. Местами стоят сосновые боры. Вот там песчаный берег скатился вниз и корневища деревьев оказались голыми снаружи. Как и на Волге, низкое левобережье Камы также покрыто талой водой. Вот в воде показался березняк, сережки рдеют на солнце. Писать бы художнику здесь, было бы сколько замечательных весенних пейзажей!

Мы достигаем устья Вятки, где открывается водный простор, и Кама делает крутой поворот. Правый ее берег становится еще более гористым. В некоторых береговых оврагах сверкают еще остатки снега. Смотрю на многочисленных рыбаков — как плавно двигаются их лодки! Наверняка, эти камские воды богаты рыбой. Вижу также большие стада скота на пастбище — хотя травы пока еще ничтожно мало.

Наш пароход заходит лишь в наиболее крупные пристани. Публика с набережной смотрит с восхищением на предвестника весны. Она знает, что он везет лето и жизнь. В зимнее время в этих отдаленных краях царит полная тишина. Портовые рабочие ощущают в своих венах свежую кровь, когда они несут с судна большие узлы чая, бочки с лимонами, пчелиные улья и т.д. На берегу в длинном ряду стоят амбары, в которых хранят хлеб на продажу — необозримые нивы вдоль Волги и Камы весьма плодородные. Почва здесь без камней, ровная, черноземная, тучная. Белая пшеница этого края лучше американской. Вкус пшеницы этих земель славится во всем мире. На берегу выделяются некоторые сооружения, своими парками и башнями напоминающие королевские дворцы. В летнее время в них проживают богатые хлебные короли России.

По прибытии в Елабугу наступает вечер, включают электрическое освещение. На поверхности Камы блещут отражения огней города. Навстречу к нам плывет корабль, красные и зеленые фонари которого выглядят очень красиво в непроглядной ночи.

Я нашел себе любопытного собеседника в лице молодого врача, рассказывающего мне о своих приключениях в Сибири. Он, кроме прочего, проживал среди остяков¹⁴ в Обдорске¹⁵ и знает многие их языческие обряды. По его мнению, нет другой страны, которая была бы так интересна, как Россия. Именно здесь перед этнографами открывается широчайшее поле для исследований. Тут он прав. Он упрекает западноевропейских ученых в том, что они не знают такого важного с точки зрения этнографии языка, как русский. Мы сидим до поздней ночи в обеденном зале у кипящего самовара.

На следующее утро мы минуем устье идущего с Урала притока Камы, реки Белая. Погода уже не такая теплая, какой была в предыдущие дни. Берег на уфимской стороне покрыт густым лесом. В воздухе чувствуется запах хвойных деревьев. Со времени отправления из Финляндии я впервые вижу в России настоящий лес. Понимаю, что необъятные открытые равнины теперь позади и начинаются лесистые ландшафты, которые продолжают и на другой стороне Урала и покрывают большую часть северной Сибири.

¹⁴ Остяки — устаревшее название хантов.

¹⁵ Обдорск — старинное название города Салехард Ямало-Ненецкого автономного округа, переименован в 1933 г.

Вдруг начинается проливной дождь. На темной поверхности реки капли прыгают как белые жемчужины. Серые деревни на берегах становятся еще серее. Однако через пару часов опять светит солнце. Меня это радует, потому что на следующей пристани я должен сойти с парохода и начнется мое 80 верстное путешествие по суше.¹⁶

Старая Кирга¹⁷

Эта деревня — традиционное вотяцкое селение у небольшой реки Буй.¹⁸ На высоком противоположном берегу, холмы которого местные жители называют горами, кое-где обосновались русские новоселы. А на стороне вотяцкой деревни начинается бескрайняя равнина, протянувшаяся вплоть до горизонта. На востоке стоят две черемисские деревни, священные рощи которых служат видимыми ориентирами для путников равнины. На южной стороне проживают башкиры. В центре их аулов возвышаются остроконечные башни с золотистым полумесяцем на шпиле. Это — мусульманские минареты.

Сегодня эти разные народы живут друг с другом в мире. Но в прошлом то и дело имели место кровавые столкновения.¹⁹ Самыми древними жителями этих местностей являются башкиры. Рано оказались здесь также черемисы, а вотяки переселились сюда позднее, около трехсот лет тому назад.²⁰ Старики рассказывают детям предания об этих беспокойных временах. Когда Вятское духовенство попыталось насильно обратить вотяков в христианство, часть из них убежала и спряталась здесь, где в те времена еще простиралась глухая леса.²¹ О том, что вотяки Пермской губернии на самом деле

¹⁶ Хольмберг высадился из корабля в Николо-Березовке и ехал оттуда на подводе в д. Старая Кирга.

¹⁷ «Matkakiirjeitä. 4. Staraja Kirga», газета «Turun Sanomat» от 15 июня 1911 г.

¹⁸ Буй — левый приток Камы.

¹⁹ Об этом свидетельствуют также сохранившиеся архивные документы XVII–XVIII вв.

²⁰ Удмурты поселились в этих краях с 1673 г.

²¹ Подобные предания о причинах переселения удмуртов можно услышать и в настоящее время.

пришли с Вятки, свидетельствуют их родовые названия и употребляемый ими говор. Присутствие здесь черемисов помогло им завладеть башкирскими землями.

Тогда вотяки хотя и смогли освободиться от превосходящих их по силе противников, однако, со временем, не смогли противостоять влиянию мусульманской культуры башкир. Правда, в их деревне нет еще мечети и муллы, и женщины не ходят еще с закрытым лицом. Но, тем не менее, ряд признаков указывает на то, что такое время, может быть, не так уж далеко. Русское влияние, напротив, остается незначительным. Постройки, одежда, песни и танцы заимствованы от татар. К тому же и в языке, и во многих религиозных обрядах заметно влияние башкир. От русских тут разве что деньги и водка. Отчасти, мусульманское влияние идет и на пользу, потому что многие мусульманские правила, связанные с очищением, воспитали в народе чистоплотность. В любой избе у двери находится большой медный умывальник, из которого каждый входящий в дом умывает руки, особенно, если приступает к еде.

Деревня построена плотно, как бы в одно гнездо. Постройки стоят рядами, по обе стороны узких улиц. Двор окружен хозяйственными постройками с соломенными крышами; только со стороны улицы имеется высокий дощатый забор. Ворота, над которыми имеется деревянный навес, запирают на ночь крепкими засовами. Жилой дом, торцевая часть которого смотрит на улицу, местами двухэтажный. В обоих его концах расположены большие избы, одна из которых используется лишь для приема гостей по праздникам. Она украшена разноцветными полосками ткани, развешанными по стенам от края потолка. У задней стены широкие полаты,²² на которых лежит множество мягких подушек, раскладываемых под головы путников. В другой избе живут все домочадцы. Под ней находится еще нижняя изба, в которой хранятся всякие женские принадлежности, веретена, ткацкие станки. С утра до вечера там идет суета. Согласно представлениям вотяков, в нижней избе живет домовая (*корка-мурт*), которому, в случае болезни, приносят в жертву черного барана.

В прошлом вотяки добывали себе пропитание прежде всего рыболовством и охотой. Сегодня на первом месте стоит земледелие. Деревню окружают сельскохозяйственные угодья, разделенные на

²² Здесь имеется в виду внутренняя часть избы с широкими нарами.

Жертвоприношение у реки Буй, укрытие от дождя (Старая Кирга) —
Buijoen uhri, sateensuojus (Staraja Kirga)

три группы. Первая засеяна рожью, вторая — яровым хлебом, а третья оставлена под паром. Каждая из этих групп полевых угодий обнесена изгородью, внутри которой любая семья имеет свой участок. Кроме того, имеется предназначенный для всей деревни выгон, где скот пасется под присмотром общего пастуха. Там можно видеть большое количество длинношерстных овец, коз, коров и лошадей. Но свиней нет — тоже татарское влияние. Однако лошадей вотяки держат много. Пожалуй, здесь она и есть самое важное домашнее животное, потому что приносит местным людям многостороннюю пользу. Лошадь для них не только упряжное и рабочее животное, ее используют и на охоте, а конина — ежедневная пища людей, а из лошадиного молока сбивают масло, чем угощают наиболее дорогих гостей. Более того, лошадь — богоугодное жертвенное животное. Один старик-вотьяк рассмеялся над нашим вкусом,

Жертвоприношение у реки Буй (Старая Кирга) —
Vuijoen uhri (Staraja Kirga)

когда я рассказал, что у нас люди предпочитают говядину конине. Характерно, что самый богатый хозяин в этой деревне имеет три жены, восемь коров и 36 лошадей.²³

Кроме крупного скота, вотяки держат в большом количестве кур, гусей, индеек и уток, которые со своим выводком ходят по улицам, вытянув шеи идущим навстречу людям. Вотяки также усердные пчеловоды. На краю поля в кустарниках расставлены улья для пчел. Они размером около локтя и выдолблены из ствола дерева. Вместо сахара, вотяки пьют чай с медом.

²³ Полигамные браки у удмуртов встречались очень редко и были обусловлены бесплодностью первой жены или обычаями левирата или сорората.

Как уже отмечалось, одежда вотяков Пермской губернии полностью перенята от татар. Мужики одеты в длинные кафтаны. Их праздничная одежда — белая. На голове, даже находясь в избе, носят мусульманскую тюбетейку. Обувь — сплетенные из лыка большие лапти. Женская одежда весьма разноцветная; женщины любят яркие тона. К косе, которая даже у старух свисает на спину, прикрепляют монетки и прочие блестящие украшения. Так же, как и мужики, взрослые женщины постоянно носят головной убор. Женщины охотно украшают себя драгоценностями, особенно в праздники. У хозяек зажиточных семей вся грудь покрыта большими серебряными монетами и жемчугами. Видимо, серебро, жемчужины и белые ракушки, которые пришивают также к одежде детей и даже к колыбели, имеют свойство оберега. Вероятно, использование многих из украшений имеет корни в суеверных представлениях народа.

Уровень просвещения людей весьма низкий. Только у русского купца имеется несколько книг, а газет здесь никто не выписывает. Вряд ли еще где-нибудь в другом месте вотяки до такой степени суеверны, как здесь. Язычество процветает повсюду в полную силу. На ветви священных деревьев вешают кости жертвенных животных, возле которых вертятся стаи каркающих ворон. На такое место вотяк смотрит со страхом и уважением и никогда не приблизится к нему без какой-либо жертвы. В деревне проживают четыре рода и каждый из них имеет свои святые места.

На чужеродного путешественника народ смотрит с удивлением. Верят, что чужак обладает колдовскими силами; осторожно проходят мимо незнакомого человека. Единственное употребляемое в народе приветствие — это: «Куда идешь?»²⁴ Иными словами: «Только не ходи к нам!» В молитвах они просят, чтобы боги хранили их детей и скот от чужих глаз.

Когда я приехал в эту деревню, трудно было устроиться на ночлег. Никто не мог понять, зачем на самом деле я приехал. Сложно было объяснить, что мой приезд служит цели изучения их и их обрядов. Я стал им говорить, что меня сюда направил царь, так как он хочет знать, как живут вотяки. Наконец, при помощи русского

²⁴ В данном случае это обычное приветствие удмуртов, как и закамских, ничего общего не имеющего с тем толкованием, которое ему дал У. Хольмберг.

Моление в праздник пахоты (Старая Кирга) —
Kyntöjuhlapalvontaa (Staraja Kirga)

купца удалось найти квартиру. Дом зажиточный, и старший сын в семье «образованный» человек, потому что проходил службу в армии. Сосед — тоже цивилизованный человек, плетет лапти и часто желает вступить в разговор с гостем. Сначала он утверждал, что я — японский шпион, которого необходимо выдворить общими усилиями мужиков. Он требовал от меня предъявить бумагу, где была бы подпись царя — хотя сам он все равно не умеет читать. Он сказал, что если бы я был от царя, то он, наверняка, выделил бы мне в дорогу пару охранников. Однако, наконец, мне удалось убедить его в том, что я не японец и не шпион, и мы стали хорошими друзьями. Еще я познакомился и с третьим цивилизованным человеком, который служил в армии в Финляндии. В качестве доказательства он показал мне финскую монетку и пустую почерневшую коробку спичек с печатью финской фабрики.

Мало-помалу я снискал расположение народа — по крайней мере, я сам так думал. Купец советовал мне не доверять народу.

Посев яиц (Старая Кирга) —
Munankylvö (Staraja Kirga)

Там, где я гулял, вокруг меня собирались большие группы людей, удивляясь, расспрашивали. Я, в свою очередь, пытался от них узнать разные данные. Объяснял, что у финнов и вотяков раньше были один язык и религия. Назвал им некоторые общие слова. Таким образом, они с доверием рассказывали о своих верованиях, спрашивали, веруют ли в Финляндии так же, вызывают ли в Финляндии дождь так же, как здесь: собирают грязь и бросают на стены и окна домов, на людей — и вскоре после этого бывает дождь. У некоторых есть еще привычка обливать друг друга водой на берегу реки. Но все равно не всегда удается вызвать дождь. Может быть, у финнов есть более действенные методы вызывания дождя? И вызывают ли в Финляндии также ветер свистом? Многие они хотели узнать о вотяках в Финляндии. Вешают ли в Финляндии шкуры и кости жертвенных животных на дерево?

Девушки показывали свои украшения и расспрашивали о девушках в Финляндии. Больше ли у них монет на груди, красных

стеклянных бусин и белых ракушек? В каком возрасте девушки выходят замуж? Умыкают ли мужчины в Финляндии своих жен или же честно платят определенную сумму родителям невесты? Сколько стоит невеста? Здесь хорошая и работающая прилежная жена стоит 40–50 рублей. Почему не приехал вместе с женой? Вопросы были слышны со всех сторон. Жрец спросил, в какой одежде народ в Финляндии собирается на летнее жертвоприношение. Носит ли тамошний жрец на голове белую шапку? И так далее. В каждой избе говорили о вотяках в Финляндии.

Жизнь стала для меня интересной. Я ходил в гости во многие дома вотяков, угощали меня везде чаем и белым хлебом. Старики сообщили мне интересные сведения и я узнал, что в скором времени проведут много жертвоприношений. Но потом счастье ушло. Весенние дни были холодными. Вотяки хотя и делали жертвоприношения, тем не менее, холода продолжались. В одну из ночей выпало столько снега, что земля стала совершенно белой. Такого не бывало десятки лет и это вызвало у стариков смущение. Мудрецы собрались обсудить, в чем дело, что надо делать и какую жертву надо бы принести. Я узнал, что, по мнению многих, причиной летнего снегопада является вотяк из Финляндии, который в один день ходил по всем святым рощам без жертвоприношений. По этой причине умершие рассердились и сурово отомстили. Старики единодушно решили, что нужно немедленно прогнать гостя.

На следующий день ко мне пришли два степенных старика и попросили меня уехать из деревни, потому что дальнейшее мое пребывание здесь может принести вотякам еще новые бедствия, а мне — гнев взбудораженного народа.

Восточноевропейский тракт²⁵

Здесь, в Уфимской губернии, тракт отличается от финляндского. Грунт дороги темный, тоскливый, он не такой желтый, веселый, как в нашей губернии Хяме. По обочинам дороги нет телеграфных столбов — и, следовательно, нет ласточек, щебечущих на проводах.

²⁵ «Matkakirjeitä. 5. Itäeurooppalainen maantie», газета «Turun Sanomat» от 22 июня 1911 г.

Здесь рядом с дорогой нет ни кювета, ни поросших мхом камней за ним, как нет и серой изгороди из жердей. Едешь сколько угодно, но остается неизвестным, какое расстояние ты уже преодолел — ты не встретишь у дороги столба-караула, указывающего, сколько верст за спиной и сколько еще впереди. Здесь ты вынужден полагаться на ямщика, хитрого, который скажет, что ему вздумается, поскольку знает — за каждую версту ему полагается прогон в размере 6–8 копеек.

Тем не менее, путешествовать здесь новичку интересно. Ландшафт меняется мало, но зато облик селений и их жителей меняется почти каждый час. Едешь верст сто — и на этом отрезке пути ямщики говорят на 6–7 разных языках.

Вот навстречу идет длинная колонна обозных лошадей. Извозчики одеты на татарский лад, в длинные кафтаны. Некоторые спят на своих возах. Телеги, которые поднимают большое облако пыли, имеют толстые деревянные оси с плотно осмоленными концами. С каждой телеги свисает и кадка со смолой. Как я уже неоднократно наблюдал, лошади без подков. Мой извозчик-вотяк говорит, что эти встречные люди — черемисы, и обращается к ним на татарском языке, который служит здесь общим культурным языком. Выясняется, что мужики едут на ярмарку, чтобы продать пеньку. За нее нынче платят неплохие деньги.

Встречные мужики были действительно черемисами; и вот в конце следующего спуска стоит черемисская деревня. Увидев ее, ямщик привстает, и мы несемся с горы во весь опор. Здешние ямщики всегда проезжают через деревню с большой скоростью. Большие подвесные бубенцы, свисающие с дуги, звонят так, что болит в ушах. Проезжаем мост, настил которого поднимается лишь немного над уровнем воды и покрыт соломой. Сквозь деревню идет широкая ровная улица. Дома в ней отличаются своей ухоженностью, что говорит путнику о том, что здесь живут обеспеченные люди. В торцевой стене вырезан мусульманский полумесяц. Он служит народам этих местностей в качестве амулета — так же, как крест для западноевропейцев. Во дворах стоят высокие шесты, на концах которых прикреплены скворечники. Это говорит о заботливости местных жителей — в этих безлесых краях у птиц немного места для отдыха и обустройства своих гнезд. По этой причине тут и не встретишь певчих птиц как в Финляндии. Вдруг лошади останавливаются, тяжелые ворота открываются и мы оказываемся в черемисском дворе.

Услышав звон бубенчиков, жители дома выходят на крыльцо посмотреть, кто приехал. Хозяин вступает в разговор с ямщиком на вотяцком языке и, узнав, что приехавший барин после чая намерен здесь поменять лошадей, на русском языке он просит меня войти в избу. Выясняется, что хозяин — знающий языки человек. Кроме своего языка, он говорит на вотяцком, татарском и русском языках. Я заметил, что в местностях, где вотяки и черемисы живут по соседству друг с другом, последние свободно владеют вотяцким языком, а вотяки довольно редко знают черемисский язык. Пожалуй, это связано с тем, что черемисы, как правило, бойки, а вотяки — инертны. Однако не всегда вотяки уступают черемисам в сообразительности. Они умеют взвешивать обстоятельства более разносторонне, чем черемисы.

Я рассчитываюсь со своим ямщиком и вхожу в избу. Хозяйка приглашает меня присесть на красиво вышитую подушку, которая лежит на нарах у задней стены. Самовар закипает, пол подметен, стол накрыт блинами, а женщины одеты в праздничные наряды. Сегодня же пятница — день отдыха черемисов. Свое ткачество и вышивку показывают мне ребенок, девушка, невестка и старуха; у каждой свой неповторимый узор. У черемисов действительно много своих вышитых узоров и образцов ткани, каких не встретишь у соседних народов. Вот свидетельство древней культуры черемисов.

Вскоре запряжены новые лошади — красивые, белые. Одна из них с жеребенком с красной ниткой на шее. Ямщик объясняет, что, согласно прадедовскому обычаю, для охраны от дурного глаза полагаюсь привязывать на шею молодому скоту красную нитку или кусочек железа, и сегодняшнее поколение следует примеру предков.²⁶ Одну из лошадей ямщик называет Киргизом, говорит, что купил ее у киргиза.²⁷ Мчимся через деревню. У стен домов сидят празднично одетые люди.

На краю деревни, в красивом месте возле дороги находится кладбище. На ветвях берез висят посвященные покойникам полотенца с красными полосками. У забора, рядом с калиткой, куча стружек от гроба недавно умершего человека, также кое-какая одежда и постельное белье: по черемисскому обычаю на кладбище относят все, что было в контакте с умершим. Некоторые могилы обнесены деревянной оградой.

²⁶ Удмурты и марийцы соблюдают этот обычай и по сей день.

²⁷ В это время киргизами называли казахов.

В двух верстах от деревни, в центре засеянного хлебом поля, стоит пушистый лесок. Легко догадаться, что это — священная черемисская роща. Тракт проходит вблизи от нее. В роще растут толстые вековые дубы и липы. Некоторые деревья уже свалились на землю. Но, несмотря даже на большую нехватку дров, черемис отсюда не возьмет ни одной хворостины к себе домой. Ямщик рассказывает, что несколько лет тому назад тут ночью один татарин начал валить дерево, но, успев сделать всего несколько ударов, упал мертвым на землю.

Под многими деревьями видны следы от костров, а вокруг таких деревьев обвиты липовые жертвенные пояса, украшенные резьбой; в пояс сверкает также оловянная монетка. С верхних веток некоторых высоких деревьев свисают шкуры жертвенных животных, в первую очередь — шкуры лошадей. Голову, копыта и хвосты не отделяют от шкур. Раз в году летом в роще черемисы проводят большие родовые моления с жертвоприношением. На краю рощи течет ручей, откуда как раз взлетают три лебедя. Они производят величественное впечатление — белые крылья сверкают на солнце. Я люблю их полетом: в отличие от наших лебедей, они не потеряли свою свободу, они поднимаются высоко над трактом — к солнцу. Здешний народ не охотится на лебедей, считая их священными птицами.

Моя повозка катится дальше и скоро черемисская деревня, как и ее священная роща, остаются за холмом. Мы спускаемся в лошину и оказываемся как бы в котле, потому что со всех сторон нас окружают высокие холмы. Однако габариты этого котла внушительные — говорят, что длина поперечника его дна достигает восьми верст. Спуск продолжается, на дне лошины густые заросли орешника. Вот по дороге навстречу едут верхом на лошадях три человека — каждый с винтовкой на спине. Мой ямщик объясняет, что это башкиры. С такими мужчинами лучше не встречаться — в сумерках, во всяком случае. Ямщик гонит лошадей, а я вытаскиваю револьвер. Башкиры останавливаются на небольшом расстоянии от нас. Вижу смуглые, черные как смоль лица, бороды и блестящие белоснежные зубы. Мужики осматривают, что за товары у нас в повозке, и разговаривают между собой вполголоса. Чувствую в своем сердце тихую напряженность, но она вскоре рассеивается, потому что вижу на противоположном холме тройку какого-то путешественника. Я справляюсь у ямщика, кто они такие, эти всадники и почему они носят ружья на спине. Тот усмехается и говорит, что они охотники. Однако удивление вызывает то обстоятельство, что, не считая нескольких священных рощ, тут вовсе нет лесов.

Священная роща нескольких деревень (Бирский у.) —
Kylien yhteinen uhrilehto (Birskin piiri)

Когда мы достигаем более возвышенной местности, перед нами вновь открывается широкая панорама. На просторной равнине видны три башкирских села в близком соседстве друг от друга. Тракт идет через большой выгон, на котором пасется разного рода скот. Но преобладают лошади и овцы. Овцы длинношерстные, белые, особенно на спине у них шерсть белая, как снег.²⁸ Пасет их молодой человек, одетый в длинный белый халат. В руке он держит кнут, рукоятка которого имеет длину меньше локтя, а ремень — 3–4 сажени. В каждом селе стоит минарет, на шпилье которого серп луны, свидетельствующий о том, что здесь преобладает мусульман-

²⁸ Обычно после сильных или продолжительных дождей шерсть на спине овец промывается и выглядит совершенно белой.

ская вера. Около моста в небольшом парке находится дом муллы. Над его зелеными воротами изображение полумесяца. Я спрашиваю у извозчика, выпускниками какого университета являются местные муллы. Он объясняет, что их образование ограничивается обучением, которое они проходят в трехклассной сельской школе. Во всех трех селах мечети построены в одном стиле: узкий травянисто-зеленый минарет возвышается в центре здания мечети, алтарь у каждой направлен в южную сторону.

Я намерен переночевать в крайнем из сел. На ночь глядя не хочется отправляться в путь в необжитую местность. Правда, солнце еще не зашло, но когда оно зайдет, наступит темнота — тут нет финляндских белых ночей, и даже нет вечерней поры сумерек. Я распоряжаюсь, чтоб ямщик поискал мне ночлег, и ему удается сразу найти одно место. Итак, вскоре я со своими вещами оказываюсь в просторной башкирской избе.

В татарском селе²⁹

Сегодня здесь день ярмарки и люди всех мастей собрались в этом татарском селе. По обочинам широкой улицы стоят палатки торговцев, на вывесках которых красуются нарисованные яркими красками большие арабские буквы. В продаже имеется и чай, и сахар, и нитки, и женские украшения, и ткани, и лыковые лапти; здесь можно возами купить коноплю с целью, чтобы везти ее на продажу на другую, более крупную ярмарку. У каждого ларька кипит жизнь: торгуются, спорят. Повсюду лоснятся лица медного цвета, пот течет по наголо бритым головам мужиков, и грязная тюбетейка такая мокрая, как будто ее намочили в воде.

Крайним, на углу улицы, стоит ларек пекаря. Там связки кренделей, разукрашенные красным белые пирожные, очень толстые кексы и всякое другое земское добро, от которого у путешественника слюнки текут.

Перед ларьком в ряд стоят улыбающиеся девушки. Из-под натянутого до глаз головного платка, углы которого завязаны под подбородком, видно узкое лицо, напудренное добела. Доходящие до

²⁹ «Matkakerjeitä. 6. Tattarikylässä», газета «Turun Sanomat» от 16 июля 1911 г.

колен юбки с вышитыми узорами лилий, роз и корвяков шевелятся от ветра. Они — татарские красавицы — подглядывают за торгующим молодым человеком, посмеиваются над тем, как тот возбужденно ведет нескончаемую войну против десятков голубей и сотен тысяч мух, желающих безвозмездно присвоить его имущество.

Погода утомительно знойная. На солнце — как в плавильной печи. Как жгучий пепел, лучи солнца падают на людей, телеги и фургоны, которые проезжают по улице и окружают прохожего со всех сторон. Иногда налетает порыв ветра, что стремительным вихрем поднимает с поверхности земли темный песок в виде узкого столба на высоту нескольких сотен метров.

То, что это село является ярмарочным, можно видеть невооруженным глазом: его сооружения пышнее обычных. Особенно выделяется вот этот дом с высокими воротами, украшенными резьбой, изображающей подсолнухи. Во дворе дома собралось много мужиков с лошадьми. Говорят, дом принадлежит богатому купцу. Жилое здание двухэтажное; выходящая на улицу стена нижнего этажа без окон. А окна верхнего этажа занавешены желтыми гардинами. Это служит защитой дома от чужих глаз; особенно свою жену считает татарин своим исключительным сокровищем, которое не показывают людям, не являющимися членами семьи. Поэтому женщины обычно не принимают участия в работах, которые выполняются за пределами двора.³⁰ Они сидят в своих каморках на нарядных матрасах и шьют себе все новые и новые наряды с намерением, чтобы приводить в восторг своего хозяина.

Вот собралась толпа народа, и я слышу оттуда какую-то музыку. Вижу, к своему удивлению, небольшой граммофон с очень длинным зеленым раструбом. У купца хорошее настроение и он хочет позабавить народ. Все — от мала до велика — стоят с открытыми ртами, слушают игру, покачивают головами и не хотят верить своим ушам. Судя по всему, такой аппарат совершает тут первое свое победное шествие. Звучит мелодия татарского танца, слышны барабанный бой и пронзительные свисты. Следуя ритму музыки, два парня вступают в танец во дворе. Руками на бедрах они становятся друг против друга, стучат при этом ногами по земле и затем движутся навстречу друг другу, весело выкрикивая. По обычаю, у татар танцуют только мужчины. Во всем — в людях, постройках, танце, музыке — присутствует экзотический восточный отпечаток.

³⁰ Подобное, однако, наблюдалось лишь в домах зажиточных татар.

Я перехожу улицу, потому что мулла, мусульманский священник, приглашал меня к себе. Один раз я уже побывал у него. Он, на самом деле, для меня единственный знакомый в этом селе. Вот там, улыбаясь, он стоит на веранде, прислонившись к длинному зеленому посоху. Он одет в легкое платье-халат, сшитое из светлой ткани, тонкой, как кисея. В ногах у него очень просторные белые брюки, похожие на юбку. По сравнению с ними узкие американские юбка-брюки — настоящая дурь моды. На голове он носит чалму — головной убор, состоящий из многократно обвернутого вокруг головы узкого, длинного, белого платка, который соответствует его сану.

Он вежливо приветствует меня, обхватывая мою протянутую руку обеими руками; ведет меня по узкой лестнице в избу на втором этаже, бросает на ковер мягкие, толстые подушки и предлагает гостю сесть. Тут же он забегает в нижнюю избу, чтобы поставить самовар. В комнате нет ни одного стола или стула. Через открытую дверь я вижу, как из другой избы татарки с любопытством разглядывают меня. По принятому здесь обычаю, они не выходят приветствовать гостя. Они — жены этого татарина-священника. Еще когда я был у него в предыдущий раз, мне стало ясно, что мой друг, судя по всему, зажиточный мужчина, не оставил без внимания изречения из своей священной книги, Корана: «пусть каждый выбирает себе две, три или четыре жены из числа женщин, которые ему нравятся».³¹ Таким образом, жен не может быть больше четырех, но наложниц может быть сколько угодно. Какие же разные могут быть судьбы людей! В соседнем селе русский батюшка жалуется, что после нескольких медовых месяцев скончалась его любимая жена и он, согласно своему вероисповеданию, больше никогда не может жениться. А мужчина-то еще в расцвете своих сил. Хотелось бы мне предложить, чтобы этот татарин-священнослужитель отдал одну из своих трех жен тому русскому. Однако, по всей видимости, он на это не пошел бы. Кажется, наоборот, он собирается еще увеличить свою семью. Самая молодая жена, у которой в ушах висят серебряные серьги в форме полумесяца, весьма обаятельная. Мулла говорит, что отдал за нее 320 рублей. Старшая жена, зубы которой покрыты черной краской, очень толстая, распухшая, и о средней тоже не скажешь, что она очаровательная.

³¹ Жен у мусульман может быть от одной до четырех — сколько хочет и сможет содержать мужчина. Причем вторая жена может прийти в дом только с одобрения первой. Ему полагается заботиться об их материальном положении и детях, а также о духовном и нравственном воспитании.

Мулла бросает на пол передо мной похожий на одеяло ковер, а затем, суетясь, вскоре приносит большой самовар и ставит его на ковер. Когда все готово, он садится на пол, на свои ноги — так же как портной сидит на своем столе. Мы разговариваем о ярмарке, о теплой сухой погоде, о религиозных обрядах и верованиях мусульман. То и дело он восхваляет свой новый дом, строительство которого завершилось несколько месяцев тому назад. Спрашивает: не правда ли, дом во всем соответствует требованиям времени?

Я киваю головой, и он все больше хвалит его. Говорит, что без его подробных указаний строители не достигли бы такого восхитительного результата. Вот эта комната — его рабочий кабинет; он светлый, имеет на трех стенах маленькие окна; перед окнами, направленными на юг, на полу имеется возвышение, на котором друг на друге лежат ковры разного цвета. На этом месте «работает» мулла, т.е. молится пять раз в день.

Спрашиваю у него, может ли мусульманин в молитве просить у бога чего угодно. Он улыбается на мой глупый вопрос: Конечно же, нет! Нельзя затрагивать земных забот, например, вопросов, связанных с материальной обеспеченностью. К тому же все молитвы зафиксированы во времена пророка, никаких случайных молитв нет.

Понимает ли народ те арабские слова, которые он повторяет в своих молитвах? Естественно, нет. И нет необходимости понимать. А женщины вообще могут молиться? Он смеется так громко, что его живот трясется, подмигивает, а потом принимает серьезный вид и говорит, что женщина не создана для такой святой задачи, как совершение молитвы.

Он наливает чай в чашки с широким дном и опять начинает восхвалять свой дом. В углу стоит подставка, напоминающая сруб колодца, в середине которой круглое отверстие. Когда он замечает, что я обратил внимание на нее, мулла объясняет ее назначение: там вода, в которой он моет ноги каждый раз, когда приступает к молитве. В другом углу очень большой медный умывальник — он для мытья рук. Для рук и ног нельзя использовать одну посуду и одно полотенце: в таком случае молитва была бы тщетной. Бог требует от мусульман прежде всего чтобы они соблюдали определенный ритуал при богослужении.

На одной из стен развешаны несколько картин с изображением мечетей и святого черного камня Мекки. Мулла объясняет, когда бог бросил камень из рая на землю, первоначально он был белым. Но потом, постепенно, со временем, он стал черным от поцелуев

грешных людей. Каждый, кто совершает паломничество в Мекку, должен его поцеловать, тогда грехи переходят от человека к камню и с этого момента бог больше не числит их за этим человеком. Паломники рассказывают удивительные вещи о камне Мекки и среди прочего они утверждают, что камень этот не лежит на земле, а невидимые руки держат его над поверхностью земли. Так он изображен и на картине. Как заверяет мулла, однажды земля, небо и звезды исчезнут, но святой камень Мекки никогда не пропадет.

Других достойных для упоминания особенностей в этой комнате нет — если не считать кучи мягких матрасов у одной из стен, которые на ночь раскладывают на полу, и целой кучи детей, которые с грязными лицами и пальцами во рту стоят возле двери.

Внезапно мулла встает и спрашивает, не желаю ли я посмотреть его мечеть. Он уходит на минутку и возвращается с большой связкой ключей под мышкой. Мы переходим через небольшой ручей, на другом берегу которого и стоит святилище этого татарского села. В передней нужно снимать обувь, потому что земная пыль осквернит храм. Женщина ни в коем случае не может войти в святилище. Мы поднимаемся по высоким ступеням и входим в просторный зал. Эта мечеть ничем не отличается от тех, которые я видел раньше. На полу красный узкий ковер, который идет от двери до другого конца зала. В татарском святилище не так уж много чего для разглядывания, потому что в нем нет никаких картин и символов, если не учитывать серпа луны на шпилье башни. В пятницу, в святой день татар, когда народ собирается на молитву, каждый приносит с собой молитвенный коврик, который он расстилает на полу под ноги на время священной церемонии.

Основную часть богослужения составляют очищения и молитвы, а также ежегодный пост продолжительностью один месяц, который благочестивый мусульманин строго соблюдает. Он проводится каждый тринадцатый лунный месяц и, следовательно, из года в год даты его проведения меняются. Говорят, что нынче он попадает на период августа. На протяжении всего месяца, который мусульмане называют рамазаном, нельзя будет есть и пить в то время, когда солнце на небе. Только ночью можно будет принимать пищу. Разумеется, в жаркое летнее время очень утомительно соблюдать этот пост; например, работающий в поле крестьянин не может принимать ни капельки воды, чтобы подбодрить свое усталое тело. По окончании рамазана и проводится самый большой и веселый праздник мусульман. Других религиозных праздников мало, почти нет.

Однако часто проводятся светские праздники, связанные, например, с земледелием.³² В такие дни татары умеют воспользоваться возможностью веселиться — они ведь умный, веселый и гостеприимный народ.

На жертвенной горе³³

Надо признать, чувством красоты обладали те предки вотяков, которые выбрали эту гору в качестве своей священной рощи. Правда, само по себе это святилище мало чем отличается от других вотяцких священных рощ: покосившаяся от старости калитка, наполовину трухлявая изгородь, а за ней стоят многовековые дубы и липы, многие из которых оказались сильно искалеченными осенними бурями. Вот таково само святилище; пейзажи же, которые открываются отсюда, прямо-таки превосходные.

Гора высокая, ее почва без камней и, если не учитывать священную рощу, она представляет собой голую песчаную сопку, на косогорах которой образовалось несколько глубоких оврагов. Ее откосы покрыты редкой, мелкой светло-зеленой травой, а ниже имеются заросли орешника, где пчелиные матки присматривают за своими подданными, насчитывающимися сотнями тысяч. К югу от горы, за ручьем, посреди желтоватых ржаных полей и лугов, покрытых синими цветами, видны поэтично красивые деревушки вотяков-язычников. После пахотных работ, утомительного поднятия паров — на солнце температура перевалила за 50-градусную отметку — их жители приняли баню и готовились к празднованию самого крупного летнего праздника, общего моления-жертвоприношения нескольких деревень.

По узким, изгибистым тропинкам вверх по горе идут старики с опущенными головами. Их серьезность и серебристые кудри указывают на то, что не в первый раз они шагают по этим священным стезям. Они, судя по всему, либо хранители молитвенного места, либо исполнители богослужения — водоносы, носильщики котла

³² Очевидно, здесь имеется в виду праздник *сабантуй* (букв.: «свадьба плуга») или *гербер* (букв.: «после плуга»), который проводится по окончании весенних полевых работ.

³³ «Matkakiirjeit. 7. Uhrivuorella», газета «Turun Sanomat» от 29 июля 1911 г.

Хранитель родового святилища куала (Ошторма-Юмья) — Suku-kualan vartija (Oshstorma-Jumja)

и т.д. Каждый старик имеет свое определенное, особое задание. Мой любопытный взгляд прикован к их ходу. Они останавливаются у калитки, ведущей в рошу.

Удивительно, как бы сильно ни отличались разные религии по своим внешним формам, но есть общее для них всех чувство благоговения, которое они пробуждают в своих верующих. Как я полагаю, искусные храмы Афин и Рима, пагоды Индии, представительные мечети мусульман и кафедральные соборы католиков, — несмотря на все свои драгоценные сокровища, — не могут вызывать в своих посетителях более глубоких религиозных ощущений, чем эта роша со своей естественной простотой. В ней нет ни золота, ни серебра, ни мрамора, ни слоновой кости, а только старинные, качающиеся на горе под открытым небом деревья.

Войдя в жертвенную рошу, старики разводят огонь. К святым деревьям привязывают животных белой веревкой из мочала, специально свитой и предназначенной для разового использования. На ветвях деревьев подвешивают полотенца с красными полосами для вытирания рук — перед проведением каждой части обряда обязательно моют руки. Очевидно, что этим церемониям очищения вотяки научились у своих татарских соседей. Глубинное происхождение, пожалуй, имеет тряпка, висящая на стойке у жертвенного огня; старик, закалывающий отданное для жертвования животное,³⁴ вытирает об нее свои окровавленные руки. В отличие от полотенца, эту тряпку не стирают, а по завершении моления сжигают на костре.

Само богослужение простое, без прикрас. До начала забоя жрец делает жертвенный обет с хлебом.³⁵ Перед ним скамья, на которой вначале он развешивает белое полотенце. Затем ставит на него старинное деревянное блюдо с резьбой, которое богато воспоминаниями — оно со времен предков использовалось только на праздниках жертвоприношения. На блюде круглый, пышный, только что испеченный овсяный каравай. Жрец бережно берет в руки блюдо с полотенцем, поворачивается к югу и начинает молиться вполголоса, временами поднимая блюдо с хлебом. Первая жертва пер-

³⁴ Жертвенное животное обычно приобретает на собранные со всех участников-семей деньги.

³⁵ Обряд *sizisikon* — букв.: «обещание жертвы».

Жертвоприношение злаковым, привоз жертвенных животных и ритуальных предметов (Старая Юмья) — Viljauhri, uhriteuraiden ja -esineiden tuonti (Staraja Jumja)

вого дня предназначена Инмару, богу небес. Поэтому вначале жрец дает обет ему. Верование, что богу небес нужно молиться с лицом, повернутым на юг,³⁶ так же как и многие процедуры очищения, заимствованы от татар. Во время жертвенного обета все присутствующие в священной роше стояли тихо, преисполненные благоговением; затем жрец благословляет хлеб, делит его на куски и раздает всем принимающим участие в обряде.

После этого начинается так называемое испытание жертвы. Молящиеся желают знать, угодно ли богу это жертвенное живот-

³⁶ Представления, что божества живут на южной стороне, имеют очень древнее происхождение и никак не связаны с исламским верованием.

«Закалывание вышнему», обещание жертвы Инмару (Можга) —
«Ylös-teurastus», lupausuhri Inmarille (Mozhga)

ное. На то, какова должна быть жертва, имеется ряд предписаний, которые строго соблюдаются. Так, например, богу небес ни в коем случае нельзя приносить в жертву животное черного цвета, а для матери-земли, напротив, совершенно не годится белая жертва. Никому из богов нельзя жертвовать пестрое, искалеченное или хотя бы один раз болевшее животное. Кроме того, жертвенные животные должны быть девственными, и впряженных в ярмо нельзя приносить в жертву. К тому же нужно отметить, что лишь определенные виды животных, в зависимости от цели жертвоприношения, годятся в качестве жертвы.

Жертвоприношение в поле, испытание жертвы (Старая Юмья) —
Vainiuhri, uhrikoe (Staraja Jumja)

Тем не менее, как бы строго ни соблюдались правила жертвоприношения, может случиться так, что жертвенное животное все-таки неудобно, бог его не принимает, и жертва не дает желаемого результата, а, наоборот, ведет к несчастью. Поэтому необходима т.н. проверка жертвы, при которой начиная с головы, на спину животного сквозь березовые ветви льют прохладную родниковую воду. При этом старики усердно наблюдают, вздрагивает ли животное от воды. Если этого не происходит, они повторяют проверку, а иногда — и несколько раз. Каждый раз, когда старики льют воду, они произносят, вздыхая: Инмар, принимай жертву!

Если и при девятой попытке животное все еще не вздрагивает — это признак того, что бог считает эту жертву нежелательной. Следовательно, какие бы большие сложности это ни вызывало, возникает необходимость искать новое жертвенное животное. Если же, напротив, испытывающие жертву видят, что животное угодно, они с удовлетворением приступают к забою. Ведь самые серьезные преграды уже преодолены, и все остальное идет быстро как танец — с давних лет каждый знает свои обязанности. Старик-мясник ведет животное к костру; его ноги связывают, поворачивают головой на юг, а потом опрокидывают на землю, на левый бок. Мясник резко колет ножом ему горло; кровь набирают в деревянную чашу, а затем льют в огонь. В то время, когда идет убой, жрец непрерывно молится; он просит у бога всех земных благ — дождя, солнцепека, обильного урожая, здоровья и богатства, детей и скота. Как только животное испустило свой последний вздох, его шкуру сдирают и развешивают на ветке дерева, чтобы она сохла.

После этого начинается разделка туши и распределение жертвенного мяса. Недопустимо варить все мясо в одном котле. Кроме того, тушу следует разделить так, чтобы ни одна кость не сломалась. Но в первую очередь необходимо соблюдать правило, согласно которому самые важные органы жертвенного животного — сердце, печень, кусочек легких, первое с правой стороны ребро и т.д. — следует варить в отдельном котле, так как они составляют самую ценную часть жертвы. Все остальное мясо варят отдельно, в одном или нескольких котлах — в зависимости от размера животного.

В то время, когда варится жертвенное мясо — это продолжается два-три часа, а то и дольше — старики сидят рядком и разговаривают; лишь тот, который ворошит угли, возится у костров. В качестве растопки и дров используются гнилые деревья и корневища, имеющиеся в этой роще — их никогда нельзя выносить за пределы изгороди этого священного места. Как объясняют старики, если валяшь в роще дерево, это наказуемо — будет град. А если используешь его как дрова, сгорит дом.

Постепенно на косогоре появляются люди. Они идут гуськом, и у каждого из них в руках какая-то ноша. Когда они уже приблизились, я вижу, что это — завернутые в полотенце хлеб и блины, и, кроме того, каждый несет в руке чашку, наполненную гречневой или овсяной крупой. Они расстилают полотенца в ряд на траву и кладут на них принесенные продукты. Они приходят тихо и так же уходят без слов. На моление из каждого дома приносят каравай хлеба, накрытые полотенцем, и чашки с крупой.

Народ собирается на жертвоприношение злаковым (Старя Юмья) —
Uhrikansa kokoontuu «viljauhri» — juhlaan (Staraja Jumja)

Когда мясо, наконец, сварилось, делят его на более мелкие куски. Затем их кладут в длинные, узкие деревянные корыта. А сваренные отдельно органы кладут на деревянное блюдо. Бульон набирают в большой котел, туда же кладут и крупу, что принесли от каждого двора. Котел снова вешают над огнем и в нем варится т.н. жертвенная каша. Когда каша доваривается, народ начинает собираться в священную рощу. Все одеты в чистую, праздничную одежду. Серебряные монеты и яркие ленты блестят на солнце. В рощу входят только мужчины, женщины остаются на поляне перед калиткой.

Когда каша сварена, кашевары разделяют ее каждому семейству. Женщинам за изгородью относят их часть. До того, как приступить к еде, жрец кладет на полотенце специальную, посвященную богу чашу с кашей, поднимает ее на руках и произносит короткую молитву. После этого все садятся, каждое семейство вокруг своей чаши с едой.

Поев жертвенную кашу, народ поднимается. Жрец и его помощники собирают все караваи хлеба и блины и кладут их на белую ткань в большую кучу. С края каждого каравае отрезают небольшой кусочек и кладут его на деревянное блюдо на лавке. Начинается освящение жертвенного мяса. Жрец берет в руки блюдо с отдельно сваренными органами жертвенного животного, поворачивается лицом на юг и начинает произносить молитву, неоднократно поднимая вверх жертвенный дар. Стоящие рядом с ним помощники так же поднимают другие корыта с мясом. Затем жрец, поднимая вверх блюдо с хлебом с лавки, так же освящает и хлеб. После молитвы это блюдо вместе со священными органами жертвенного животного кладут на ветки дерева — действие, которое вотяки называют возвышением.³⁷

Люди опять садятся со своими семьями на поляну. Каждый получает еду: хлеб и мясо. Как и прежде, женщины и теперь трапезничают за пределами изгороди, которой обнесена священная роща. Любопытно наблюдать, как народ принимает ритуальную пищу. Обглоданные кости люди бросают в костер, чтобы они не достались собакам. Часть праздничной пищи, что остается, отнесут домой тем членам семьи, которые по той или иной причине не смогли прийти в рощу на жертвоприношение.

³⁷ Обряд *вылэ мычон* — букв.: «вверх возносимое».

Жертвенное дерево, на ветвь которого ставили хлеб и мясо (Старая Юмья) — Uhripuu, jonka oksalle on asetettu leipää ja lihaa (Staraja Jumja)

По завершении трапезы каждый собирает остатки пищи на свое полотенце и кладет его на поляне перед жрецом. Начинается общая праздничная молитва. Исполнители жертвоприношения и народ, также и женщины за изгородью, выстраиваются в ряд на коленях. Жрец опять передает богу все тревоги и горести житья народа-бедняка. После каждого прошения он делает поклон до земли, и вся публика праздника следует его примеру. Слышу, как многократно повторяются слова: Великий Инмар.

По завершении молитвы люди поднимаются, каждый собирает свои принадлежности, полотенце и деревянную чашку, чтобы отнести их домой. Кладенные на ветви дерева жертвенные дары берет жрец и вкушает их вместе со своими помощниками. Освященные части жертвенного мяса, которые считаются носителями душевных сил жертвенного животного, женщины никогда принять не могут.

Уже ближе к вечеру возле роши, за пределами ее изгороди, приносят в жертву еще и барана, поминая покойных. В их честь также зажигают самодельные восковые свечи, потому что, как верят вотяки, покойные также могут вызывать многое, почти те же вещи, как сам Инмар. Поэтому необходимо поминать их жертвенными дарами. Кости посвященного покойным жертвенного животного не сжигают, а зарывают в землю.

Так завершается первый день моления, но праздник жертвоприношения продолжается еще несколько дней. В это время исполнители обряда даже на ночь не покидают жертвенную гору, и народ в деревне не приступает к работе. В те дни люди веселятся, навещают своих соседей, соревнуются в верховой езде, играют и поют.

Я сижу в роще допоздна, беседую со стариками и люблюсь тем, как вечернее солнце озаряет золотом соломенные крыши бедной языческой деревни.

Свадебные обряды вотяков³⁸

Надо полагать, что связанные с заключением брака обряды и обычаи происходят не из таких глубин древности, как ритуалы, относящиеся к смерти и рождению, т.е. к «отходу» и «приходу» человека; эти ритуалы встречаются даже у тех из известных человеческих рас, которые находятся еще на самых низших ступенях развития. А что касается свадебных обрядов, то представляется, наоборот, что для многих из первобытных народов они неизвестны. К примеру, Антон Чехов, путешествовавший среди гиляков⁴⁰ на Сахалине, рассказывает, что у них нет никаких свадебных обрядов. Когда он там спрашивал у одной женщины об их свадебных обычаях, та посмеялась и ответила: зачем тут нужны еще какие-то особые церемонии, умыкаешь себе невесту — вот и все.

В древности, когда об отношении отца к своему потомству не было ясности, отца и сына причисляли к разным родам — считалось, что предки матери снова живут в детях. По этой причине сын наследовал не отца, а мать и ее родственников. Кроме того, допускалось, что отец может быть в брачных отношениях со своей дочерью. В те далекие времена отношения между мужчиной и женщиной носили преходящий характер и о цивилизованном браке не могло быть еще и речи. Брак, основанный на умыкании, указывает уже на более развитую культуру, потому что в его рамках женщина переходит в дом мужчины, причем часто на всю жизнь, хотя это и происходит в принудительном порядке.

В общем, в настоящее время ни один из относящихся к финскому племени народов уже не практикует брак посредством умыкания. Но вместе с тем многие его следы сохранились в языческих свадебных обрядах наших родственных народов. Как объясняют вотяки Уфимской губернии, сегодня невесту умыкают только в том случае, если ее родители не согласны выдать свою дочь ни за какие деньги. Однако невесту не умыкают без ее согласия. По словам одного старика, «нынче не могут, как раньше, удерживать женщину силой, если она сама не хочет».

³⁸ «Matkakirjeitä. 8. Wotjaakkien häätäpoja», газета «Turun Sanomat» от 6 августа 1911 г.

³⁹ Гиляки — устаревшее название нивхов, проживающих у устья реки Амур и северной части острова Сахалин.

В современных свадебных обрядах вотяков этнограф может найти немало обычаев, уходящих корнями к временам, когда преобладал брак умыканием. К таким, кажется, относится обычай привозить невесту во двор жениха с закрытым лицом; или другой — невеста как бы делает вид, что она туда отправляться не желает. Нередко она даже шутливо, притворно сопротивляется или же перед свадьбой на некоторое время она исчезает из родного дома, скрывается у родственников в соседней деревне и готовит себе свадебные наряды в те дни. В числе обычаев той эры было, по-видимому, также представление, согласно которому молодой человек по мере возможности должен искать себе жену не в своей деревне. Особо восхваляют жениха, который привез себе милую издалека. Отчасти этот обычай, вероятно, обусловлен и тем, что в прошлом деревни были исключительно родовыми, а согласно общепринятому представлению, родственники не вступают в брак между собой. У вотяков это ограничение касается не только ближайших родственников, но и всего большого разветвленного рода. К примеру, мужчина, представляющий род Какша⁴⁰ и проживающий в Пермской губернии, не заключает брак с женщиной того же рода даже в том случае, если она является уроженкой далекой местности в Уфимской или Вятской губернии. В прошлом это правило соблюдалось весьма строго; каждый вотяк же знает свое родовое происхождение и даже в том случае, если переселяется в чужую местность, он сохраняет свою родовую фамилию. Это связано с тем, что вотяки поклоняются предкам своего рода.

Из умыкания, по всей вероятности, вытекает также обычай, согласно которому в новом доме молодую жену зовут не ее собственным именем, полученным при рождении, а именем той родовой деревни,⁴¹ из которой она происходит.

На брачном рынке умыкание было предшественником торга. А нынче вотяки-язычники покупают себе невесту. Цена девушки зависит не от красоты ее глаз и волос, а от крепости и здоровья тела. «За нее стоит заплатить, т.к. она крепкая работница», — говорят вотяки. А другая девушка, с худым телом, больших денег не стоит. Жену выбирают себе с таким расчетом, чтобы она могла трудиться. Разумеется, калым, цена невесты, меняется и в зависимости от благополучия местности. Я полагаю, невеста в Уфимской губернии раза в два дороже, чем в Казанской губернии.

⁴⁰ Возможно, здесь имеется в виду род *Какся*.

⁴¹ Деревня сама носила название рода.

Общественное святилище *куала* (Средний Кумор) —
Kyläkuala (Sredni Kumor)

О цене договариваются обычно родители. Старики решают, обдумывая и обсуждая вопрос неоднократно; причем зачастую цену устанавливают не интересуясь мнением молодых. Договорившись о калыме, старики вдвоем празднуют за стаканом вина. Иногда сговариваются о сделке так рано, что дети еще совсем юные. В одном доме Бирского уезда, где я остановился, хозяину было 21 год, а его сыну — 6 лет. Когда я стал выяснять, в каком возрасте он женился, к своему удивлению узнал, что это произошло в возрасте 12 лет. Его брат, который жил в том же доме, женился в 14 лет. А жены у обоих были заметно старше мужей.

Калым обычно выплачивают не сразу. Вначале отдают только одну часть. Общую сумму делят на 3–4 части и мало-помалу выпла-

чивают ее полностью. Пока все не выплатят, невесту не выдают в дом жениха, хотя после выплаты первой части денег девушка уже считается проданной. И с этого времени она уже является как бы замужней, и жених без ограничений бывает у нее. Явным показателем того, что девушка более не член своей родительской семьи, является и то, что при домашнем жертвоприношении она более не может есть ту жертвенную еду, которая предназначена только членам семьи.

Кроме денежной выплаты, невестой можно обзавестись путем отработки будущему тестю определенного количества лет. Это и есть обычный способ у бедняков. Без платы или без отработки можно получить себе в жены только сироту.

Когда выплатят последнюю часть калыма, к невесте отправляются на парной упряжке, чтобы привезти ее в дом жениха. У вотяков имеются определенные периоды года, когда уместно совершить этот обряд, т.е. не каждое время одинаково удачно для заключения брака. К примеру, нельзя справлять свадьбу, когда гуси высидивают яйца.⁴² Летние свадьбы проводят обычно около Петрова дня. Тогда празднуют и в доме невесты, и в доме жениха. Для празднества варят много кумышки — самогона с неприятным запахом. Этот напиток и есть основное свадебное угощение. В день пиршества, где-то после полудня, когда многие старики уже довольно сильно под хмельком, во двор дома невесты въезжает особо снаряженная четырехколесная телега. Для вотячки это является знаком того, что ей совсем скоро нужно будет оставить родной дом, перейти в новые условия. Когда она видит прибывающую телегу, у нее из глаз капают слезы. За невестой едет не сам жених, а брат или кто-то другой из его родственников. Приехавшие не уезжают сразу обратно; их угощают, и к тому же невеста еще не готова к отъезду.

В избе жизнь кипит радостью. В рамках возможностей бедной деревни на столе расставлены всяческие лакомства. В конце стола сидит торо, особо выбранный распорядитель свадьбы, а рядом с ним — его хозяйка. Они ответственны за проведение праздничного обряда. Торо без усталости разливает кумышку в маленькие деревянные чашки. Рядом у стены сидят бородатые старики и шутят. У печи играют на волынке. По-моему, мелодия тоскливая, монотонная; однако, по мнению вотяков, это веселая свадебная музыка.

⁴² Обычно закамские удмурты устанавливали корзинки с гусиными яйцами под нарами или кроватями, где гусыни их высидивали.

Курение самогона — Kumyshkan [pontikan] valmistaminen

Тем временем в своей клетке невеста готовится к отъезду. Туда собираются деревенские девушки, чтобы попрощаться с ней. По стенам клетки висит всяческая одежда: пестрые рубашки с рукавами и разноцветными узорами по подолу; вотячки носят их в качестве платья. На жердях развешано множество узких длинных полотенец белого цвета, концы которых красиво вышиты или вытканы. Замужние женщины носят их на своих плечах. Кроме того, в клетке хранятся запасы праздничной и будничной одежды молодухи, украшения с серебряными монетками, головные уборы с вышивкой и т.д., которые изготовлены руками невесты к этому дню. Девушки рассматривают и нахваливают ее рукоделие. В это же время она надевает новую рубаху, наматывает чистые портянки и надевает ранее не ношенные белые лыковые лапти. В этот день она в последний раз в одежде девушки.

Когда невеста, наконец, готова, она заходит в избу попроситься с жителями деревни и близкими. Все толпятся вокруг нее, хотят заговорить с ней, дают советы, желают счастья в новом доме. Когда она прощается с родителями и сестрами, грусть берет верх, она начинает голосить, а близкие и гости утешают ее. Старики говорят: «Почему же ты плачешь, твои родители продали же тебя мужу и получили за тебя хорошую плату?» Воля родителей у вотяков — воля Бога. Чтобы успокоить невесту, один из стариков рассказывает ей следующую легенду: «Сначала Бог так распорядился, что надо было мужчине идти к женщине, но он начал горевать и сказал: ‘Жаль оставлять здесь поле, лошадь и плуг. Зачем я должен идти к жене?’ Когда Бог увидел горе мужчины, то помиловал его и повелел, чтобы молодая жена шла к мужчине. От этого, в свою очередь, она начала горевать и плакать: ‘Почему ты посылаешь меня к мужу? Так жалко оставлять отца и мать, щенка и котенка’. Бог рассмеялся над горем девушки. С тех пор женщина идет к мужчине».

Перед уходом невесты *тöро* становится серьезным, берет в руки хлеб и обращается лицом к югу. Он молится предкам невесты, чтобы они не сердились на то, что их потомок переходит теперь в другой род. После этого он делит хлеб и раздает каждому по кусочку. Плачущую невесту поднимают на телегу, лицо покрывают специальной тканью и в таком виде везут ее в дом жениха.

Когда доезжают до нового дома невесты, у ворот стреляют в воздух, чтобы все духи, приносящие несчастье, ушли. Собравшиеся во дворе гости, в основном, родственники жениха, встречают прибывшую, желают ей всего наилучшего. Здесь также свой *тöро*, который заботится о проведении свадебных обрядов. Прежде всего, он молится о счастье невесты и просит, чтобы умершие родственники жениха хорошо ее приняли, относились к ней ласково, не посылали бы болезней, не мешали бы сну молодой жены. В конце молитвы он говорит: «Пусть каждый день в жизни молодых принесит счастье, пусть будет столько богатств, сколько перешагнет невеста камней, и пусть будет у нее столько разума, сколько у нее волос на голове. Пусть она рождает здоровых детей и разводит породистый скот. Куда бы она ни отправлялась, пусть ее дорога будет удачной. Так же, как имелся хлеб в ее старом доме, пусть будет он и в новом доме». Затем гости разбрасывают зерно над невестой.

После этого невеста берет ведра с коромыслом и в сопровождении группы девушек идет к ручью. Здесь моют ей ноги, обливают людей, которые собрались поглазеть на невесту. Потом она напол-

няет ведра водой, приносит их в избу и, встав на колени, угощает водой всех гостей. Каждый, кто пробует воду, бросает в ведро серебряную монету. Кроме того, гости дарят молодоженам лошадей, коров, овец и разного рода хозяйственные предметы. Невеста, в свою очередь, дарит *тöро* и родителям жениха рубашки и полотенца.

Однако, основная церемония в доме жениха — это одевание невесты. Она снимает одежду девушки и переодевается в красивую одежду молодой жены, которую она носит несколько месяцев, иногда целый год, как в праздничные, так и в будние дни. После этого периода вотяки проводят еще свой маленький праздник — она переодевается снова. Она больше не носит косу и мало-помалу переходит в число настоящих женщин-хозяек.

Во время переодевания невесты в одежду молодой жены другие девушки танцуют и по очереди держат над собой ту ткань, что служила покрывалом невесте при ее переезде в новый дом. Представляется, что этот танец преследует символическую цель — он как бы должен способствовать тому, чтобы и девушки, которые еще не замужем, стали участниками счастья невесты, потому что судьбу одинокой девушки вотяки считают проклятием Бога. Только искалеченные и душевнобольные являются среди них старыми девами.

Почитание умерших у вотяков⁴³

По мнению вотяков, в человеке имеется не только видимое его тело, но также и невидимые составные части: *лул* (дух) и *урт* (душа). Кажется, с течением времени, под влиянием со стороны, *лул* занял ведущее место, а название *урт* почти полностью забылось во многих местах, или оно сохранилось лишь в редких архаических речевых оборотах. К примеру, об испугавшемся человеке говорят: *уртяс костям*⁴⁵ (его душа ушла). Если такое случилось — а по представлению вотяков, подобное происходит также и в связи с тяжелым заболеванием — на поиски души вызывают колдуна, чтобы человек

⁴³ «*Matkakhirjeitä. Wotjaakkien wainajainpalweluksesta*», газета «*Turun Sanomat*» от 26 августа 1911 г.

⁴⁴ Точнее *уртэз кошкэм* — «душа ушла».

опять пришел в сознание и выздоровел. Название этого обряда *урт кутон* (разыскивание⁴⁵ души).

Душа так же уходит и странствует, когда человек спит. Тогда она обычно принимает вид одного из ночных животных — летучей мыши. Отсюда и ее вотяцкое название *урт-кытс*⁴⁶ (птица души). Как мне объяснил один старик в Уфимской губернии, этих птиц не увидишь в дневное время, когда люди бодрствуют, а только ночью, когда они спят. Старик даже привел доказательство тому, что летучая мышь — это действительно душа человека: когда один мужик спал, его товарищи еще сидели во дворе. В это время они видели, что *урт-кытс* летает в определенных местах. Когда проснулся их товарищ, они поинтересовались, какой сон он видел во время сна. Оказалось, что во сне тот побывал именно в тех местах, где и витала летучая мышь. По этой причине они и убедились, что тот *урт-кытс*, которого они видели, был душой спящего мужика.

Урт уходит из своего обиталища, когда человек спит или болеет, а *лул* своего места не покидает. Он как бы представляет процесс жизни в человеке и проявляется в качестве вдоха или пара. Пожалуй, в финском языке это соответствует слову *löyly* (пар в бане). Только при наступлении смерти оба, как *урт*, так и *лул*, покидают тело человека.

Лул уходит через рот или ноздри, потому что «последним его хрипение слышно из гортани». Что это такое *лул* и куда он уходит — вотяки объяснить не могут. Только о великих колдунах они говорят, что когда те умирают, поднимается вихрь или буря.

Урт, наоборот, по крайней мере на некоторое время после смерти остается вблизи тела. Это и понятно, потому что он является призраком или тенью души умершего человека. Когда труп покойного лежит на доске, *урт* передвигается вблизи него. После погребения он пребывает на кладбище, откуда по приглашению или без он может навещать родной двор и семью. Однако с помощью проведения особых обрядов можно также определить и другое место, где может пребывать душа покойного.

Когда наступает смерть, покойнику закрывают глаза и рот; как правило, в рот кладут немного сливочного масла, иногда им же

⁴⁵ С удмуртского языка слово *кутон* переводится как «ловля», т.е. *урт кутон* — «ловля души».

⁴⁶ Точнее *урт-кый*.

смазывают и глаза. После этого труп покрывают тканью и начинается подготовка к погребению. Первым делом обмывают умершего; если покойник был мужчиной, этим делом занимаются мужчины, в противном случае — женщины. Затем усопшего одевают в белую одежду вотяка. На голову мужчине надевают домашнего изготовления войлочную шляпу, ноги оборачивают новыми портянками и надевают лыковые лапти, старикам дают в руку и посох. Женщине надевают наряд, соответствующий ее возрасту. Во время одевания кто-то из родственников покойника готовит гроб во дворе. Как только он будет готов, его пустым везут на кладбище и копают там могилу. После этого, еще в день смерти, близкие покойного, обычно только родственники мужского пола, провожают умершего, предадут его земле. Как зимой, так и летом, усопшего везут на кладбище на санях: при этом он лежит на спине, со сложенными на груди руками.⁴⁷ Лишь у могилы перекалывают труп покойника в гроб, который представляет собой дощатый четырехугольный ящик, на дно которого сложены лыковые стружки, шерсть и в изголовье — небольшая подушка. Усопший лежит в гробу на спине. Туда же в гроб кладут разные комплекты одежды, рубашки, брюки, чтобы при надобности покойный мог менять одежду. Невесте, жизнь которой прервалась еще до свадьбы, кладут ее собственное рукоделье, предполагая, что она выйдет замуж в новой жизни. С детьми кладут игрушки, чтобы им не было скучно и чтобы они не тосковали по матери. Кроме того, покойнику обязательно дают и немного денег. Родственники бросают в гроб монеты и желают покойнику добра: «Вот тебе, используй, когда понадобится!» Некоторые объясняют, что деньги нужны для покупки места в новой жизни.

До того, как закроют гроб, один из родственников разрывает надвое полосу ткани, привезенную им на кладбище. Ту часть, которая остается в его левой руке, он кладет на грудь покойного, а ту половину, которая в правой руке, он относит домой и привязывает ее к матице или стене избы. А на могиле говорят: «Так же, как часть этой ткани остается здесь, а другую часть возьмем домой, так же и ты еще не отделийся от нас полностью». Или несколько иначе: «Пусть твое тело остается здесь, пусть *урт* приходит домой, пусть

⁴⁷ Данный обычай был распространен у многих народов и связан с представлениями о загробном мире как о холодном месте; у закамских удмуртов умершим на руки также надевали варежки и в гроб клали зимнюю одежду.

счастье приходит домой». Крышку прибавляют к гробу деревянными или железными гвоздями. На правой стороне крышки имеется небольшое четырехугольное отверстие, чтобы *урт* умершего мог свободно двигаться через него. Отсюда и название этого отверстия — *урт ветлон пар*⁴⁸ (отверстие для передвижения души). Затем близкие засыпают гроб землей и кладут на могилу еще некоторые нужные для покойника вещи, такие как деревянную чашку и ложку, которые всегда можно видеть на вотяцких кладбищах. Однако для того, чтобы эти предметы не соблазнили воров, их часто специально повреждают.⁴⁹ Так же, как и у татар, направление могилы с севера на юг, лицо покойника направлено на юг.

После возвращения с кладбища следует целый ряд обрядов очищения. Уже у калитки кладбища один из сопровождающих, который принес с собой еловые ветки, ударяет ими по спине присутствующих и говорит: «Иди домой, тут не оставайся!» По прибытии домой на возвращающихся людей бросают золу или во дворе разводят костер, через который затем они прыгают с тем чтобы огонь очистил от трупного заражения. С той же целью по стенам избы, около двери и окон раскладывают ветви можжевельника.⁵⁰ Более того, избу убирают и моют, а сопровождавшие и члены семьи парятся в бане. Только после этого начинается поминальная трапеза.

Прямо в момент смерти один из родственников режет петуха. Тогда же немедленно сжигают часть его оперения, а поминальный суп из мяса готовят только после погребения. В то же время готовят также кисель и блины. Стол застилают белой скатертью. На поминках могут принимать участие только родственники покойного.

Для покойника же на стол кладут чашку и деревянную ложку, поскольку считают, что он присутствует на поминках. К тому же верят, что ранее умершие родственники тоже пришли, чтобы при-

⁴⁸ Возможно, здесь Хольмберг допустил ошибку; «отверстие» на удмуртском — *пась*.

⁴⁹ Глубинная причина обряда в другом: чтобы вещь «перешла» к умершему в загробный мир, она тоже должна быть «мертвой», т.е. должна потерять целостность, и чтоб ее более невозможно было использовать живым.

⁵⁰ По представлениям многих народов, огонь и его производные (зола, сажа и т.п.) очищают от злых духов. Можжевельник также обладает свойствами отпугивания злых сил.

нять новичка. Для них кладут рядом с печью посуду, куда каждый участник поминок наливает немного пищи, чая и вина. На краю посуды горят самодельные восковые свечи, количество которых зависит от числа умерших родственников. Если свечи горят хорошо, это показывает, что умершим хорошо, а если коптят — это знак их недовольства. Когда кладут еду и напитки в посуду покойников, говорят: «Ешь, пей!» И при этом каждый раз произносят также имя соответствующего умершего родственника. Если во время трапезы случится, что кусочек еды падает на пол, его не поднимают оттуда, поскольку верят, что это свидетельствует об аппетите покойного. Сдержанно-серьезное поведение собравшихся говорит о том, что присутствие умерших не вызывает ни у кого сомнений. Может также случиться, что усопший показывается в виде маленькой белой бабочки, которую называют *урт-бубули* (бабочка души). Такая порхающая бабочка, увиденная на поминках, вызывает у них радость и они говорят: «*Урт* покойника присоединился к нашей компании в виде бабочки». Поэтому убивать бабочку души — большой грех.

По завершении поминок стоящую у печи чашу выносят во двор, где ее содержимое раздают собакам. Старики с любопытством наблюдают за поведением собак. Они считают: если собаки едят жадно, это признак того, что умершие были голодны и поминальная еда им понравилась; в противном же случае, если собаки эту еду особо не трогают, это значит, что также и у умерших она вызвала пренебрежение.

Помимо дня кончины покойника, поминальную трапезу устраивают на третий, седьмой и сороковой день смерти, а также в ее годовщину. Все эти поминки во многом похожи на первые. На третий и седьмой день режут курицу, а на поминки сорокового дня и на годовщину принято закалывать более крупное домашнее животное, типа гуся, овцы или телят. В эти дни принимает участие заметно большее число родных и близких покойника, чем на предыдущих поминках. Визуально умершего представляет его одежда, например, рубашка и штаны, или юбка, если она была женщиной. Эти предметы одежды развешивают на стене около поминального стола. Поминки сорокового дня и годовщина длятся обычно пару дней. В последний день «лечат голову» покойника. По прошествии года, в дальнейшем поминок определенного дня в память отдельного умершего более не проводят. А до этого срока отношения между покойником и его родственниками были еще довольно близкие — он не оставлял своих домочадцев. Но в дальнейшем он будет уже вместе с другими умершими.

Языческое кладбище (Можга) — Pakanallinen kalmisto (Mozhga)

Кладбище посещают только в связи с поминками на годовщину смерти. Туда относят также еду и питье. В тот день вотяки как бы снова провожают покойника в его подземное жилище. Ту полосу ткани, которую в день смерти привязали к матице в избе, относят на кладбище и зарывают в землю. Тогда же некоторые вотяки ставят деревянную ограду вокруг могилы — обычай, который они, по-видимому, позаимствовали у соседствующих татар. На большинстве из могил нет никакого памятника.

Через 3–5 или более лет — нет определенного срока — вотяки проводят в честь кого-то из старших умерших обряд, называемый лошадиной свадьбой.⁵¹ Название обряда происходит оттого, что

⁵¹ Обряд проводился только в честь умерших естественной смертью от старости, состоявших в браке и родивших детей.

Место для вывоза костей (Старая Кирга) —
Luiden vientipaikka (Staraja Kirga)

тогда закалывают лошадь, ее череп и кости ног отвозят в сопровождении музыки и свадебных песен на кладбище. Жертвоприношение происходит дома, где собирается большое число близких и дальних родственников, друзей умершего. Когда завершают трапезу, в избу заносят драночную корзину, на дно которой разложена солома. В корзину складывают кости и поверх них череп, после чего поют свадебные песни, танцуют и веселятся. Когда у танцующего спрашивают: «Для кого танцуешь?», в ответ он произносит имя умершего. К вечеру пение и танцы завершаются, и когда уже начинает темнеть, корзину выносят во двор, запрягают пару лошадей в сани и отвозят кости лошади на кладбище. Едет много молодых людей, парней и девушек, по пути веселятся и поют песни, как на свадебной поездке. Когда прибывают на кладбище, в корзину наливают домашнего вина и зажигают свечу в честь умершего. В завершение кости вешают при помощи лыковых веревок на какое-

нибудь дерево на кладбище. Этот обряд совершается обычно поздней осенью или зимой, во всяком случае, только один раз после смерти человека. Для мужчины жертвуют лошадь, для женщины — корову.

После этого в память определенного умершего более поминок не проводят, а только общие ежегодные поминки — около Пасхи, на Троицу и осенью, по завершении полевых работ.

Но вотяки вообще и в другое время часто поминают своих умерших. Так происходит особенно в случае болезни, неурожая или других несчастий, потому что эти невзгоды считаются наказаниями, посланными умершими. Тогда души покойников надо умиловать жертвами. Однако в таком случае вотяки не ходят на кладбище. В непосредственной близости от деревни у них есть особое место, посвященное умершим. Его называют местом, куда бросают луб.⁵² Название дано оттого, что после смерти туда относят луб, на котором лежал покойный, веники, которыми его обмывали, одежду и другие вещи, которые соприкасались с ним. Там гниют кучи таких вещей. К тому же на этом месте видны маленькие деревянные памятники, обрубки, высотой в пол-локтя, перед которыми обычно стоят еще маленькие столики на одной ножке. На стол кладут жертвенную еду, а обрубок — это место обитания самого умершего, значит какой-то его первоначальный божественный образ. Однако сегодня такой памятник делают только для умерших в чужой местности, потому что *урт* умершего, как объяснил один старик-вотьяк, без этого не вернется в родные края к своим родственникам.

К черемисам⁵³

Как правило, исследователи, путешествовавшие к восточно-финским народам России, направлялись вначале в Казань — город, который в старину являлся столицей Восточной России, и сегодня остается крупным краевым центром духовной культуры и хозяйства. На сей раз, однако, нельзя было следовать этому правилу. Дело в том, что из-за огромного числа путешествующих в связи с праздником Романовых,⁵⁴ попасть на поезд московского направления можно было лишь заранее заказав билет. Поскольку времени ждать не было, я решил сесть на поезд Северной железной дороги⁵⁵ и, таким образом, первым местом назначения для меня стала Пермь.

Однако и на Северной железной дороге, которая соединяет столицу с дальними восточными регионами, теснота в поезде была такая невыносимая, что и в вагоне второго класса невозможно было найти свободного сидячего места. К вечеру ощущения стали уже

⁵³ «Tsheremissien luo. Matkakirjeitä. I.», газета «Uusi Aura» от 17 августа 1913 г.

⁵⁴ В 1913 г. проводилось празднование 300-летия царствования династии Романовых (первый представитель династии Михаил Федорович Романов был избран на царство в 1613 г.). Торжества, начавшись в феврале, продолжались до осени 1913 г.

⁵⁵ Северная железная дорога — одна из старейших российских магистралей, начало строительства которой относится к 1870-м годам; пролегает по северу и северо-востоку России; проходит через Вологду, Вятку, Пермь.

⁵² *Кыр/кур куян* — букв.: «луба бросания [место]».

мучительными — пока рублевая купюра не содействовала тому, что кондуктор все-таки вспомнил, что в первом классе имеется еще свободное купе. Я был доволен этим еще и по той причине, что в том вагоне, в котором я вначале находился, все ночное освещение временами заключалось в одной скромной свече.

После Петербурга виды вдоль железнодорожного полотна ничего особенного не представляют. Однообразные лесные пейзажи продолжаются без каких-либо перемен до Вологды и даже после нее. Лишь в Вятской губернии природа становится несколько иной. Вообще железная дорога идет по необжитым местам; освоенные земли и многолюдные села — это украшения речных долин. Однако леса со своими хвойными деревьями, вересковыми зарослями и другой растительностью во многом напоминают финские леса и, несмотря на свою скромность, представляют интерес для нашего человека. И не только по этой причине, но и потому, что их обитателями были народы финского племени. Вот здесь территория проживания води и ингерманландских финнов, дальше на севере простирается богатая песнями Беломорская Карелия, а за этими лесами, в бассейнах восточных притоков Северной Двины, находится зырянский край. Поезд проезжает Котельнич, что на берегу Вятки, — а этот город был в прошлом черемисским. Что же касается окрестностей вокзала Глазова, где протекает река Чепца, то они относятся к родине сегодняшних вотяков. И кто знает, возможно, под покровом этих огромных лесов могли жить еще и другие финно-угорские народы, которые затем могли слиться с перемещавшимся сюда великорусским населением. Не знаю, но эти широколицые старики с густыми бородами, которых можно видеть на глухих станциях, производят на меня впечатление финнов. Вне сомнения, в русскоговорящем населении этих местностей немало крови финских племен.

Смотрю в вагонное окно и впадаю в тоскливые размышления о том, что на самом деле могло служить причиной тому, что именем этого государства не стала Финляндия. Не хватало ли у нашего племени достаточно сильного чувства духовного единства, или же его раздробление было вызвано его прошлыми промысловыми занятиями? Они, должно быть, побуждали людей к перемещениям, а эти бескрайние леса, которые в древности были еще более всеобъемлющими — дым костра в них далеко не виднеется и гудок берестового рожка вдаль не разносится — скрывали родственные племена друг от друга.

Дальше от Глазова однообразная равнина начинает превращаться в переменчивую холмистую местность. По рекам сплавляют лес и плавают легкие рыбацкие челны. То и дело на горизонте появляются холмы, наверху и косогорах стоят селения, окруженные хлебными полями — мы приехали в обжитый край. На всем видимом пространстве заметны следы того, что земля здесь обрабатывается. Перед глазами открывается сказочная Пермская земля, память о ней всплывает из своих укромных мест. Там, где-то на лоне синеющей вдали лесной глуши, покоится Пам,⁵⁶ знатный пермский волхв, который подобно западному финну Лалли,⁵⁷ был одним из тех редких богатырей эры язычества финских племен, чьи имена хранятся в летописях как доблестные защитники своих национальных традиций. В пермских лесах как будто все еще раздается эхом боевой клич Пама: «Братцы, не верьте москвитам, больше верьте нашим предкам!» Хотя русские церкви со своими зелеными крышами и говорят о победе святителя Стефана,⁵⁸ обращавшего зырян в христианство, среди дремучих лесов во многих деревнях древнее наследие настойчиво передается из поколения в поколение.

Поблизости от поезда по дороге идет караван. В углу первого воза развевается небольшой красный флаг. Обоз, похоже, идет в сторону отдаленного села. В кювете, на обочине дороги, длиннобородые крестьяне стоят и ждут со своими обозами. У сидящего рядом старика я выясняю, какое значение имеет флаг у головного обоза. Получаю ответ, что идет транспортировка «казенного напитка». Флаг — знак для встречных, чтобы они поняли, что необходимо посторониться: как полагается, казенный обоз другим дорогу не уступает.

Начинает уже смеркаться, когда поезд мчится по гигантскому мосту длиной около одного километра через Каму. Так мы приезжаем в Пермь, в город, который по русскому обычаю называют

⁵⁶ Пам — верховный жрец (волхв) коми-зырян, активный противник распространения христианства среди них, один из немногих открыто выступил против христианизаторской миссии Стефана Пермского.

⁵⁷ Лалли (ум. ок. 1160 г.) — противник распространения христианства среди финнов. Согласно преданиям, в 1156 г. он убил первого епископа Финляндии Генриха Уппсальского. Ввиду отсутствия письменных источников, историческая достоверность события остается под сомнением.

⁵⁸ Стефан Пермский (ок. 1345–1396) — русский церковный деятель, миссионер, осуществивший христианизацию коми-зырян.

и воротами Сибири. Город, известный лишь как центр торговли и посредник сибирских товаров, интересным мне не представлялся. Перевожу мои часы на местное время, которое на пару часов опережает питерское время, и отправляюсь на речной порт, чтобы там подождать отправления первого парохода, плывущего в южном направлении.

Испытываешь прямо сладостные ощущения, когда после трехсуточного сидения в пыльном закутке поезда имеешь возможность пройтись по просторному и опрятному пароходу. Вдобавок эти большие российские реки обладают особой чарующей силой. Железнодорожный транспорт является как бы хранителем таинственности, так как он перевозит путешественника через глухие леса и только изредка открывает перед ним вид с достопримечательностью, и то только мельком, на мгновение. Иное дело — водный путь. Он открывший путешественника, имеющий многое, что показать. Так же, как на Волге, и на Каме один берег низкий, луговой, а другой — высокий, гористый. На песчаном берегу откосе бесчисленное множество маленьких отверстий; вижу, что это — ласточкины гнезда. А вот наверху, когда смотришь с реки, жилые постройки людей как будто птичьи гнезда. Принято считать, что Кама является дочерью Волги-матери, но многие хотят ставить под вопрос, какая из этих рек главная. Что касается ширины, Кама не уступает Волге; более того, говорят, что она раза в три полноводнее, чем последняя. Некоторые знатоки утверждают, что вода каждой из этих рек имеет свой цветовой оттенок — поэтому за их ходом можно следить даже ниже места слияния рек, и волжская вода достигает абсолютного перевеса только около Самары. Как говорят мордвины, Волга и Кама между собой борются за гегемонию. В свое время эти реки со своими плодородными долинами были освоены нашими племенами. Кама даже носит имя, данное ей финскими племенами. А как с названием «Волга»?

В жизнь людей этих краев судоходный период привносит новые импульсы — маленькие прибрежные города, которые зимой дремали в изоляции от остального мира, становятся бахвалами, как подвыпившие в момент усиливающегося опьянения. Купцы обладают развитым чувством собственного достоинства, а большинство из пассажиров первого класса и состоит из краснозатылочного торгового люда с полнотелыми женами. Мужчины, которые весь день проводят в зале ресторана и тянут красную настойку из рябины, одеты в черный суконный кафтан длиной до колен, а на ногах у них длинные блестящие сапоги. Жены кичатся в своих шуршащих шел-

ковых блузках; в ушах роскошные золотые серьги. По всему видно, что это обетованный край купцов и торговли, и мне стыдно, когда на вопрос о том, кто я, нужно ответить, что я не купец, а обыкновенный человек.

«А не могли бы Вы стать купцом?» — спрашивают у меня. Я объясняю, что для продажи у меня ничего нет, все имущество для своего пользования. Мои спутники рекомендуют мне приступить к посредничеству в продаже российского зерна.

Наконец мы доплываем до пристани, где мне предстоит пересечь на пароход, плывущий по притоку Камы — Белой. К своему удивлению слышу, что продолжать путь сегодня не удастся. Хорошо, что в порту есть комнаты ожидания, в которых можно переночевать. Узнаю, что среди ожидающих тут есть люди, приехавшие сюда и со стороны Волги. Я знакомлюсь с барышней с большими, грустными глазами. Она говорит, что возвращается из паломничества в Нижегородскую губернию, где кланялась мощам преподобного Серафима.⁵⁹ Было бы назойливостью пытаться узнать у барышни, зачем ей это понадобилось. Но в этом и нет необходимости: ее мама, путешествующая с ней, оказалась очень разговорчивой; она рассказывает досконально все, с самого начала. Они из города Бирска, но когда был еще жив ее муж, они жили на селе. Барышня еще молодая, ей только 23 года, но она страдает от нервозности, потому что жених бросил ее, и она, таким образом, осталась старой девой — в России девушку считают старой девой, если ей исполнилось 21 год. Поэтому она тревожится; бедная барышня! И по этой причине она ездила из Бирска в Нижний Новгород, чтобы помолиться святым.

Мы плывем по Белой. Река получила свое название оттого, что по сравнению с коричневой водой Камы, вода здесь заметно светлее. В этих краях преобладают башкиры. В большинстве из прибрежных сел стоят минареты, башни мусульманских «церквей», с полумесяцем на шпиле. По большей части и люди, которых можно видеть на пристанях, татарского типа. Головы мужчин обриты наголо бритвой, а женщины углом платка прикрывают свои глаза. Но некоторые татарские барыни и девушки одеты по образцу русской интеллигенции. Трудно поверить, что татары, представители которых иногда странствуют и по Финляндии в качестве коробейников,

⁵⁹ Серафим Саровский (1754–1833) — иеромонах Саровского монастыря, основатель Дивеевской женской обители, причислен к лику святых в 1903 г. Один из наиболее почитаемых русских святых.

представляют собой угрозу для российского государства. Разве опасно, что они, как цивилизованный народ, имеют свои типографии, газеты и даже свой театр в Казани. Сами русские уважают татар за опрятность и тактичность, обращаются к ним совершенно иначе, чем к нашим родственным народам.

В небольшом пароходе чувствуешь себя уютно. Люди запросто обращаются друг к другу. Мне скоро становится известно, кто мои спутники. Вот русская седовласая дама с тонкими чертами лица, служанка которой тоже путешествует в первом классе, едет из Москвы, чтобы провести лето в имении графа Мордвинова.⁶⁰ А там молодой господин — он учитель-татарин из Казани, а барышня в его компании — студентка-татарка. Вот эти веселые, смеющиеся девушки едут из Костромы. Бледная певица-петербурженка, с щек которой столичная жизнь стерла весь румянец, едет куда-то в санаторий, чтобы лечиться кумысом, лошадиным молоком с градусами.⁶¹ Этот напиток российские врачи рекомендуют всем людям, страдающим от малокровия. Народ, путешествующий на нижней палубе, пестрый. Больше всего привлекает внимание труппа цыган. Они, грязные, одетые в крикливые цвета, валяются на ковриках — мужики и женщины вместе — и щелкают орехи. С ними и пара обезьян, с которыми играют цыганские дети. До поздней ночи оттуда несется игра балалайки, и когда она затихает, с прибрежных дубовых рощ слышен щебет соловья.

Скоро мы минуем Бирск, небольшой уездный город. Пейзажи реки Белой становятся все разнообразнее. Особо своей красотой выделяется ее высокий берег, представляющий одно из ответвлений горной гряды Урала. По нему из Уфы идет железная дорога в Златоуст⁶² — ввиду его замечательной горной природы называемый и русской Швейцарией.

⁶⁰ Имение графа Мордвинова в Уфимской губернии располагалось в Бирском уезде в с. Надеждинское (ныне Калтасинский район Республики Башкортостан).

⁶¹ Уфимская губерния являлась одним из центров кумысолечения. Наибольшее число кумысных лечебниц, где лечились от легочных болезней, располагалось в Белебеевском уезде. Кумыс — кисломолочный напиток из кобыльего молока, полученный в результате молочнокислого и спиртового брожения.

⁶² Златоуст — один из самых высокогорных городов Урала, расположен на высоте до 600 м от уровня моря (ныне — в Челябинской области).

Конечная остановка нашего парохода в Уфе, а дальше мне и незачем ехать. Единственное, что здесь мне необходимо добыть, это доверенность от губернатора с разрешением пребывать в сельской местности. Немного времени остается и для того, чтобы ознакомиться с городом, который, похоже, по численности жителей не меньше Хельсинки. Площади, улицы и здания имеют восточный отпечаток. Самый большой дом торговли принадлежит татарской компании. В нем продаются не только ткани и обувь, а также книги и продукты питания, даже русские иконы. В ресторане мое внимание привлекает текст на стене: посетителей вежливо просят снимать головные уборы. Захожу также в парикмахерскую, и когда вижу, что у других головы остригают бритвой, поддаюсь местному обычаю. Мне надо также посетить почтовую контору. Там я наблюдаю, что на стене висит доска, на которой много портретов. Подхожу ближе и вижу, что наверху большими буквами написано: Берегитесь карманных воров! А под надписью — портреты самых известных из них. На доске 23 фотографии мужчин, 8 — женщин, 2 — детей.

Остается еще привести в порядок котомку с провизией — и я готов к отправлению в черемисские деревни.

В селениях разноплеменных народов⁶³

Прошлую ночь я провел в русской избе, а сейчас я гость в татарском доме.

Здесь невозможно не удивляться, как разного рода народы проживают по соседству без признаков какой бы то ни было зависти или споров о границах. На одной равнине, в поле зрения друг друга, стоят деревни, население которых отличается не только по диалекту, но и по национальности, т.е. по языкам, обычаям, религиям. Вон там, у реки, русское село — купол его православной церкви сверкает на солнце, а вот в этом селе мусульманская молельня, а дальше виднеются священные рощи вотяков и черемисов, которые, как памятники былых лесов, вырастают, в общем, из безлес-

⁶³ «Erisukuisten kansain kylissä. Matkakirjeitä 2», газета «Uusi Aura» от 24 августа 1913 г.

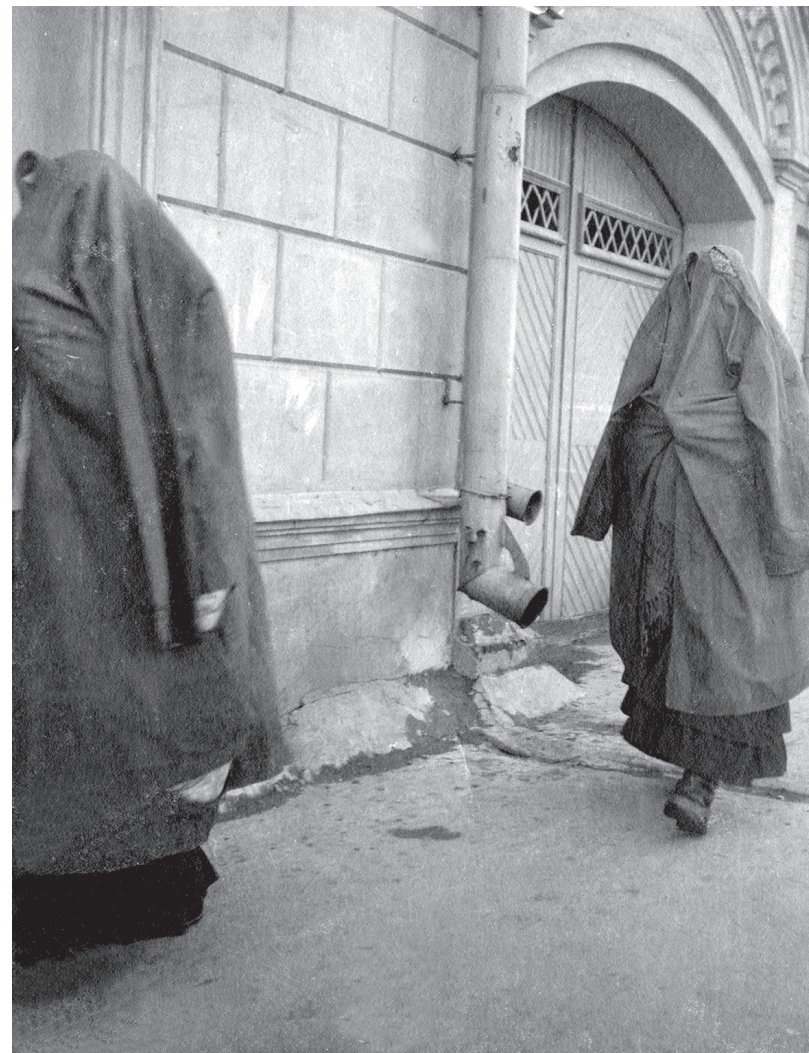
ной почвы. Больше всего меня удивляет то, что эти разнородные люди иногда ходят друг к другу в гости. Я видел, какое они оказывают друг другу гостеприимство, едят за одним столом, пьют из одного самовара. Повсеместным средством общения для всех служит татарский язык, которым и женщины наших родственных народов владеют.

Прежде чем отправиться в дальнейший путь, я намереваюсь немного отдохнуть; ящик относит мои вещи в татарскую избу. Строение новое; двухэтажный деревянный дом, верхний этаж окружен узкой верандой, украшен резьбой и просторнее нижнего. Кроме комнаты для гостей, на нижнем этаже размещается магазин. Значит, мой хозяин — купец. На верхнем этаже, окна которого закрыты белыми занавесками, проживают его уважаемые жены. По всему видно, что Аллах щедро благословил торговые дела старика-татарина.

Изва, в которой я провел предыдущую ночь, была убогой. Самыми заметными ее украшениями были стоящий на столе самовар, засиженный мухами образ в углу и — тараканы, бегающие по бокам теплой печи. Тут вовсе отсутствуют два последних; а что касается самовара, стоящего на возвышении пола в задней части комнаты, то он отличается как по своему большому размеру, так и по шикарности. На стене висят красивые репродукции, изображающие мечети юга, шествия паломников и др. Меня просят присесть на мягкую рукодельную подушку. Мне татары весьма нравятся, потому что их обычаи благопристойные и их еда вполне съедобная. Спиртных напитков они в таком большом количестве, как русские, не употребляют — это запрещено их религией, и по этой причине, как правило, они зажиточные и имеют принципы. У русских бесконечная страсть к водке уничтожает все увлечения и идеалы: всем — все равно.

После того как мой ящик выпил свой чай и уехал, ко мне подошел старик-татарин, чтобы побеседовать о Финляндии и о финнах. Я показываю ему финские деньги, отчего он еще больше увлекается. Мой хозяин очень любознательный человек, и он знает кое-что о нас; ему даже известно о родстве черемисов и вотяков с финнами. Знает он и о том, что у финнов, так же как и у русских [...]⁶⁴

⁶⁴ По типографским причинам конец предложения не читается.

Женщины-татарки (Казань) — Tatarirouvia (Kazan)

Он имеет несколько жен. Согласно священной книге мусульман, приверженцам данного вероисповедания допускается выбрать себе четыре официальных жены. Он, однако, делит свою любовь лишь с тремя женами. Мое замечание о том, что, по утверждению христиан, жены-татарки живут в постоянном раздоре между собой, вызывает у моего хозяина улыбку — он говорит, что так, наверное, и было бы в том случае, если бы власть женщин среди мусульман достигала такой же степени, как у христиан. Но, как мне известно, идеи феминизма здесь развития не получили. Женщина целиком находится под властью мужчины. Уже при рождении девочку считают менее ценной, чем мальчика. А когда она становится старше десяти лет, ее будущая судьба определяется отцовской волей. Независимо от того, желает она сама того или нет и каким бы старым жених ни был или сколько жен бы уже не имел, если отец согласился на предложенный им калым, она вынуждена выйти замуж. В качестве жены она продана мужу и находится полностью в его власти; а если она бунтует, для развода достаточно одного слова мужа.

Действительно, положение женщин у татар незавидное. Единственное ее орудие — это ее красота, или ее какая-то иная притягательная женская сила, с помощью которой она привязывает к себе мужа. Мусульманские женщины и умеют ловко пользоваться подаренным им Аллахом орудием. В отличие от того, как обстоит дело у нас, разводов мало; а что касается раздоров, то они не представляют здесь такой серьезной проблемы, как многие в Европе думают. Как объяснил один крестьянин, его первая жена сама потребовала, чтобы он взял себе еще одну жену. Причем она мотивировала свое требование тем, что ей, мол, не с кем общаться и, вдобавок, работы у нее навалом. Однако, как правило, только зажиточные мужчины могут позволить себе больше одной жены. Тут я слышал следующую поговорку, описывающую национальный характер разных народов: когда разбогатеет русский, он начинает заниматься торговлей; татарин же в таком случае берет себе новую жену; а когда черемису достаются деньги, он зарывает их в землю.

Более того, как объясняет мой хозяин, христиане полагают, что все жены татарского семейства живут в одной и той же комнате — а это не соответствует действительности. Когда в дом приходит новая жена, для нее отводится отдельная комната. Хозяин объясняет, что каждая из его жен имеет свою комнату. Каждая живет отдельно, в окружении своих детей, каждая готовит и кушает свою еду, каждая имеет свой самовар, имеются даже отдельные веранды — только сад общий. Муж посещает каждую жену одинаковое по про-

должительности время, обычно это по одной неделе. В тот день, когда происходит смена жены, он принимает баню и надевает на себя одежду, вышитую соответствующей любимой. Старик-татарин говорит о своих женах с большим уважением.

Мимоходом я спрашиваю, не проявляют ли его хозяйки какую-то ревность в отношении друг к другу. Он отрицательно качает головой и говорит, что порядочный муж понимает, что поводов этому давать не следует. Предполагается, что он любит каждую из них в одинаковой степени, т.е. подобно тому, как отец любит своих детей. Несмотря на деликатность вопроса, я не могу не спросить: действительно ли он любит всех трех жен одинаково горячей любовью. Разумеется, отвечает он, ко всем невозможно проявлять совершенно одинаковую любовь. Старшая жена старше его самого; еще его покойный отец выбрал ее сыну в качестве спутницы жизни; он восхищается ее мудростью, у второй — ее деятельностью, и третьей — ее красотой. Третья, которая пришла в дом только недавно, не успела еще получить столько много любви, как старшие его жены.

Чести познакомиться с его любимыми у меня не будет, потому что, по общепринятому обычаю, татарке запрещено общаться с чужим мужчиной. К тому же ей нужно закрывать свое лицо тканью, когда она выходит на улицу.

Обычай и обряды мусульман представляются мне интересными. Однако сей раз не будет возможности углубляться в них — новые лошади уже запряжены.

В скором времени в поле моего зрения появляется несколько священных рощ, свидетельствующих о том, что я приехал в местность обитания тех народов, которые еще не мусульмане и не христиане, а продолжают жить по обычаям своих предков. Они — родственные финнам народы. Первая деревня вотяцкая. Это я могу установить и без объяснений ямщика на основе того, как здесь одеты женщины. Когда путешественник приезжает в селения восточно-финских народов, первая особенность, которая привлекает его внимание, это своеобразные народные костюмы, которые носят особенно женщины. Их одевают не только во время праздников, но также и в качестве рабочей одежды. При приезде, когда любопытные люди приходят поглазеть на чужака, создается впечатление, что ты оказался в большом этнографическом музее под открытым небом. Когда разглядываешь эти своеобразные, боязливые, загадочные существа, которые выросли вдали от современной

Женщины-вотячки — Votjakivaimoja

цивилизации, твоя душа наполняется таким же благоговением как в музее при осмотре древних экспонатов. Эффект усиливается еще тем, что старина здесь *жива*.⁶⁵ Мне это представляется великолепным, потому что речь идет о далеком прошлом моего собственного рода. Народ тут передо мной не может догадываться, с какими мыслями я его разглядываю.

Скоро мы выезжаем из вотяцкой деревни, которая пробудила во мне воспоминания двухлетней давности, о времени, когда я путешествовал по селениям этого народа. На этот раз моя цель — ознакомиться с черемисами, с их образом жизни. В кармане у меня адрес куда отправиться, а мой ямщик знает и деревню, в которую мы направили свой путь. По своему внешнему облику здешние деревни мало чем отличаются друг от друга, разница в народе, который проживает в них. Вотяки и черемисы, хотя и являются родственными народами, настолько существенно отличаются, что языки друг друга они не понимают. Кроме того, обычаи и обряды этих соседних народов сильно отличаются.

К вечеру в черемисской деревне распахиваются массивные ворота, и жители дома выходят во двор встречать гостя издалека, который приехал, чтобы провести лето среди них. Говорят, что местные черемисы — приверженцы старомодных взглядов, суеверны и строго соблюдают свои вековые обряды. Поэтому они и представляют для меня интерес. Видно, что деревня эта бедная и грязная. У многих детей, которые подходят посмотреть на мои вещи, большие глаза. Я еще не знаю, в какой комнате буду жить. Женщины ставят для меня самовар, а молчаливый хозяин вглядывается в меня исподтишка, как бы хочет спросить: зачем приехал сюда, чего тебе надо от нас? Языческие народы весьма робеют перед христианами.

После ужина я стараюсь познакомиться с обитателями дома. Объясняю, что я представитель родственного им племени, но все они очень застенчивые и неразговорчивые. Вижу, что нахожусь не у бойких русских и не у словоохотливых татар, но, тем не менее, я ощущаю некую тайную любовь к этому народу, потому что в его языке есть слова, к которым я привык с детства: *puu* (дерево) — это по-черемисски «пу», *tuli* (огонь) — «тул», а сам *Jumala* (Бог) — «Юмо». К тому же в его национальном характере есть что-то из характера моего народа.

⁶⁵ Выделено автором.

Девушки-черемиски — Tsheremissityttöjä

Члены семьи начинают потихоньку расходиться на ночлег в свои клетки⁶⁶ во дворе. Хозяин спрашивает у меня, где я хочу провести ночь, объясняя при этом, что в избе много насекомых и что по этой причине люди предпочитают спать летом во дворе. Я тоже оставаться в избе не желаю; на одной из телег, стоящих в сарае, делаю себе постель из соломы и — засыпаю и вижу сон о Финляндии.

Выходной день в черемисской деревне⁶⁷

Сегодня пятница — выходной день у черемисов.

Пол подметен, дом приведен в праздничный порядок. В глубине избы у стены стоят нары, на которых в дневное время обычно сидят, а ночью спят; на нарах расстелены белые войлочные ковры и на них лежат несколько красных подушек. На гвозди у оконных косяков повешены полотенца, украшенные вышитыми узорами. Такие же полотенца свисают и на жердях с потолка.⁶⁸ Кроме того, на стенах и на жердях красуются женские наряды, свидетельствуя о состоятельности хозяев.

То, что сегодня наступило небудничное утро, видит и стоящий на столе старый самовар, который верой и правдой служит черемисской семье — как в радостях, так и в печали. Сегодня под него поставлен большой зеленый поднос, а на стол выставлены стаканы и фарфоровые чашки, вместо повседневных зазубренных деревянных чашек.

Особая атмосфера окружает также занятия хозяйки. Вот она удаляет мух, застрявших в меде, хранящемся в жестяной посуде; вытряхивает на пол тараканов из берестянки с сахаром, которую в будние дни из-за детей она вынуждена хранить почти на высоте потолка. Затем она измельчает в ладонях горсть плиточного чая и засыпает его в заварочный чайник, потемневший вид которого пред-

⁶⁶ В каждом марийском дворе имелись жилые клетки (*клат*), в которых проводили лето семейные пары или неженатые члены семьи.

⁶⁷ «Puhapäivä tsheremissikylässä. Matkakirjeitä 3.», газета «Uusi Aura» от 7 сентября 1913 г.

⁶⁸ Подобные жерди прикрепляются к потолку при помощи двух поперечных досок или кусков дерева на ее обоих концах.

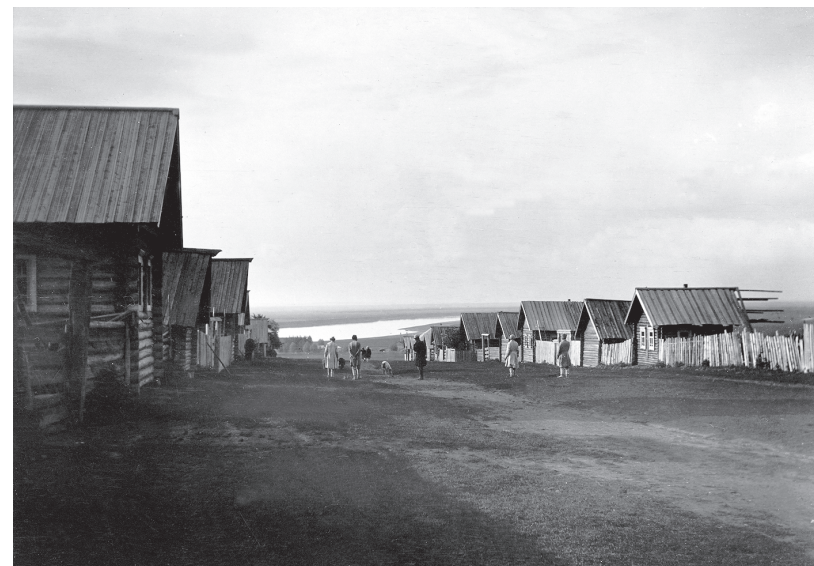
ставляет наглядный пример разрушительного действия времени. В своих хлопотах она заходит и в подполье, откуда достает наполненную доверху желтым сливочным маслом деревянную тарелку.

Помощницей матери в домашнем хозяйстве является ее старшая дочь. Хотя она еще и не носит на своих локонах головного убора замужней женщины, в ее взгляде можно уловить какую-то озабоченность и понимание жизни. Она встала рано утром, чтобы выполнить работы по хозяйству, принесла воды из ручья (в деревне нет колодца), вытерла лица младших детей мокрой тряпкой и одела их в чистые рубашки. Сейчас она с огненно-красными щеками суетится у печи, печет блины из гороховой муки, смазывает их поверхность маслом. Маленькие ее сестренки стоят-подглядывают у двери, жуя грибы. Хотя они не вареные, девочкам, похоже, они представляются такими же вкусными, как нам ягоды. У всех на ногах новые белые лыковые лапти.

День отдыха черемисов и финское воскресенье — разные вещи. Тут дуновение ветра не приносит с собой звона утренних колоколов. Здесь также не увидишь дороги к церкви и шагающих по ней людей, одетых в темное. Даже дома тут не зажигают свечи, как делает русский в честь самого значимого дня недели. Пятницу в качестве выходного дня черемисы переняли от татар, мусульманская цивилизация которых оказала на них воздействие намного раньше, чем христианство. Тем не менее, черемисы не приверженцы мусульманства, пятница для них только день отдыха без каких-либо церемоний. В то время как старик-татарин разувается и взбирается с молитвенным ковриком под мышкой в свое святилище, черемис сидит дома. Но, как и для многих из наших людей, так и здесь, день отдыха является также и днем веселья и хождения в гости.

Когда я вижу, что уже начинают приходить гости, выхожу из избы, потому что не хочу быть помехой. Сажусь в летней кухне, расположенной во дворе. Как правило, в летнее время здесь готовят еду для семьи и также кушают. А зимой она служит в качестве хранилища хозяйственной утвари. В старину эта постройка играла намного значимую роль. Много раз я сидел на ее пороге, наблюдал за занятиями хозяйки и разглядывал старомодные хозяйственные принадлежности; но прежде всего для меня представляет интерес сама постройка.

А она такая простая, скромная! Она — сколоченное из необтесанных бревен квадратной формы строение, напоминающее сарай,

Черемисская деревня — Tsheremissikylä⁶⁹

в котором нет ни потолка, ни печи, ни окна, и пол которого — просто утоптанная поверхность земли. В середине помещения на земле располагается очаг, над которым с подвесных жердей свисает чугунок. Дым костра поднимается к дощатой крыше и выходит там через дымник. Вдоль стен идут широкие сосновые лавки, а в углу у стены дверного проема стоит старый стол. Вот такое это строение, которое после того как современная изба с печью вошла в обиход, было вытеснено на задворки. Понятно, что никто больше не хочет мерзнуть в нем в зимние холода. Но черемис знает, что это — прадедовское строение и именно оно было в прошлом единственной жилой постройкой марийского народа (так называют себя сами черемисы).

⁶⁹ На снимке запечатлена деревня Чаки Бирского уезда, расположенная на берегу реки Белой.

Черемисское кудо — Tsheremissikota

Однако связанные с ним воспоминания дороги не только для черемисов. Его название *кудо* соответствует слову *kota* (чум) в нашем языке. Оно указывает на то далекое время, когда черемисы и финны жили поблизости друг от друга и говорили на одном языке. Живя в стороне от живого влияния западноевропейской цивилизации, родственной нам народ смог сохранить до наших дней это удивительное строение, от которого у нас, финнов, осталось только красивое слово *koti* (дом). Сажу на пороге черемисского *кудо* и уношусь мыслями в жизнь, в старину.

Я как раз размышлял о значении и ценности дома, хотя и скромного, а также об особом тепле его очага для человека, когда дочь моих хозяев застаёт меня врасплох посреди красивейших грез. Она — только что такая счастливая стояла-сияла в избе у печи — плачет. Заметив меня, она пытается отвернуться. Спрашиваю, почему она печалится, но ответа не следует. А мне любопытно узнать, какие слезы бедная девушка решила доверить тихому кудо. Захожу в избу, чтобы узнать. Вскоре мне становится ясно, в чем дело. Вот молодой человек, стоящий на крыльце — робкий, одетый в длинный белый суконный кафтан с плетеным красным поясом — пришел, чтобы просить девушку себе в жены. В избе старик, который спорит с хозяином дома, — его отец. На лавке у дверей лыковая котомка, наполненная съестными припасами, среди которых мне сразу бросается в глаза пузатая бутылка самогона. Эту провизию привезли гости, но хозяин не желает трогать содержимое котомки. Это — нехороший знак, т.к. означает, что он с брачной сделкой не согласен. Ссылаясь на страдную пору, он не желает отдать свою дочь — хотя порядочный калым и соблазняет его. Девушка не прочь выйти замуж за парня, но отец прикрикнул на нее.

Я пытаюсь замолвить словечко за нее, но это не помогает. Вижу, что девушка очень хотела бы выйти за парня, и я даже предлагаю поработать вместо нее в хозяйстве, но ее отец только хмыкает и качает отрицательно головой. Оказывается, черемисских девушек сватам запросто не отдают. Посетители со своей провизией вынуждены уйти несолоно хлебавши.

Но вскоре в избе появляются новые люди — ведь сегодня общий для деревни день, когда ходят в гости. Возвратившись с прогулки, вижу много незнакомых лиц, одетых по-праздничному. Часть из них, очевидно, дальние родственники, а часть — друзья из своей деревни. В масло, выставленное на стол, добродушные гости втыкали медные монеты в знак благодарности за гостеприимство. А кто с собой денег не имеет, кладет на масло серебряное кольцо

со своего пальца. Черемисские проявления вежливости отличаются от наших, и даже наш опытный светский лев споткнулся бы здесь. Вот к тебе подходит хозяйка, в руке у нее старая каповая чашка, она предлагает тебе медовуху — но если ты выпьешь из нее, то не только она, а все присутствующие в избе посмотрят на тебя косо. Вначале тебе следует предложить выпить самой хозяйке. Она попробует немного, затем подойдет к столу и наполнит посуду опять. Только теперь, после повторного предложения выпить, ты должен встать и выпить. А если не выпьешь, это считается демонстративным жестом, разговоры о котором продолжатся еще и при других пиршествах. И даже в том случае, если не хочется пить, следует хотя бы пригубить чашку. Здесь такой обычай. Или же, считается неприличным, если желаешь потанцевать и запросто идешь кружиться по полу. Вначале ты должен наполнить чашу и предложить ее старшему в компании, и если он выпьет — тогда, пожалуйста, танцуй. Но если он не примет чашу, тогда ты должен сидеть на месте. Во всем имеется свой маленький порядок, и лишь только тот, кто умеет все это учесть, и есть настоящий компанейский человек.

Единственная теневая сторона в черемисском пиршестве — это излишнее употребление спиртного. Здесь пьют не только взрослые мужчины и женщины, но нередко и дети. Эти люди, в общем робкие и молчаливые, не успевают долго и безмолвно посидеть; вскоре, благодаря гостеприимству хозяина и самогону, у гостей развязываются языки. Для здешних людей самогон служит необходимым средством, придающим бойкость. Вскоре дает о себе знать опьянение. Людям уже не сидится на месте. Многие встают, идут плясать, хотя чуть раньше они так не поступили бы даже за плату. Черемисская пляска очень своеобразна. В основном это лишь кружение и топот ногами. Он не напоминает нашего танца, в котором кружатся парами. Каждый пляшет в отдельности, или, если вместе, пляшущие друг друга не трогают, а обходят своего партнера, качая при этом туловищем и иногда весело вскрикивая. Даже старухи, немного оживившись, идут кружиться по полу. Сопровождает пляску игра волынки. На мой взгляд, мелодия монотонно-жалобная, но, по мнению местных жителей, она звучит весело, азартно.

Самые почетные гости сидят за столом на подушках, разговаривают и поют. Песня — неотъемлемая часть черемисского праздничного застолья. Считается позорным, если на пиру не поют. Меня удивляет, какие они растроганные, когда поют — несмотря на то, что ни мелодия, ни слова ничего особенного не выражают. Во всех

песнях, кажется, тот же напев, отличаются только слова. То благодарят семью за гостеприимство, то приглашают соседей приехать к себе в гости. Услышав приглашение, друзья кланяются и выражают свою признательность. У всех на глазах уже слезы — благодаря гостеприимству и русскому напитку — хотя слова застольной песни особой эмоциональностью и не отличаются: Самовар купили на ярмарке, вода своя, из ручейка.

К вечерним сумеркам душевный настрой людей становится уже весьма неуравновешенным. Слышно, что во дворе кричат и ссорятся. Драчливых, однако, в избу не выпускают. Один старик-бедняга уже настолько устал, что спит под лавкой. Видать, он должно быть действительно очень устал, если может спать при таком шуме. Молодежь постепенно переходит играть на улицу. Последней по полу кружится только молодая женщина, грудь которой сосет малыш. Она настолько пьяна, что еле-еле может держать свое солнышко. Танцуя, она повторяет бесчисленное множество раз короткую песню, в которой, похоже, вмещается вся ее молодая жизнь:

Я — дочь сернурского черемиса, но жена мужика из Конганура.

Когда я упомянул одному деду о своем удивлении по поводу слишком обильного употребления спиртного, он объяснил, что это следствие того, что русские учреждают в сельской местности чрезмерно много винных лавок. По этой причине люди всегда имеют возможность приобрести сколько угодно спиртного. Дед, который, кажется, особым охотником до водки не был — хотя он и не отказывался от нее — жаловался на ущерб, наносимый спиртными напитками. В качестве примера он множество раз упомянул о том, как одна молодая женщина несколько лет тому назад весной по дороге с пиршества домой утонула под слабым льдом. К счастью, она оставила своего грудного ребенка дома, так что он не погиб вместе с матерью. Теперь, говорят, покойница тоскует по своему малышу; как рассказывают в народе, рыбаки слышали на рассвете, как на том месте, где утонула мать-бедняжка, жалуется утопленница:

— Грудь моя наполняется молоком, маленький мой ребенок плачет дома.

Таков день отдыха у черемисов и таково их пиршество.

О способах добывания средств к существованию у черемисов⁷⁰

Сегодня черемисы в основном занимаются земледелием. На основе некоторых, связанных с этим занятием общих слов, языковеды полагают, что в каком-то виде земледелие было для них знакомо уже до того, как прибалтийско-финские народы по той или иной причине отделились от родственных им народов Поволжья.

Мой народ, если ты на самом деле однажды, в момент молодости, пел свои песни здесь, на нежных водах Волги, то зачем тебе надо было переправляться из этого черноземного края в лоно болотистых лесов Финляндии? Почему ты не остался разводить костры в ночь на Иванов день на берегах этих великих рек, где ветер дует мягче и соловей беспрестанно поет всю ночь? Видимо, белые летние ночи Севера манили тебя покинуть прежние места жительства. Или же гонения и тяжкие судьбы?

Какая бы ни была тут причина, в любом случае нам сопутствовала удача. Правда, как говорят, на плодородных нивах Поволжья жить легче. Здесь нет необходимости трудиться так же в «поте лица», как в крайних уголках Севера. Здешняя рыхлая, плодородная почва дает обильный урожай без рытья канав. Тут и не ударишь мотыгой или топором об камень, так как камней вообще нет. Вдобавок, здешнему хлеборобу не приходится проводить бессонные ночи из-за ночных заморозков, потому что заморозки — крайне редкий гость в прибрежных деревнях Волги. И все же! Хотя камни и надобность в копке канав и не тревожат здешних людей, здесь отсутствуют и побудители, призывающие мужика к самоотверженному, упорному труду. Поскольку нанесенный заморозками урон здесь не настолько обычное явление, как у нас в Финляндии, здесь и не встретишь Крестьянина Пааво из Саариярви.⁷¹ Народ в общем вялый и непрактичный. В этом, вероятно, и кроется одна из причин, почему он оказался не в силах подняться и продвинуться вперед.

⁷⁰ «Tsheremissien elinkeinoista. Matkakirjeitä 4.», газета «Uusi Aura» от 14 сентября 1913 г.

⁷¹ Персонаж стихотворения Й.Л. Рунеберга, ставший идеализированным образцом финского крестьянина, который, несмотря на постоянные потери урожая из-за морозов, не жалуется и готов выдержать любые испытания.

Сельское хозяйство у черемисов ведется по старинке. Деревенская община, постройки которой стоят в одной группе по обеим сторонам улицы, — в некоторых деревнях имеется и пересекающаяся улица — возделывает окружающие земли в трех участках. Один из них засеян рожью, другой — яровым хлебом, а третий — луг, выделен скоту. В распоряжении каждого двора свой клочок, отделенный лишь узкой межой от участка соседа. Ввиду отсутствия оград, за скотом постоянно наблюдает пастух, который все лето пасет деревенское стадо. Из культурных растений самыми важными являются озимая рожь, ячмень, овес, пшеница, гречиха и горох. Для изготовления холста черемисы выращивают также много конопля.

Как уже отмечалось, у черемисов земледелие не требует столько труда и времени, как у нас. И обработка земли много усилий не требует. Весной, когда после таяния снега поле немного высохло, вся деревня в один и тот же день идет на вспашку. Впереди шагает человек, которого в деревне считают самым удачливым, у которого «легкая рука». Землю пашут сохой, каждый работает на своем клочке земли, после чего сразу проводят сев. Итак, все готово. С яровым севом тут связано одно своеобразное магическое действие. Перед началом сева в первое семенное лукошко с зерном кладут сваренные вкрутую яйца, которые сеятель, рассыпая семена, то и дело бросает в воздух. Это магическое действие, похоже, направлено на то, чтобы увеличить урожайность яровых, получить подобно куриным яйцам крупные белые, вкусные зерна. Девушки, собравшиеся на поле, подбирают падающие во время посева яйца на хранение. Удачливая из них та, которая сумеет собрать себе в подол самое большое количество яиц, потому что знает, что ее ждет будущее многодетной матери. Глядя на то, как девушки раскачиваются во время игры, старики пророчествуют, что летом хлеба будут колыхаться от полновесных колосьев.

Когда завершён яровой сев, у черемиса имеются все причины быть довольным, потому что долгое время у него особых дел не будет. Поэтому еженедельный день отдыха стал некой условностью — на самом деле по своему происхождению он черемисским и не является. Почти целый месяц они бездельничают, ибо в соответствии с их суеверными представлениями, в начале лета, особенно во время цветения ржи, неуместно выполнять полевые работы — время «злое». В полдень нельзя даже петь или играть, не говоря уже о работах, сопровождающихся хлопками или ударами. Под запретом также и многие другие занятия, например: стирка одежды, окраши-

Уборка сена (Уржумский у.) — Heinänkorjuu (Urzhumin piirikunta)

вание ниток и черпание воды нечистой посудой. Боятся, что в качестве наказания могут быть сильные грозы и вредоносные грады.⁷²

Упомянутое беззаботное время заканчивается лишь незадолго до сенокоса во время вспашки парового поля. С этим и наступает страда — наиболее насыщенный период года. В эти дни приходится косить траву, жать зерновые; и то и другое складывают в определенные места. Стога сена и скирды снопов хлеба хранят под открытым небом, потому что, как рассуждает черемис, людям будет негде жить, если сено и необмолоченный хлеб хранить в постройках под крышей. По количеству скирд хлеба они и оценивают имуществен-

⁷² Подобные представления, связанные с периодом летнего солнцестояния, распространены и у удмуртов.

Обмолачивание зерна — Viljaa puimassa

ное положение своих односельчан. Когда я спросил у одного хозяина, для чего он сохраняет скирды двухлетней давности и даже более старые, не обмолачивает их, он ответил: если я обмолочу свой хлеб и поменяю его на деньги, тогда кто узнает, насколько я состоятельный человек. Это он сказал как бы в шутку, но все-таки его ответ был, по крайней мере, наполовину серьезным.

Место, где скирды стоят как под солнцепекем, так и под дождем, по-черемисски называется *идым*.⁷³ Его соответствием у нас является постройка рига с прилежащими к ней другими помещениями. Но у черемисов, по крайней мере у восточных, на этом месте —

⁷³ Выделено автором.

на току — обычно нет никакого сооружения. Молотьбу производят на земле, на твердом утоптанном месте. Когда в доме кончается обмолоченный хлеб, со скирды берут снопы, сушат их на открытом воздухе и молотят их на току деревянными молотильными цепями. Соринки и мякину отделяют от зерна, используя силу ветра, путем подбрасывания семян большими деревянными лопатами в воздух. После этого зерно высушивается либо в бане на колосниках, либо в печи избы на вогнутых досках. В некоторых местах на току построен соломенный навес для защиты от дождя; кроме того, на его торцевой стороне некоторые делают и сушильную баню — следовательно, имеется уже начало, хотя и скромное, для постройки риги. О том, что хлеб обмолачивают с помощью парового двигателя, черемис не имеет ни малейшего понятия, и он никогда не намолотит себе больше, чем ему нужно на данный момент.

Помимо земледелия, черемис содержит себя и скотоводством. Большинство из его домашних животных те же самые, что и у нас, и их держали уже в древности. Позже, благодаря влиянию тюрко-татарских народов, лошадь заняла позицию, которая выделяется особо. Конину употребляют в качестве пищи, а кобылье молоко считается лакомством, которое предлагают к чаю лучшим друзьям. Более того, лошадь — весьма подходящее жертвенное животное. Со стороны мусульман идет презрение к свиньям и свинине, которое встречается особенно у восточных черемисов. Кроме крупного скота, который каждое утро пастушеский рожок призывает к выходу на пастбище, черемисы держат много домашних птиц: гусей, уток, кур.

Так же, как и в земледелии, в животноводстве соблюдаются различные магические обряды, самое забавное из которых — способствование счастью овцы. В случае, если овцы размножаются плохо, хозяин ловит филина и затем приносит его в жертву на заднем дворе. На это мероприятие он приглашает группу мальчиков и девочек, которые вначале собираются в избе жертвователя. После того, как гостей угостили, они опускаются на колени и на четвереньках идут через двор вслед за хозяином и хозяйкой в закут. При этом все время, подобно овце, они блеют и мальчики как бы бодают девочек. Затем на скотном дворе разводят жертвенный костер, вокруг которого «овцы» проползают на четвереньках еще три раза. Старик, который мне рассказал об этом необычном ритуале, еще упомянул, что мальчиков должно быть заметно меньше девочек, «иначе в стаде овец будет слишком много баранов».

Говоря о промыслах черемисов, следует также упомянуть пчеловодство, которым они занимаются с древних времен. В дуплистом

На пасеке (Уржумский у.) — Mehiläisten hoitajia (Urzhumin piirikunta)

дереве или в ульях, которые могут быть повешены на деревья или поставлены на землю, черемис устраивает для своих пчел летнее жилище. Кроме меда, используемого вместо сахара при чаепитии, пчеловодство дает ему также желтый воск, из которого готовят свечи, необходимые при поминках усопших и при жертвоприношениях. Поэтому в черемисской молитве просят у богов, помимо успеха в скотоводстве и в выращивании зерновых, также и удачи в пчеловодстве.

В противоположность этому, самые старые промыслы, охота и рыболовство, вытеснены во многих местах практически полностью. Лишь сохранившиеся в некоторых местах луки, искусно обшитые берестой, и липовые колчаны напоминают о прошлом охотничьем промысле.

На черемисской свадьбе⁷⁴

Когда в черемисской деревне распространяется весть, что один из тамошних молодых людей, как говорится, «умыкнул себе девушку» — это считается радостным известием, поскольку означает, что в скором времени можно ожидать большое гуляние, празднование свадьбы.

Для нас, финнов, свадебные обряды народов Поволжья представляют особый интерес, потому что на их основе мы можем составить представление о том, как в прошлом наши праотцы и праматери, если выражаться романтическим стилем, «находили друг друга».

Чаще всего молодой черемис встречает свою любимую — и влюбляется — не в родной местности (считается как-то неприличным жениться на девушке из своей деревни), а за ее пределами — на пиршествах, на молениях с участием жителей многих деревень или на ярмарках. В былые времена, когда молодой человек влюблялся, было достаточно того, что он выяснял место жительства девушки и затем тайком умыкал ее. И все. Ход событий был простым, но за это можно было поплатиться жизнью. Сегодня вступление в брак не

⁷⁴ «Tsheremissihäissä. Matkakirjeitä 5.», газета «Uusi Aura» от 21 сентября 1913 г.

связано с таким риском. Однако старое название и старые обряды еще напоминают об обычаях прошлого. Сегодняшний способ женитьбы более точно можно охарактеризовать как «покупка девушки», чем «умыкание девушки». Согласно теперешнему обычаю, за невесту платят калым ее родителям. Его величина колеблется в пределах от 30 до 210 рублей — в зависимости от имущественного положения в округе, а также от работоспособности и бойкости девушки.

Тут это совершенно по-иному, чем в Финляндии, где девушка брачного возраста вовсе не источник дохода для своих родителей. Когда я рассказал, что у нас жених и полкопейки не платит за свою невесту, а скорее надеется на возможное приданое, было заметно, что представители родственного нам народа считали финских мужчин хитрыми. Однако, по мнению некоторых, это говорит о том, что мы недостаточно ценим женщин, а у некоторых по этой причине появились сомнения касательно красоты девушек в Финляндии.

Современный черемисский брак на самом деле является больше торгом, чем умыканием, потому что необходимо выяснить мнение родителей девушки, угощать их, и, если достигается согласие, выплачивать калым. И хотя в действительности умыкание было предшественником торга, их порядок в черемисских свадебных обрядах обратный. Только после заключения сделки жених идет на «разбойничий набег». В дорогу отправляются с таким расчетом, чтобы добраться в деревню невесты поздно вечером. Приехав в деревню на парной упряжке с старомодными дрожками, жених не заезжает сразу во двор своей любимой, а останавливается в одном из соседних домов, где находит себе помощника, задача которого — подкрасться к девушке и шепнуть ей на ухо, в чем дело. Та уже раньше других догадалась о положении вещей, быстро одевается и говорит родителям, что ее срочно вызывают в соседний дом. А все ее домашние делают вид, как будто находятся в полном неведении. Как только невеста доходит до места, где ее ждет жених, поднимается на дрожки, перешагнув ноги будущего мужа, — и обязательно с той стороны, на которой он сидит — и повозка немедленно трогается. Все это должно происходить в мгновение ока. И вот девушку увозят навсегда из отчего дома с таким сильным грохотом, что деревенские бабы на крыльце ахают.

Но их путь еще не ведет в дом жениха, для начала невесту доставляют в какую-нибудь из соседних деревень, где она скрывается до свадьбы, чтобы шить всевозможную одежду и платки-полотенца для свадьбы. Впоследствии туда же везут и все ее личные вещи.

Гости на свадьбе (Уржумский у.) — Hääväkeä (Urzhumin piirikunta)

Семья, на попечении которой оставляют невесту, является обычно родственной либо девушке, либо жениху. Хозяин и хозяйка этой семьи теперь стали для нее как бы приемными родителями.

Когда, наконец, все приготовления завершены и день свадьбы назначен, в один день утром жених приезжает к невесте. Она угощает его сладостями и дарит ему рубашку, штаны и носки, сшитые ее старательными руками в период ожидания свадьбы. Затем она провожает его в баню. После мытья в бане жених надевает на себя одежду, которую только что получил. К этому времени поспевают обед. Поев, жених едет к себе домой.

Тем временем в доме жениха начинают собираться гости. В первую очередь приходят все действующие лица торжества: «глава свадьбы», который наделен полномочиями руководителя церемо-

нии; «ходящий с розгой в руке», отвечающий за порядок на торжестве; и, кроме того, возглавляющий группу из 8–10 парней, которые приглашены на свадьбу петь и плясать; далее — тамада или кравчий, который распоряжается пивной чашей и стопками для вина, и официальные музыканты — барабанщик и волынщик. Еще нельзя не назвать свадебных женщин, которые одеты в зеленые кафтаны, а на голове у них красная суконная шапка, отороченная лисьим мехом. Но самым важным действующим лицом торжества является жрец, который приехал на свадьбу со своей женой. Кроме того, собралось большое число гостей.

У всех присутствующих торжественный вид, женщины расправляют свои роскошные наряды, начинается музыка и танец, человек с розгой отбивает такт своим орудием, на котором прикреплен звенящий бубенчик. Вот вперед вступает жрец. У него в руке острокопечная стрела. Он оборачивает ее наконечник расшитым шелком платком, какой носят женщины на свадьбе, и преподнесенным женихом серебряным кольцом прикрепляет платок к стреле. Затем жених подходит к краю пиршественного стола и стоит там, пока жрец, его жена — она несет в руках каравай хлеба и кусок масла — и «ходящий с розгой», следуя друг за другом, три раза обходят стол. После этого платок отдают одной из свадебных женщин; исполнитель обряда одевает себе на палец кольцо, а стрелу втыкают на стену, здесь она пробудет до очередной свадьбы в деревне. После этого серьезного обряда гостей угощают едой и напитками.

Праздник продолжается: «глава свадьбы» берет кожаную сумку, наполненную медовухой, бутылку вина и др. и отправляется угощать «приемных родителей», которые на пиршество не пришли. Через некоторое время за невестой отправляются и другие гости свадьбы. Однако принято, что они в дом сразу не входят. Вначале к хозяину идет «ходящий с розгой в руке» чтобы спросить, не время ли уже справлять свадьбу. Только при третьей попытке он добивается утвердительного ответа. Тогда все сопровождающие входят в избу, где начинается угощение. Однако в избе нет невесты. Она в одной из клетей или в летней кухне, где собралась молодежь, чтобы забавлять ее. Рядом с невестой сидит выбранная из числа родственников жениха девушка, которую называют «сидящая рядом». По другую сторону невесты расставлены ее вещи и рукоделия. Наконец, в клеть входят и главные действующие лица свадьбы. Первым туда направляется мужчина с розгой, который при переходе через двор подметает дорогу. Вслед за ним шагает жених, держа его за полы кафтана, затем одна из свадебных женщин с караваем в руках

Свадебное шествие (Уржумский у.) — Hääsaatto (Urzhumin piirikunta)

и хор парней. Теперь жених хватает невесту за руку, лицо которой одна из свадебных женщин закрыла тем платком, о котором упоминалось выше. Жених трижды пытается притянуть ее к себе, но она соизволит подняться только на третий раз. Затем все переходят обратно в избу, причем мужчина с розгами опять идет первым, подметая дорогу, за ним следуют жених, невеста и все гости. Тем временем в избе накрывают два стола; за один садятся женщины, невеста и «сидящая рядом», за другой — мужчины, которых угощает жених. По завершении трапезы «приемный родитель» сообщает, что наступило время отправляться во двор жениха. Когда гости расходятся, «приемный родитель» вручает невесте еще кошелек для проверки и говорит: коли собираешься стать хозяйкой, ты должна

уметь считать деньги. Девушка три раза считает деньги. Тогда и она готова к отъезду, выходит во двор, где ее ждут лошади в упряжке.

«Приемные родители» (невеста называет их матерью и отцом; настоящие же ее родители на свадьбе не участвуют), невеста и «сидящая рядом» — все садятся в одну повозку. В момент отправления невеста, стоя на повозке, держит в руке длинный платок, другой конец которого она бросает жениху, держащему лошадь под уздцы. Тот трижды пытается схватить его за конец и при последней попытке тащит платок к себе. Затем он повязывает его себе на шею и занимает место кучера торжественной упряжки, которая едет в свадебном шествии последней.

На подступах к деревне жениха или на каком-то повороте дороги шествие останавливается, все собираются возле повозки невесты; вначале жрец читает молитву, держа хлеб в руке, а потом ломает хлеб на куски и подает жениху, невесте и гостям. Приехав во двор дома, где проходят торжества, шествие объезжает двор до остановки лошадей еще три раза. Теперь мужчина с розгой расстилает рядом с повозкой невесты белый войлочный ковер, на который жених бросает монету. Лишь после того, как получено известие о том, что гостя желанна в качестве невестки и что хозяин и хозяйка обещали ей корову, девушка сходит с телеги.

При входе в избу мужчина с розгой опять подметает дорогу, а жених держит полы его кафтана. Теперь молодожены приветствуют родителей. Жених, невеста и «сидящая рядом» стоят на коленях, невеста дарит обоим родителям жениха сшитые ею рубахи, а каждому из приглашенных на свадьбу участников — по полотенцу. Также при раздаче подарков другим новобрачные стоят на коленях и заодно предлагают пиво из большой деревянной чаши. Выпив, гости кидают в нее монету. Более того, многие обещают сделать невесте ответный подарок — хозяйственные предметы, домашних животных и т.д. Опять накрывают два стола. Жених, невеста и «сидящая рядом» занимают места за женским столом — на нем в больших деревянных тарелках блины. Затем жрец произносит молитву, при этом участники торжества стоят, а жених, невеста и «сидящая рядом» сидят. После этого мужчина с розгой крестообразно разрезает уложенные один на другой блины на четыре части, из которых жениху полагается девять, невесте — семь, «сидящей рядом» — пять. Столько же четвертей получает он и сам. Когда жених и невеста едят, они трижды меняются друг с другом порциями блинов, съедая, в конечном счете, каждый ту часть из них, которую первоначально получил. После трапезы пляшут и поют до

Свадебные музыканты — Hääsoittajat

глубокой ночи, пока мужчина с розгой, наконец, не провожает молодоженов в клеть на ночлег. При этом он опять подметает дорожку перед молодыми.

В клетке невеста раздевает своего мужа: в свадебную ночь принято, чтобы жених сам не раздевался. Но невеста в постель еще не ложится. Скоро там появляется много веселых парней и девушек, которые развлекают новобрачных игрой и пением. Однако многие из них уже в шатком состоянии, еле-еле держатся на ногах, и деликатные свадебные песни, которые пели в избе, получают теперь более мутное содержание. По выражениям лиц, в которых ничего непристойного нет, можно судить, что для детей природы, воспринимающих все естественно, эти ночные песни не такие двусмысленные, как можно было бы думать по их словам. Наконец, в темной клетке сильные руки поднимают «сидящую рядом» вверх и внезапно кидают ее на брачное ложе к жениху. Немного пощупав ее, он буркает в ответ: уведите, она не моя! Опять слышны шум песни и топот танца. Затем вскоре «сидящая рядом» окажется снова на лету — и тот же самый трюк повторяют еще и в третий раз. Только когда невесту поднимают к жениху на ложе, он говорит «Она моя!» и молодежь уходит под звон орудия мужчины с розгой. Жених и невеста остаются вдвоем.

Однако долго спать в свадебную ночь не положено. Уже рано утром мужчина с розгой идет будить новобрачных. Осторожно ударив невесту по спине, он упрекает ее, говоря: «Ты не знаешь, что жена должна вставать на рассвете, чтобы заваривать чай и топить баню?».

Итак, со свадебной ночью девичья жизнь осталась позади, начались хлопоты и заботы хозяйки. «Сидящая рядом» помогает молодой жене в разных ее делах, знакомит ее с двором, показывает, где ручей и где поленницы. Всюду, куда молодая идет в первый раз, она жертвует монету духам этого дома для благополучия брака и хозяйства.

После бани (а каждый, кто принял баню, должен был бросать серебряную монету в чугунок) все собираются в избе на трапезу. Во время еды поют и играет музыка. В заключение совершается обряд, при котором ходящий с розгой мужчина с прикрепленным к розге свадебным платком три раза обходит стоящих рядом молодоженов. Потом он покрывает этим платком их головы. После этого невеста получает платок и, как жена, она должна носить его, по крайней мере, при всех торжествах. Жених же, в качестве символа хозяина, получает розгу. В дальнейшем ход совместного пребывания собравшихся на свадьбу людей не отличается от обыкновенного пиршества.

Сороковая ночь⁷⁵

Радость и смех, еда и питье, песня и танец, горе и слезы — все это заключено в сороковую ночь, т.е. в последнюю ночь, которую, по представлениям черемисов, покойник проводит в доме своих родных. Поэтому она и выделяется особо среди всех поминок, посвященных умершему человеку.

Черемис верит, что после смерти человек еще некоторое время живет в весьма тесной связи со своими родственниками: хотя он перешел на погост, где в его распоряжении имеется подземная изба с маленьким окном, тем не менее он тоскует по своей прежней жизни, то и дело посещает свой старый дом.

На протяжении этого периода никто не осмеливается трогать его вещи и его родные обязаны заботиться обо всех нуждах покойника. У черемисов это не только предание или выученная наизусть вера, а своеобразное чувство, корнями уходящее в сумерки глубокой древности. Тот, кто сомневается в этом, пусть войдет со мной в черемисский двор, в котором проводится поминальное торжество в честь покойного хозяина.

Приготовления к торжеству мы оставляем на попечение вдовы и баб, пришедших к ней на помощь, и отправимся с братом покойника на кладбище, чтобы пригласить умершего. Брат запрягает лучших лошадей в крытую повозку, берет с собой еду и питье и, когда солнце еще высоко, под звон бубенчиков едет на кладбище. Обряд должен быть таким же торжественным, как свадьба, и все умершие должны понять, за кем именно приехали в парной упряжке, чтобы отвезти на пиршество. Лошади останавливаются, съестные припасы кладут у могилы и напоминают усопшему, какие поминки проводятся сейчас. «Поднимайся, — говорит брат своему умершему брату, — смотри, что мы тебе привезли: водку и медовуху, хлеб, сыр и блины, поднимайся и принимай! Наступила сороковая ночь, отправляйся с нами в деревню. Дома для тебя зарезали овцу, вдова и дети ждут тебя, родственники желают встретиться с тобой. Мы приехали к тебе не просто так. Мы за тобой приехали, чтобы ехать на великий праздник». Сказав это, он выливает напиток и крошит пищу на могилу, часто повторяя слова: «ешь, пей!» Наконец, покойника

⁷⁵ «Neljäskymmenes yö.» Matkakirjeitä 6., газета «Uusi Aura» от 19 октября 1913 г.

Предание земле (Бирский у.) — Nautaanpano (Birskin piirikunta)

просят сесть на повозку, где для него постелен мягкий матрац. То ли покойник застеснялся, то ли смущается, потому что брат заверяет: «Ведь ты узнаешь меня, и телегу узнаешь, так и лошади твои». Распушив подушку, он говорит: «Сядь рядом со мной, вместе поедем домой!» Хотя сидячее место пустое, черемис уверен, что на нем сидит душа покойника. По пути брат многократно обращается к нему и разговаривает с ним.

Дома умершего встречает во дворе вдова, она стоит с детьми на коленях у крыльца. Перед ними с торжественным видом стоит один из исполнителей обряда, в руках у него хлеб, сыр и напиток. Он вежливо обращается к усопшему, называя его по имени, и добродушно просит его войти в избу. Вдова и дети со слезами на глазах

смотрят на возвратившихся с кладбища. Когда решат, что покойник уже сошел с телеги, подушку, о которой уже шла речь, заносят в избу и кладут в определенное место в задней части комнаты и предлагают ему сесть туда. На это место никто из живых не садится, а поблизости от него с потолка свисает вся одежда покойного, даже лапти. Указывая на них, вдова говорит: «Смотри, здесь твоя одежда, никто ее не носил, и мы ни одной вещи не потеряли». Для умершего кладут пищу и напиток и, когда полагают, что он уже наелся, мужики выходят с ним смотреть задний, скотный двор, скирды с хлебом и орудия труда — нередко с ним идут даже мыться в баню. Некоторые гости, родственники, живущие далеко, уже приехали, но проведение самого обряда начинается только после захода солнца.

К тому времени в доме собираются все родственники и друзья усопшего. Так же, как у нас в Финляндии, приглашенные гости приезжают на праздник с подарками: здесь по обычаю каждая семья приносит на поминки гостинцы — разного рода еду и напитки. На торжестве, посвященном умершему, это совершенно необходимо, прийти с пустыми руками абсолютно неприемлемо. Кроме еды, каждый гость приносит с собой также и самодельную восковую свечу, которую зажигают и вставляют в особую подставку. Там, в ее середине, горит берестяной факел высотой в один метр и толщиной в три свечи. Справа от него ряд свечек, посвященных тем родственникам покойного, которые умерли до него. На левую сторону каждый гость ставит в честь покойника по свече. Вместо тех свечек, которые догорели, постоянно вставляют новые. Когда смотришь на этих двигающихся при свете свечей людей, одетых по-праздничному, невозможно не ощущать особой торжественности атмосферы, царящей в избе. Вероятно, эти огни сороковой ночи производят на черемисских детей такое же глубокое впечатление, как свечи рождественской церковной службы на наших детей.

Объектом внимания всех присутствующих является невидимый гость. Каждый направляет свой взор к подушке, которая лежит под свечой на лавке у задней стены. Верят, что умерший сидит на той подушке. Женщины наперебой носят туда еду, все, что наготовили, — это для покойника. Однако живые без внимания никак не остаются. Поминки — это праздник, на котором обязательно обильно едят и пьют. Черемис верит, чем сытнее гости, тем сытнее и усопший, и чем веселее гости, тем веселее также и усопший. Специально для него поставлена посуда: для мяса и хлеба — корытце, для пива и водки — большая деревянная чаша. Каждый, кто идет

Приглашение умершего на поминки домой (Уржумский у.) —
Kuollutta kutsumassa (Urzhumin piirikunta)

есть, становится на колени возле места сидения покойного, кладет для него немного еды в посуду и говорит: «Ешь, ешь, ешь вдоволь!» При этом старики долго стоят на коленях, молятся о том, что у них на сердце: чтобы покойник защитил семью, оберегал скот от паде- ния в овраги и от диких зверей, помог выращивать хлеб, выгнал личинок с поля и мышей из амбара и т.д.

К полуночи, по крайней мере живые, наелись досыта. У всех веселое настроение, стопки из-под водки сплошь и рядом опусто- шаются, и в чашке умершего накопилось немало питья. Волюнку, которая до сих пор молчала под рубашкой ее владельца, достают и многие приглашают умершего танцевать. Никто не сидит на месте, возятся, крутятся. Усталые руки еле-еле могут зажигать и прикреп- лять новые свечи. Даже вдова и ее малолетние дети, самая младшая из которых качается в люльке, подвешенной к потолку, забыли на минуту о своем горе. Многие из стариков двигаются уже лишь по инерции, некоторые заснули по углам.

Но немало и тех, которые упорно бодрствуют. На миг прекра- щается танец и болтовня. Внимание людей обостряется, когда кто- то у двери восклицает: «Умерший идет!» Тогда в избу вступает му- жик небольшого роста и занимает место покойного. Вдова идет к нему, заключает его в объятия, старики здороваются с ним за руку и обращаются к нему по имени умершего. Согласно черемисскому обычаю, на поминках выбирают человека, который по росту и внеш- нему облику напоминает покойного. Ночью этот человек надевает на себя одежду умершего. Подобным образом он замещает умерше- го и после этого все внимание и добродушие сосредотачиваются исключительно на нем. Каждый желает всячески накормить и на- поить его, особенно напоить. «Умерший» советует, чтобы родные жили в согласии, избегали раздоров, усердно работали и развивали хозяйство. Со своей стороны, домочадцы просят, чтобы «умерший» защитил их.

Свечи одна за другой начинают постепенно угасать; только са- мая большая из них продолжает гореть. Со двора в избу входит один из стариков и начинает будить спящих со словами: «Вставай- те, светает, покойный желает идти на покой». Утомленные люди оживляются, потому что усопшего следует достойно проводить на кладбище. Но до этого проводится молитва; все опускаются на колени лицом к месту умершего. Затем один берет подставку со свечами, другой — корытце с пищей, третий — чашку с напитками, а женщины во главе с вдовой несут одежду покойника. Итак, все выходят во двор, первым идет «умерший». Со двора провожающие

выходят на улицу и идут в сторону кладбища. Женщины плачут в голос. Однако шествие не доходит до кладбища, оно останавлива- ется на одном из пригорков, куда бросают остатки свечей, также еду и питье. Здесь еще раз поминают покойника, желают, чтобы счастье сопутствовало ему на новом месте, советуют ужиться с та- мошними жителями и не возвращаться домой — во всяком случае, без приглашения. Кроме еды и напитков, при прощании умершему дают деревянную ложку и чашку. Однако их сразу там же и разби- вают, иначе покойник их не получит — так считают черемисы.

Остатки пищи на поляне съедают собаки, одежду покойного отдают малообеспеченным, и сидевший на месте умершего мужик переодевается в собственную одежду. Итак, покойному оказаны последние почести.

UNO HOLMBERGIN KIRJEET

Vuoden 1911 tutkimusmatka

- *Helsingistä – Moskovaan*
- *Moskovasta Kasaniin*
- *Volgalta Kaamalle*
- *Staraja Kirga*
- *Itäeurooppalainen maantie*
- *Tattarikylässä*
- *Uhrivuorella*
- *Votjaakkien häätapoja*
- *Votjaakkien vainajainpalveluksesta*

Vuoden 1913 tutkimusmatka

- *Tsheremissien luo*
- *Erisukuisten kansain kylissä*
- *Pyhäpäivä tsheremissikylässä*
- *Tsheremissien elinkeinoista*
- *Tsheremissihäissä*
- *“Neljäskymmenes yö”*

Vuoden 1911 tutkimusmatka

Helsingistä – Moskovaan¹

Tuntemattomat vaiheet ovat pirstoneet Suomen suvun, hajottaneet sen moniksi eri kansoiksi, siroittaneet ne etäälle toisistaan sinne tänne vieraiden kansallisuuksien keskuuteen, eri kulttuurivirtausten kosketukseen. Miten erilainen kohtalo onkaan ollut sukumme kansoilla! Ani harvat ovat päässeet kohoutumaan sivistyskansojen joukkoon. Muutamat ovat jääneet perin alhaiselle kehitystasolle, elävät miltei villi-ihmisten elämää. Jotkut ovat kokonaan sortuneet sukupuuttoon. Ja kuitenkin ne ovat samaa sukua, niillä on kerran ollut yhteinen alkukoti, samat esisät, sama uskonto, tavat ja kieli. Useat kielelliset yhtäläisyydet sekä monet pakanuudenaikuiset menot ja uskomukset ovat meidän päiviimme asti säilyneet muinaisen yhteisolon muistomerkkeinä. Näitä pyhiä heimositeitä eivät monivaiheiset vuosisadat eikä tuhatvirstaiset taipaleet ole voineet kokonaan katkoa. Yhteistä perintöä hyväkseen käyttäen voi vertaileva tiede loihtia esiin kuvan entisestä Esi-Suomen kulttuurista. Sen henkiseen puoleen perehtyäkseni olen matkalla Itä-Eurooppaan.

Helsingistä lähtiessäni ei sattunut vaunussa olemaan ketään tuttuja. Oli iltamyöhä istuin jonkun aikaa ajatuksiini vaipuneena, kunnes nukahdin junan yksitoikkoiseen jytinään. En tiedä miksi uneksin nukkuvani jossakin telttamajassa korkean, humisevan puun juurella. Aamulla kun heräsin oltiin raja-asemalla, missä tapahtui tullitarkastus ja muutama hetki sen jälkeen saapui juna Pietariin.

¹ Turun Sanomat, 20. huhtikuuta 1911.

Ei ollut aikaa viivähtää tämän maailmankaupungin hyörinässä. Ainoastaan muutama tunti oli käytettävänäni. Juoksin ostoksilla, kirjastossa ja muutamia tuttuja tervehtimässä. Pietarin kadut olivat aivan lumettomat. Ihmisjoukot vaelsivat Nevskillä yhtä kiireisin askelin kuin ennenkin. Omituista on syrjästä katsoa noita kirjavia ihmislaumoja. Yhä kulkevat ja kulkevat yötä ja päivää lakkaamattomana virtana. Kaikki kasvot ovat vieraita. Eurooppalaisten rinnalla näkee aasialaisiakin naamoja, komeita kaukaasialaisia, leveäkasvoisia kirgiisejä j. n. e. Kiinalaiset ovat kireiden valtiollisten suhteiden vuoksi kadonneet, kuten jaapanilaiset Japanin sodan aikana. Pietarilaista komeutta ja ylellisyyttä ei näe Suomen kaupungeissa. Eikä kurjuutta! Loisto ja lika on täällä kaikkialla rinnan. Vieläpä kerjäläisten puvussakin. Näin naisen, jolla oli päässään silmiin asti ulottuva, suuri, komea, koreasulkainen päähine, mutta ei ollut sukia jaloissaan. Joku ylhäinen rouva lienee lahjoittanut hattunsa, kun ehkä joku vielä uudenaikaisempi on häntä enempi miellyttänyt. Ja millaista on Pietarin palatsien ympärillä esikaupungeissa ja maaseudulla! Ei milloinkaan ole eroitus ihmiselämän ja ihmiselämän välillä niin pistänyt silmiini kuin viime syksynä tehdessäni Pietarista kansantieteellisiä keräysmatkoja kaupunkia ympäröivälle maaseudulle. Erääseen mökkiin syysmyöhällä yöpyessäni näin, miten puolialastomat ihmiset vetoisessa tuvassa, lattialla olevilla oljilla loikoen, pienen käryävän lampun sammuttua tuijottelivat taivaanrannalla olevaa kajastusta. Ihmettelin itsekin, revontuletko näkyvät? Ei, vaan Pietarin valot, matkaa oli päälle kuusi peninkulmaa. Tämän suurkaupungin valon ja sitä ympäröivän maaseudun pimeyden eroitus on päivän ja yön eroitus.

Vähitellen oli siirryttävä rautatieasemalle, sillä Pietarin Moskovan radalla vallitsevan vilkkaan liikkeen takia on toisinaan hyvin vaikea saada pilettiä, jollei sellaista ole edeltäpäin kaupunginasemalta hankkinut. Myöhään tulin sittekin, en päässyt aikomallani junalla. Seuraava lähti 1½ tuntia myöhemmin. Uteliaisuudella odotin millaisia seuralaisia tulisin saamaan vaunu-osastooni. Kaksi suuriturkkista herraa anastivat alimmat sijat. Toinen, jolla oli päässään venäläinen virkalakki alkoi puhella kanssani. Hän oli varsin tyytyväinen, etten tupakoinut. Tupakka turmelee ihmisen. Oli saanut tupakan savusta päänsä kipeäksi eräässä kahvilassa. Enin häntä harmitti, että naiset polttavat. Hän on itse täysin mallikelpoinen ihminen, ei juo viiniä, ei kahvia ei teetä, ei polta tupakkaa ja menee illalla varhain levolle. Kuitenkin hän oli kauheasti hermostunut.

Vielä oli neljäs sija vaunu-osastossa vapaana. Vasta viime hetkellä saapui eräs nuori herra henki kurkussa, kuten sanotaan. Hänestä olin saava seurakumppanin itselleni yli sijalle. Nuorukainen oli hienosti puettu, rillit nenällä, pienet käherretyt viikset, koruompeleilla neulottu samettiliivi ja hyvin hoidettujen hiuksien halki kulki jakaus suora ja sileä kuin Pietarin–Moskovan rautatie. Hän alkoi lukea saksalaista sanomalehteä.

Tuo normaali-ihminen teki ensiksi tuttavuutta hänen kanssaan: Eihän, herra, kuorsaa unissaan?

— En!

— Eikä puhu unissaan?

— Luultavasti en.

— On matkustavaisia, jotka sekä kuorsaavat, että puhuvat unissaan, ja siten häiritsevät kauheasti muita matkustavaisia.

Oltiin päästy puheen alkuun ja pian sain tietää, että viimeksi tullut nuori mies oli Tarton yliopistosta, luki jumaluusoppia, mutta ei ollut vielä ennättänyt päättää kurssiaan. Hän oli matkalla Moskovaan, jossa oli saarnaaja-apulaisena erällä vanhalla papilla. Hänen opintonsa kun eivät minullekaan olleet vieraita, oli meillä paljon puheenaihetta. Myöhään yöhön keskustelimme Tarton yliopistosta, saksalaisista jumaluusoppineista, vertailevasta uskontotieteestä j. n. e. kunnes tuo normaalimies huomautti, että on kerrassaan sopimatonta häiritä muiden matkustavaisten yörauhaa.

Seuraavana päivänä kun saavuimme Moskovaan, olimme jumaluusoppineen nuoren herran kanssa tulleet jo niin hyväksi tuttaviksi, että niinä parina päivänä, kuin viivyin kaupungissa oli minulla maksuton asunto Mikaelin kirkon kodikkaassa saksalaisessa pappilassa.

Miten suuri eroitus onkaan Pietarin ja Moskovan välillä! Pietarin suorat leveät kadut ja säännöllisesti rakennetut rakennukset tekevät länsieurooppalaisen vaikutuksen, jota vastoin Moskovassa, jossa kapeat kadut nousten ja laskien kiemurtelevat sinne ja tänne ja jossa rakennustyyli on sangen kirjava ja katu-elämä monivärinen, jo tuntuu Itä-Eurooppalainen tuulahdus. Moskova on aito venäläinen kaupunki. Sisämaan kaupan keskustana ollen näkee sen kaduilla silmänkantamattoman jonon rahtikuormia. Kauhean suurilla jyrisävillä vankkureilla kuljetetaan kaikenlaista kauppatavaraa kankaita, hedelmiä, teetä j. n. e. Paksukavioisten hevosten takkuisia karvoja koristavat kaikenlaiset kirjavat vyöt ja välkkyvät messinkirenkaat. Luokka, suuri, useasti

punaiseksi maalattu kiiltää auringossa komeana kuin taivaankaari. Sen kylkeen on kirjaeltu kaikkea, mitä omistajan kaupassa on myytävänä. Mustapartaiset ajurit polviin asti liejussa, mielihyvissään irvistelevät päivän paisteessa. Tämä todella tekee venäläisen vaikutuksen! Pääkaduilla, joiden varrella asuu Moskovan pohattakauppiaitten perheet, on jonkun verran siistempää. Vaikkakin Moskova on likainen, kuten aito venäläiset kaupungit ainakin, ei täällä tautien ole tapana vierailta, sillä Moskovassa on kuivan ilma ja vesi kirkas kuin kristalli.

Huolimatta siitä, että kaupunkiin tullessa ensin joutuu suuren kerjäläislauman saarrettavaksi, on Moskova rikas kaupunki. Kauppiasääty on osittain upporikas. Yksityiset henkilöt ovat tehneet kaupungille suurenmoisia lahjoituksia, rakentaneet komeita kirkkoja, kouluja, museoita, sairaaloita j. n. e.

Enimmän mieltäkiinnittäviä ovat Moskovassa tietenkin muinaisajan muistot, joista vanha muurien ympäröimä kaupungin osa n. k. kiinalaiskaupunki herättää huomiota ja kuuluisa Kreml, koko Venäjän kansan pyhiinvaelluspaikka. Siellä olevasta Iivana Suuren korkeasta kellotapulista voi matkailija saada yleiskatsauksen yli koko laajan kaupungin. Näyttää korkealta katsoen siltä kuin ei Moskovassa olisi muita rakennuksia kuin kirkkoja, niin lukematon joukko niitä on joka puolella. Tuskin mikään paikka maailmassa on siihen määrään, kuin tämä, uskonnolliseen tarkoitukseen pyhitetty. Miten juhlallista lieneekään venäläisen hurskaan mielestä kuulla kirkkaana pääsiäisaamuna Moskovan lukemattomien kirkonkellojen helinää, vielä kun muutamit niistä ovat niin suunnattoman suuria, ettei esi-isiemme kotarakennus niille olisi vetänyt vertoja. Pääkirkko on Uspenskin tuomiokirkko, jota vanhan tavan mukaan käytetään keisarien kruunauspaikkana.

Matkailija ei myöskään saa unohtaa käydä Moskovan monissa museoissa, joista varsinkin historiallinen ja kansatieteellinen on katsomisen arvoiset ynnä Tretjakovin maailmankuuluisat taulukokoelmat. Sitä paitsi ansaitsee huomiota kaupungin monet palatsit, suuremmoiset pasaasit, moniaat komeat kauppapuodit j. n. e. Viimeksi mainitut rakennukset ovat kuitenkin kaikki verrattain nuoria ja nykyaikaisia, sillä, kuten muistamme, oli Moskova 100 vuotta sitte tulimerenä. Asukkaat tietävät vielä osoittaa joen kohtaa, josta ranskalaiset ryntäsivät kaupunkiin ja mäkeä, josta Napoleonin kerrotaan katselleen kaupungin paloa. Ensi vuonna on venäläisillä suuri isänmaallinen juhla, jolloin pystytetään muistopatsas valtakunnan pelastumisen muistoksi.

Kaupungin henkisiin harrastuksiin ei voi parin päivän oloaikana perehtyä. Kuinenkin monet merkit osoittavat, ettei venäläisen tieteen ja taiteen kukinta Moskovassa ole pietarilaista kehnempi. Kouluja kaikenlaisia, poikia ja tyttöjä varten, näkee miltei kaikilla kaduilla. Mikäli voin päättää on keskisääty Venäjän kaupungeissa jotakuinkin koulutettu. Yliopistollisia rientoja ehkäisee suurella määrällä se seikka, ettei korkeakouluilla Venäjällä ole minkäänlaista itsehallintoa. Ylioppilaiden rinnalla istuu luentosaleissa santarmeja, jotka määräävät mistä aineista ja mihin suuntaan opettajat saavat esitelmöidä. No, ymmärtäähän sen, ettei tällainen menettelytapa tiedettä, joka ennen kaikkea kaipaa vapautta, edistä. Paitsi oppi- on Moskovassa lukemattoman paljon kaikenlaisia taide- ja ammattikouluja. Moskovalaiset kauppiat ovat tehneet isänmaalleen suuren palveluksen sillä, että ovat runsaasti varoillaan kannattaneet varattomien taiteilijain ja koululaisten harrastuksia.

Venäjällä on vahoista ajoista ollut kaksi kansanainesta, toinen on rutivanhoillinen ja toinen pyrkii kaikkialla uudenaikaisimpien aatteiden tasolle. Tämä juopa tuskin missään on niin syvä kuin Moskovassa. Täällä on vanha ja uusi kaikkialla toistensa vastakohtana, kuten tuossa kadulla vanhat kömpelöt venäläiset vankkurit ja hieno uudenaikainen automobiili, josta neitonen, varmaankin näyttelijätär, hypähtää pieneen rukouskappeliin ristimään rintansa ennenkuin hän astuu näyttämölle hurmaamaan ihmisiä. Moskovassa, jossa näin niin paljon, paljon vanhaa sekä tavoissa että puvuissa näin myös ensi kerran tuon paaville niin paljon mielipahaa tuottaneen muotihulluuden n. k. housuhameen.

Vielä sananen Moskovan suomalaisista. Kuka voisi uskoa, että täällä Venäjän sydämessä voisi tavata suomalaisia, jotka eivät ole täällä vain matkalaisia, vaan ovat syntyneet ja kasvaneet Moskovassa. Mikaelin kirkon pappilassa tulin tuntemaan eräitä. Sain kuulla, että täällä oli joku viikko sitte kuollut eräs vanha saksalainen pappi, joka Suomessa syntyneenä osasi suomenkieltä ja 24 vuoden oloaikanaan Moskovassa oli tullut suomalaisille varsin rakkaaksi. Hän oli auttanut köyhiä heidän toimeentulossa ja oli toimittanut heidän lapsensa saksalaiseen kouluun. Tapasin muutamia sellaisia nuorukaisia. Moskovassa syntyneinä ja kasvaneina oli kumma kuulla heidän puhuvan ihan selvää suomea. Muutamit olivat käyneet jonkun kerran isiensä maassa. Suomalaisten perheiden luku lienee noin satamäärä, monet ovat hyvin varakkaita, kaikenlaisia ammattimiehiä, kulta- ja kelloseppiä. Olin kutsuttu eräeseen perheeseen, jossa minua kestittiin kuin sukulaista. Vaikkakin perhekieli

on Suomi, tekee kaikki muu heidän kodeissaan venäläisen vaikutuksen. Eikä kumma olekaan venäläisten kesken asuessaan.

- Aikovatko vielä kerta muuttaa Suomeen?
- Tuskin tulee muuttoa, kun täällä kerta on toimeentulo.
- Entä lapset, jäävätkö hekin tänne ikiajoiksi muukalaisten joukkoon, kunnes vihdoin sulautuvat vieraaseen kansallisuuteen?
- Jumala sen tietää, mitä tekevät, olemme varoittaneet heitä unohtamasta isiensä kieltä.

Moskovasta Kasaniin²

Rautatie Moskovasta Kasaniin on yksityisen yhtiön. Junien kulku on hidasta, vähäpätöisimmilläänkin asemilla viivähdellään. Huomautin konduktöörille, eikö olisi syytä asettaa pikajuna näin pitkälle rataosalle. Hän mietti hetkisen, loi tiukan katseen naapukkalakkiini ja sanoi välinpitämättömästi: — Minne teillä on kiire nuori mies? Niin tosiaan! Jäin ajattelemaan hänen elämänviisauttaan ja aloin kotiutua junavaunussa. Täällä ovat muutkin kuin kotonaan, varsinkin pitkämatkalaiset. Kummakseni katselin, miten ihmiset olivat vapaita. Ukot tuolla paitahihassillaan tarinoiden juovat teetä pitkin päivää. Tuolla loikoo neitonen vatsallaan ja lukee romaania. Kengät hän on riisunut jaloistaan. Rouvashenkilö, jonka kohtalo on antanut minulle seurakumppaniksi, istuu päiväkaudet aamunutussaan, vähän väliä nukahtaen penkilleen. Kaikki ovat kuin saman perheen jäseniä. Miehillä ja naisilla ei ole edes eri makuuvaunua.

Olin onnellinen, että olin sattunut saamaan tämän rouvashenkilön — Natalia Nikolajevnan — matkaseurakseni, sillä Kasanista kotoisin ollen hän tiesi antaa paljon hyviä neuvoja asumukseen y. m. nähden vieraassa kaupungissa. Sitäpaitsi hän tarkasti suojeli tavaroitani pistäytyessäni silloin tällöin asemille nauttimaan hapantakaalia, paistettuja siansorkkia tai muita venäläisiä herkkuja. Täällä ei voi matkustaa yhtä huolettomasti kuin Suomessa, sillä tämän seudun ihmiset voivat helposti — tietysti erehdyksestä — poistua vaunusta toisen paketti tai matkalaukku

² Turun Sanomat, 29. huhtikuuta 1911. Kirjeeseen liittyvä valokuva on sivulla 66.

kädessään. Jollei ole tottunut ystävällisesti korjaamaan tällaisia erehdyksiä, voi helposti joutua puille paljaille.

Huomattuani, että olin päässyt suojelevien siipien suojaan, nukuin ensimmäisen yön Moskovon monista nähtävyyksistä väsyneenä niin sikeästi, että en olisi tuntenut, vaikka olisivat ottaneet minulta umpisuolen. Siksi on vaikea kertoa, mitä yöllä tapahtui. Aamulla, kun heräsin, huomasin ilokseni, että vielä olin samassa vaunussa ja että matkakapineet kaikki olivat tallella. Matkustajista oli moni yön aikana lähtenyt. Uusia naamoja oli joka puolella. Natalia Nikolajevna istui ikkunan pielessä kastellen vehnäleipää teelasiinsa. Vieressäni yli-sijalla nukkui tattari-ukko peitteenä kallisarvoiset turkit. Vaunun toisella sivulla istui hänen tyttärensä kasvoillaan tuuhea, musta harso, jalassaan punaiset, polviin asti ulottuvat saappaat, joiden varret olivat taitehikkaasti koruompeleilla kirjaellut. Harson läpi häämöttivät sievät, sopusuhtaiset kasvopiirteet ja suuret, ruskeat silmät. Tattarittaren kieltää uskonto näyttämästä vieraille kasvojaan.

Ukko alkoi hieroa unta silmistään. Näin hänen matkatamineistaan, että hän oli varakas mies. Kertoi olevansa kauppias. Hänellä oli haaraliike täällä jossakin radan varrella, pääkauppa oli Kasanissa, sitäpaitsi hänellä oli myymälä markkinaviikkojen aikana Nichni-Novgorodissa. Hän on kiinalaisen teen välittäjä.

Matkustajista, joista jo puolet ovat tattareja, huomaa lähestyvän Itä-Eurooppaa. Radan varrella on silmäkantamattomia lumisia tantereita. Harmaa taivaanranta hukkuu nietoksiin. Tuntikausiin ei näe puuta, kiveä eikä kumpua. Mikä ääretön lakeus! Tuolla on lumessa ikäänkuin musta rihma! Lähemmäksi tultua näkyy pitkä jono kuormahevosia. Minne pyrkii tämä karavaani? En saanut selkoa, oliko siinä maantie, vaiko vain lumeen tallattu tie. Miten suuri erotus onkaan mukavasti lämpimässä junavaunussa matkustamisen ja tuollaisen kylmän kyydin välillä. Ajatellessa niitä viimoja, jotka vinkuvat noilla aukeilla mailla, katselen entistä suuremmalla kunnioituksella tattari-naapurini komeata turkkia. Täällä on taivaan tuulilla tilaa tepastaa. Ymmärrän venäläisten kirjailijain lumimyrskykuvaukset: “viimat vinkuvat kuin villikissa, itkevät kuin lapsi, ulvovat kuin nälkäiset sudet.” Ymmärrän myöskin sen tunteen, joka valtaa matkamiehen eksyessään tieltä tuiskusäässä. Kerrotaan, ettei hän kuole kylmään eikä nälkään, vaan kauhuun. Aina vaan lunta ja lunta niin kauas kuin silmä kantaa. Luonnossa on vain kaksi väriä, jotka etäisyydessä yhtyvät: valkoinen maa ja harmaa taivas.

Tuolla on jokin musta pilkku tasangolla. Näkyy olevan jonkinlaisia asumuksia, niinkuin muurahaiskekoja suuri joukko yhdessä ryhmässä. Äärettömällä lakeudella, johon silmäni ei ole tottunut, näyttävät ne perin pieniltä. Ne ovat ihmisasuntoja. Sen voin päätätä kahdestakin syystä, muutamista keoista nousee sininen savu (yksikään nykyään elävistä eläimistä ei tunne tulen käyttöä), sitä paitsi kohoaa siellä patsas, joka kaikesta päätellen on kirkontorni. Millaiselta tuntuisi viettää talvea tuollaisessa kylässä? — Taas ei näe tasangolla muuta kuin lunta taivaan rantaan asti. Muutamat kylät ovat lähempänä rautatietä. Rakennusten seinä ei näe nietoksesta, ainoastaan keltaiset korkeat olkikatot. Mitä kansallisuutta niissä asuu on vaikea sanoa. Tuolla tavoin ovat varmaankin esi-isämme ennen muinoin asuneet. Kukin suku on muodostanut oman kylänsä. Silloisten elinkeinojen vuoksi oli pakko heimon elää hajallaan. Toisella kyläkunnalla ei ollut toiseen asiaa, paitsi kun lähdettiin sotaretkille tai käytiin neitosia ryöstämässä. Vihollisten hyökkäyksien varalta oli kylän asumukset yhdessä ryhmässä. Sitä paitsi oli ihmisten suojeltava itseään kaikenlaisilta pahanilkisiltä pedoilta.

Asemat, joille juna silloin tällöin uskollisesti pysähtyy, ovat enimmäkseen vähäpätöisiä ja tavallisesti sijaitsevat kaukana asutuilta seuduilta. Punertavan ruskeat seinät ovat täynnä kaikenlaisia kirjavia ilmoitustauluja. Yleisö asemasillalla on köyhää ja ryysyistä. Niin hyvin miehet kuin naiset ovat lampaannahkoihin puetut. Jaloissa heillä on tuohivirsut, muutamilla myös punertavat huopasaappaat. Herrasäätyisiä näkee vain isommilla asemilla. Tavallisesti ne ovat maan virkamiesperheitä. Miehillä on kaikennäköisiä uniformuja ja virkalakkeja. Naiset ovat puetut yleiseurooppalaiseen tapaan. Kaikilla heillä on pasliikat niskassa. Asemayleisöön kuuluu myös joukko raajarikkoisia kerjäläisiä, jotka piirittävät jokaisen matkustajan, joka asuu ylemmän luokan vaunuista. Useilla pienillä asemilla juna pysähtyy kauvan ja kuitenkin ei ole yhtään tulijoita. Ahkerat teen juojat täyttävät miltei joka pysäkillä teekannunsa kiehuvalle vedelle.

Aurinko alkaa laskea, taivas käy tummaksi kuin teräs, yhtäkkiä ilma jäähtyy, tuntuu yön viluinen viima. Onnellinen, kenellä on lämmin suoja, sillä tällaisina öinä ei lukuunottamatta tulta suitsevaa junaa näillä lakeuksilla kulje kukaan muu kuin kuolema.

Ennen puoliyötä pysähtyy juna erälle suurelle asemalle. Lähden katselemaan asemaa, sillä pysähdysaika on tunti ja viisi minuuttia. Äärettömän suuri ravintola on täynnä yleisöä. Mistä se on tullut, en

tiedä. Ainakaan junasta se ei ole tullut. Luultavasti ollaan asutuilla seuduilla. Pitkä pöytä on täynnä koreita pulloja, viinurit juoksevat kuin kilpa-ajossa ja korkit paukahtelevat toinen toistaan äänekkäämmin. Asematalo on suuri kivitalo. Siinä on kirjakauppa ja hieno parturisasi. Korkeiden peilien edessä istuu upseereja parta vaahdossa. Neitokset ravintolasalissa ovat puetut Pietarin tyyliin, korkean hatun alta näkee tuskin muuta kuin muutama tuuma kapeita kengän korkoja. Ryhdyn illastamaan ja odotan junan lähtöä.

Seuraavana yönä en nukkunut yhtä sikeästi kuin edellisenä. Heräsin usein asemilta tulevien meluun. Kuulin, kuinka Natalia Nikolajevna kaiken yötä taisteli matkustajatulokkaita vastaan, jotka yrittivät tunkea tavaroitaan meidän yhteisille sijoillemme. Monasti oli ottelu sangen kimakka. Tunnustan, etten itse olisi voinut pitää puoliani yhtä urhoollisesti kuin hän. Venäläisillä on tapana tuoda mikäli mahdollista kaiken matkatavaransa vaunuun, sillä pakaasimaksu on Venäjällä verrattain korkea. Vaunuissa kyllä onkin tilaa koko lailla, mutta kaikkien tavaraa on niihin mahdoton sijoittaa. Olen itse oppinut venäläistä laskutaitoa sen verran, että pidin edullisempänä Moskovassa antaa kantajalle ruplan, jotta hän "laillisesti" sijoittaisi tavarat vaunuosastooni, kuin että olisin mennyt maksamaan 4 ruplaa pakaasista, joista ehkä puolet olisivat matkalla "erehdyksistä" kadonneet.

Venäjällä ei ole ollenkaan kumma jos näkee koirien kävelevän vaunussa tai kuulee kukkojen kiekuvan toisen luokan hyllyltä. Mitä sitte mahtaakaan olla kotieläimiä kolmannessa luokassa!

Aamupuoleen yötä nukahdin. Herätessäni oli kirkas päivänpaiste. Maisemat olivat käyneet aaltoilevammiksi. Siellä täällä oli joen uomia ja muutamia kauniita metsäisiä kumpuja. Pääasiallisin puulaji näyttää olevan tammi. Ruskeat käpristyneet lehdet ovat vielä viime kesän muistoja. Astun vaunusillalle hengittämään raitista kevätilmaa. Eilen vielä oli talven tunnelma, mutta tänään on kevät kaikkialla ilmassa. On kuin joet jo odottaisivat jäiden lähtöä ja harmaat tammets lehtiään ja laululintuja. Hanget ovat kirkkaat, että silmiä huikaisee ja puiden varjot ovat syvät, siniset.

Tattarikukko tulee keskustelemaan kanssani. Hän on erittäin tiedonhaluinen. Suomesta hän on paljon kuullut puhuttavan, mutta hänellä ei kuitenkaan ole aivan selvä käsitys Suomesta. Muun muassa hän luulee, että Pohjois-Suomessa asuu samojeedeja.

— Onko suomalaiset hyviä kauppamiehiä?

Nyökäytän hänelle päätäni, sillä huomaan, että hän arvostelee kansaa yksin sen mukaan, miten taitava se on kaupanteossa.

— Minkä firman puolesta te matkustatte?

Vastaa hänelle, että firman nimi on Suomalais-ugrilainen Seura.

— Tekeekö se teekauppaa?

— Ei, tietääkseni!

Ikävä, sillä hän on puhtaan ja hyvän teen välittäjä.

Vähitellen tullaan eräälle asemalle, jolta on hankittava erityinen piletti Volgan yli matkustamista varten. Volgan yli ei näet ole rautatiesiltaa. Muutaman minuutin päästä pysähtyy juna. Matkustavat tavaroineen siirtyvät keltaisiin rekiin, jotka takaa ovat varsin leiveitä, mutta edestä kapeat kuin lumi-aura. Volgan yli ajavat ajurit kilpaa. Muutamilla on kaksi, muutamilla kolme hevosta valjaissa. Kymmenen minuutin kuluttua ollaan toisella rannalla, jossa uusi juna on valloitettava. Kukin kiirehtii etsimään itselleen ja tavaroilleen edullisimmat paikat. Muuten ei ole mitään kiirettä, sillä minulle tuntemattomasta syystä juna seisoo vielä puoli tuntia.

Katselen Volgaa jäisissä kahleissaan. Vangittunakin se herättää kunnioitusta, sillä nuo syvät rannat, jotka se on aalloillaan murtanut todistavat ääretöntä luonnon voimaa. Muutaman viikon päästä se purkaa jäänsä. Kasanissa olen tilaisuudessa katselemaan sen kevätvoimaa ja kuulemaan sen vapaudenlaulua.

Vähitellen alkaa juna jälleen pyöriä. Maisemat muuttuvat jonkun verran. Metsiä, asumuksia näkyy usein. Olemme siis jo sivuuttaneet nuo sanattomat lakeudet. Radan varrella olevat rakennukset kertovat korkeammasta viljelyksestä. Kulttuurikehto, joskin itä-eurooppalainen on yhä lähempänä. Suurissa, korkeissa ilmoitustauluissa on paitsi venäläisiä arapialaisiakin kirjaimia.

Natalia Nikolajevna, joka ei enää ole samassa vaunuosastossa, tulee jättämään jäähyväiset toivottaa menestystä opinnoilleni ja ilmoittaa, että muutaman minuutin kuluttua tämä junaelämä jo loppuu. Pian ajettiin yli Kasanin joen, jonka toisella rannalla on samanniminen kaupunki.

Volgalta Kaamalle³

Volga, jota Venäjän kansa kutsuu äidiksi, aaltoilee jo vapaana ja väljänä herättäen rannan eri sukuiset asukkaat ikäänkuin uuteen elämään. Jäiden lähdettyä on vesi vielä mutaista, vasen niittyrinta on kevättulvan peitossa ja veden pinnalla liikkuu puun juuria, ruohoja ja kaikenlaista roskaa, jota tuhatvirstainen virta Venäjän sydänsaloilta tuo mukanaan. Laivaliikenne Astrakaaniin on ollut käynnissä jo viikon verran, jota vastoin, Kaamalla kun jäiden lähtö on ollut hidasta, Permiin menevä höyrylaivamme tekee talven jälkeen vasta ensimmäisen matkansa.

Sijoitettuani matkatavarani nousen kannelle katselemaan satamassa kuhisevaa elämää. Ihmiset juoksevat ja huutavat, suuret kuormarattaat jyrisevät ja avoimet raitiovaunut kulettavat kaupungista rantaan yhä uutta kevätpukuista yleisöä. Jätetään jäähyväisiä, annetaan kukkia, itketään ja suudellaan. Oli kansa mikä hyvänsä, samanlaiset tunteet on sillä sydämessään. Laiturilla seisovat katselevat ikäänkuin kadehtien niitä, jotka matkalle lähtevät. Volgan kevätvedet herättävät sen rantojen kansoissa suuren matkustamisen kaihon.

Alus erkaneerannasta. Kasanin Kreml loistaa ilta-auringon valossa. Muhametinuskaiset tattarit keräytyvät laivan kannelle iltarukousta pitämään. Katselen heidän menojaan. He riisuvat päällyskengät jaloistaan, poistavat nenäliinan taskustaan ja levittävät jalkojensa alle kirjavan maton. He tahtovat esiintyä puhtaina Jumalansa edessä. Kaikilla on kasvot käännettyinä Mekkaa, muhamettilaisten pyhää kaupunkia kohti. Edempänä yksinään kumarteleo mies, jolla on valkoinen vaate pään ympäri kierretty. Se on merkinä siitä, että hän on kerta elämässään tehnyt pyhiinvaellusmatkan musulmannien pyhään kaupunkiin. Puoliääneen rukoillen arapialaista rukousta he väliin seisovat katsellen kämmeniään, väliin asettuvat polvilleen painaen silloin tällöin otsansa laivan kanteen. Kuulen heidän monta kertaa toistavan sanoja: Allah on Jumala ja Muhamet on hänen profeettansa.

Laiva, jossa matkustan, on suuri ja mukava, mutta rakenteeltaan vanhanaikainen. Mahtavat, kummallakin kyljellä kiertävät siipipyörät kulettavat sitä eteenpäin. Matkustajat väittävät, että tällainen alus on ainoa Venäjän virroilla mahdollinen, sillä monasti kulettaa vesi mukanaan

³ Turun Sanomat, 1. kesäkuuta 1911. Kirje on päivätty 10.5.1911.

suuret määrät hietaa, joten helposti muodostuu hyvinkin matalapohjaisia paikkoja. Volgassa sellaisia on lukematon paljous. Yhtäkkiä hiljenee vauhti, pysähdytään keskellä virtaa. Huomaan, että laivamme ottaa eräästä kaspialaisesta aluksesta naftaa, jota se käyttää polttoaineenaan.

Katselen ihastuksella volgalaisia kevätmaisemia. Matala niittyrinta, joka on veden vallassa, näyttää toisin paikoin laajenevan ikäänkuin suureksi järveksi. Pähkinä- ja pajupensaat kasvavat vedessä. Harvassa on sillä puolen asuttuja seutuja. Oikeanpuolinen vuorena kohoava ranta on sitä vastoin taajaan asuttu. Kylät ovat hyvinvoipia ja suuria, vaikka asumukset tuolla ylhäisellä joki-äyrällä näyttävät perin pieniltä. Tällä rannalla ovat myös useammat laiturit.

Ilta alkaa hämärtää. Kaukaisista kylistä tulet tuikkivat. Keitä niissä asuu? Näillä seuduilla on paljon eri sukuisia kansoja, tschuvasseja, tattareja, tscheremissejä, mordvalaisia. Osa Suomen sukua on näille etäisille rannoille sijoitettu. Mahdollisesti ovat meidänkin esi-isämme kerta täällä Maamme-laulunsa laulaneet. Miksi ovat siirtyneet näiltä viljavilta mailta Suomen suoperäisien metsien helmaan? Miksi eivät ole jääneet virittämään Juhannus-tuliaan Volgan lauhkeille rannoille? Tuijottelen myöhään yöhön hämärtyvästä ikkunasta. Kuinka mietinkin, tunnen kuitenkin, etten mitenkään voisi vaihtaa synnyinseutuani. Suomen valoisaa kesäyötä, johon lapsuudesta olen tottunut, ei täällä tunneta. Eikä näillä puuttomilla mailla ole Suomen metsien tenhoa.

Istun yksinäni. Kaikki ihmiset ovat vieraita. Kielet, joita laivassa kuulen ovat vieraita. Ainoa, jota hyvin ymmärrän on tuo yksitoikkoinen surunvoittoinen laulu, jota kansa laivanruumassa kaiken yötä laulaa. En tiedä, onko sävel tschuvassien, tattarien tai suomensukuisten kansain, tunnen vain, että vieraiden sanojen alla itkee sama ihmissydamen ikuinen ikävyyks.

Aamulla kun astun hytistäni, on virta jo toinen ja maisemat ovat jonkun verran muuttuneet. Ollaan Kaaman vesillä. Täälläkin on toinen ranta toista paljon korkeampi. Hietaäyrällä on sametinhieno vihertävä ruoho. Muutamin paikoin kasvaa harvassa kaunista mäntymetsää. Tuolla on rantahieta vyörynyt alas niin, että puiden juurakot ovat paljaat. Kaaman matala ranta on samoin kuin Volgan tykkänään tulvaveden vallassa. Tuolla on vedessä komea koivikko, jonka urvut punertavat päivänpaisteessa. Kuinka monta ihanaa kevätmaisemaa täällä olisikaan taiteilijan kuvata!

Tullaan Vjatka-joen haaraan, jossa vedet väljenevät ja Kaama tekee jyrkän käänteen. Oikeanpuolinen ranta käy yhä korkeammaksi. Toisin

paikoin rantarotkoissa loistaa vielä valkoinen lumi. Katselen rannan lukemattomia kalastajia. Miten keveästi heidän veneensä liikkuvat! Mahtavat olla kalarikkaat nämä Kaaman vedet. Tuolla kulkee suuret karjalaumat laitumella ja kuitenkin ei maassa vielä näy nimeksikään ruohoa.

Laivamme poikkeaa vain suurimmille laitureille. Ranta-yleisö katselee ihastuksella kevään ensimmäistä aurutta. He tietävät, että se tuo mukanaan kesän ja elämän. Talvella on näillä etäisillä mailla täydellinen hiljaisuus. Satamatyömiehet tuntevat suonissaan uuden veren kiertävän kantaissaan laivasta suuria teekääröjä, sitroonatynnyreitä, mehiläiskekoja j. n. e. Rannalla on rivissä pitkiä vilja-aittoja, joissa säilytetään kaupaksi olevaa viljaa. Volgan ja Kaaman rantojen silmäkantamattomat vainiot ovat nimittäin varsin viljavat. Maa on kivetön, tasainen, multa mustaa ja mehevää. Tämän seudun valkoiselle nisulle eivät edes Amerikan viljat vedä vertoja. Koko maailma tuntee näiden maiden vehnän maun. Muutamat rakennukset jokiäyrällä ovat puistoineen ja torneineen komeat kuin kuninkaan palatsi. Niissä asuu kesäisin Venäjän upporikkaita viljakuninkaita.

Jelabugaan saavuttua alkaa ilta jälleen hämärtää, sähkövalot sytytetään. Kaupungin tulet kuvastuvat Kaaman pintaan. Tuossa menee ohitsemme laiva, jonka punaiset ja vihertävät lyhyt pilkkopimeässä yössä näyttävät varsin somilta.

Olen löytänyt mielenkiintoisen puhekumppanin, nuoren lääkärin, joka kertoo seikkailuistaan Siperiassa. Muun muassa hän on asunut Obdorskissa ostjakkien keskuudessa ja tuntee paljon heidän pakanallisia menojaan. Hänen mielestään ei ole mitään maata ja valtakuntaa niin intressanttia kuin Venäjä. Täällä jos jossain on hänen mielestään kansatieteellä tutkittavaa. Siinä hän onkin oikeassa. Moittii länsi-eurooppalaisia tiedemiehiä siitä, etteivät tunne kansatieteelle niin tärkeää kieltä kuin venäjä. Istuimme myöhään yöhön ruokasalissa kiehuvan samovaarin ääressä.

Seuraavana aamuna sivuutamme Uralilta tulevan Kaaman sivujoen n. k. Valkoisen joen. Ilma ei ole enää yhtä leuto kuin edellisinä päivinä. Ufan puoleinen ranta on tuuhean metsän peitossa. Ilmassa tuntuu raitis havupuiden tuoksu. Suomesta lähdettyäni näen ensi kerran Venäjällä oikean metsän. Huomaan, että nuo silmäkantamattomat aukeat tasangot ovat jo ohitse ja metsäiset maisemat alkamassa, jotka jatkuvat yli Uralin ja peittävät suuren osan pohjoista Siperiaa.

Yhtäkkiä alkaa ankara sade. Tumman veden pinnalla vesi hyppii valkoisina helminä. Rannan harmaat kylät käyvät entistä harmaammiksi. Muutaman tunnin kuluttua paistaa jälleen aurinko. Iloitsen siitä, sillä seuraavalla laiturilla on minun noustava maihin ja alettava 80 virstainen maamatka.

Staraja Kirga⁴

Kylä on vanhanaikuinen votjaakkikylä pienen Bui joen rannalla. Toisella puolella jokea, jossa siellä täällä on venäläisiä uutisasutuksia, kohoo korkeita mäkiä, joita paikkakuntalaiset kutsuvat vuoriksi. Votjaakkikylän puolella sitä vastoin alkaa lakeus, ääretön, taivaan rantaan asti. Itäpuolella on kaksi tsheremissikylää, joiden komeat uhrilehdot opastavat tasangon taivaltajaa. Eteläpuolella asuu baskiirejä, joiden aulojen keskellä kohooa kapeat suippopäiset tornit, huipussa kullattu puolikuu. Ne ovat muhamettilaisia minareetteja.

Nykyään elävät nämä erisukuiset kansat sovussa keskenään, mutta entisinä aikoina oli yhtämittäisiä verisiä otteluja. Vanhimmat asukkaat täällä ovat baskiirit. Jo varhain saapuivat myöskin tsheremissit. Sitä vastoin votjaakit tulivat vasta n. 300 v. takaperin. Vanhukset tietävät kertoa lapsilleen tarinoita noista rauhattomista ajoista. Kun Vjatkan papisto väkipakolla yritti kääntää votjaakkeja kristinuskuun, pakeni osa ja piiloutui tänne silloisen tuuhean metsän suojaan. Että Permin läänin votjaakit todella ovat vjatkalaisia todistavat sekä sukunimet että puheenparsi. Tsheremissit olivat auttaneet heitä anastaessaan baskiirien maa-alueita.

Vaikkakin votjaakit silloin kunnialla selviytyivät ylivoimaisista vihollisistaan, eivät he kuitenkaan ole voineet vastustaa baskiirien muhamettilaista kulttuuria. Tosin ei ole heidän kylissään vielä metschetiä (tattarilaista kirkkoa) eikä mullaa (tattaril. pappia) eivätkä naiset vielä kulje kasvot peitossa, mutta monet merkit osoittavat, ettei sekään aika liene aivan kaukana. Venäläinen vastavaikutus sitä vastoin on vähäinen.

⁴ Turun Sanomat, 1. kesäkuuta 1911. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 73–74 ja 76–77.

Rakennukset, puvut, laulut ja tanssit ovat tattareilta lainattuja. Sitä paitsi huomaa kielessäkin ynnä monissa uskonnollisissa menoissa baskiirilaista vaikutusta. Venäläistä täällä on tuskin muu kuin raha ja viina. Muhamettilainen vaikutus on osaksi ollut eduksi sillä muselmanien monet puhdistussäännöt ovat opettaneet kansaa siisteyteen. Jokaisessa tuvassa on ovipielessä suuri vaskinen pesuastia, jossa tupaantulija viruttaa kätensä varsinkin ruualle ruvetessaan.

Kylä on rakennettu yhteen ryhmään. Rakennukset ovat rivissä kapeiden kujien kahden puolin. Pihoja ympäröivät olkikatsoiset ulkorakennukset ainoastaan kyläkujan puolella on korkea lauta-aita. Portti, jonka päällä on puinen katos, teljetään yöksi vahvoilla telkimillä. Päärivi, jonka pääty on kujaan päin, on osittain kaksikerroksinen. Kummassakin päässä on suuri tupa, joista toista käytetään vain juhlatilaisuuksissa vieraita kestitessä. Siellä riippuu katon reunasta kaikenvärisiä koreita kankaan kaistaleita. Peräseinällä on leveä laveri, jossa on paljon pehmeitä patjoja matkamiehen päänalaksi. Toisessa tuvassa asustaa talon väki. Sen alla on vielä alistupa, jossa on kaikenlaisia naisten työkaluja, värttinöitä ja kangaspuita. Siellä ollaan päivät pitkät työn touhussa. Alistuvassa asuu myös votjaakkien käsityksen mukaan talonhaltija (korka-murt), jolle sairauden sattuessa annetaan musta lammas uhriksi.

Ennen elivät votjaakit etupäässä kalastuksella ja metsästyksellä, nykyään on maanviljelyksellä etusija. Viljamaat ovat kylän ympärillä kolmessa ryhmässä, yksi on rukiilla, toisessa kasvaa kevätviljat, kolmas peltomaa on kesantona. Jokainen peltoryhmä on erikseen aidattu ja siinä on kullakin perheellä eri lohkonsa. Sitä paitsi on kylällä yhteinen karjan laidun, jossa karjat kulkevat yhteisen paimenen paimentamana. Siellä näkee suuret määrät pitkävillaisia lampaita, vuohia, lehmiä ja hevosia. Sikoja ei käytetä. Sekin tattarilaista vaikutusta! Hevosia on sitä vastoin varsin runsaasti. Hepo onkin täällä ehkä tärkein kotieläin, sillä paikkakunnan asukkailla on siitä sängen monipuolinen hyöty. Paitsi ajo- ja työjuhtana käytetään sitä metsästykseseen, sen liha nautitaan jokapäiväisenä ravintona ja sen maito kirnutaan voiksi, jolla parhaita vieraita kestitään. Sitä paitsi on hevonen jumalille otollinen uhrieläin. Votjaakki-ukko nauroi makeasti meidän makuamme kun väitin, että meikäläiset ihmiset pitävät lehmän lihaa hevosen lihaa maukkaampana. Kylän rikkaimmalla miehellä on 3 vaimoa, 8 lehmää ja 36 hevosta.

Paitsi suurta karjaa on votjaakeilla kanoja, hanhia, kalkkunoita ja kesyjä sorsia suuret joukot, jotka poikineen kuljeksivat kylän kadulla kurkoittaen kaulaansa vastaantulijoille. Sitäpaitsi harjoittavat

votjaakit ahkerasti mehiläishoitoa. Peltomaan laidassa olevaan pensaikkoon on mehiläisten asunnoksi asetettu puunrungosta koverrettuja kyynärän kokoisia pönttöjä. Votjaakit käyttävät mettä teen kera sokerin asemesta.

Kuten mainittu on Permin läänin votjaakkien puku täydellisesti tatarilainen. Miehillä on yllään pitkä kauhtana. Juhlahetkinä puku on valkoinen. Päässä on muhamettilainen tebetaika, jota ei huoneessakaan riisuta, jaloissa suuret niipuun kuoresta tehdyt virsut. Naisten puku on varsin kirjava. He rakastavat räikeitä värejä. Palmikkoon, joka vanhoillakin riippuu selässä, on kiinnitetty rahoja tai muita kiiltäviä helyjä. Samoin kuin miehillä on täysikasvuisilla naisilla aina päähine päässään. Varsinkin juhlatilaisuuksissa käyttävät naiset paljon kalliita koristuksia. Varakkailla on rinta suurten hopearahain ja helmien peitossa. Hopearahoilla, helmillä ja valkoisilla näkinkengillä, joita ripustetaan myös lasten vaatteisiin, vieläpä kehtoonkin, näyttää olevan suojeleva merkitys. Luultavasti onkin useita koristuksia alkujaan alettu käyttää taikauskaisista syistä.

Kansan sivistys on varsin alhaisella kannalla. Ainoastaan venäläisellä kauppiaalla on jokunen kirja, sanomalehteä ei tule kenellekään. Tuskin missään ovat votjaakit niin taikauskaisia kuin täällä. Pakanuus on kaikkialla täydessä karvassaan. Pyhissä puissa riippuu uhri-eläinten luita, joiden ympärillä korppiparvet rääkyen lentävät. Sellaista paikkaa votjaakki katselee pelonsekaisella kunnioituksella eikä sitä milloinkaan ilman uhria lähesty. Kylässä asuu neljä sukua. Kullakin suvulla on omat pyhät paikkansa.

Vierasta matkustajaa katsoo kansa kummeksien. Uskovat, että vieraalla ihmisellä on yliluonnollisia voimia. Varovaisesti sivuutetaan vieras. Ainoa tervehdyssana, jota kansa käyttää on: "mihinkä menet!" Eli toisin sanoen: "elä vaan meille mene!" Rukouksissaan he pyytävät, että jumalat varjelisivat heidän lapsiaan ja karjojaan vieraan silmiltä.

Saapuessani kylään oli vaikea saada yösijaa. Ei kukaan voinut käsittää, miksi minä oikeastaan tulin. Vaikea on sanoa, että tulin heitä ja heidän menojaan tutkimaan. Sanoin, että keisari on lähettänyt, sillä hän tahtoo tietää miten votjaakit asuvat. Vihdoin venäläisen kauppiaan avulla sain itselleni asunnon. Talo on varakas ja vanhin poika on "sivistynyt" ihminen, hän näet on ollut sotaväessä. Naapurissa on myös sivistynyt virsuntekijä, joka varsin usein tahtoo vierasta puhutella. Ensimmäinen väitti, että olen japanilainen vakooja, joka on miesvoimalla karkoitettava. Hän vaati minulta paperia, jossa olisi keisarin nimikir-

joitus. Itse hän kuitenkin ei osaa kirjoitusta lukea. Sanoi, että jos keisari olisi minut lähettänyt, olisi hän varmaan antanut mukaan pari henkivartiaa. Vihdoin sain hänet kuitenkin uskomaan, etten ollut japanilainen enkä vakooja ja niin meistä tuli hyvät ystävät. Vielä kolmannenkin sivistyneen ihmisen tulin tuntemaan, joka sotaväessä ollessaan oli palvellut Suomessa ja siitä osituksena näytti minulle penninrahaa sekä mustunutta, tyhjää tulitikkulaatikkoa, jossa oli suomalainen tehtaaleima.

Vähitellen aloin päästä kansan suosioon, niin ainakin itse arvelin. Kauppias varoitti minua luottamasta kansaan. Missä kuljin kerääntyi suuret joukot ihmisiä ympärilleni kysellen ja kummeksien. Koetin urkkia heiltä kaikenlaisia tarpeellisia tietoja. Selitin, että suomalaisilla ja votjaakeilla on ennen muinoin ollut sama kieli ja sama uskonto. Mainitsin heille muutamia kielellisiä yhtäläisyyksiä. Ja niin he luottamuksella kertoivat uskomuksiaan vähän väliä tiedustellen, uskotaanko Suomessakin niin. Tehdäänkö Suomessakin sadetta samoin kuin täällä? Täällä kerätään kuraa, heitetään seiniin, ikkuniin ja ihmisiin ja pian sen jälkeen tulee sade. Muutamilla on tapana myös jokirannassa kastella toinen toisiaan. Ei aina kuitenkaan tule sade. Onko ehkä suomalaisilla luotettavampia keinoja? Ja tehdäänkö Suomessakin tuulta viheltämällä? Paljon he tahtoivat kuulla Suomen votjaakeista. Asetaanko Suomessakin uhrieläinten nahat ja luut puihin?

Neitokset näyttivät koristuksiaan ja kyselivät Suomen neitosista. Onko heillä rinnassaan ehkä enempi rahoja, punaisia lasihelmiä ja valkoisia näkinkenkiä? Kuinka varhain Suomen neitokset menevät miehelle? Ryöstävätkö miehet Suomessa vaimonsa, vaiko rehellisesti maksavat heistä määrätyn summan morsiamen vanhemmille? Mitä Suomessa maksaa morsian? Täällä maksaa 40–50 ruplaa hyvä ja ahkera vaimo. Miksi ette tuoneet vaimoanne mukanne? — Kysymyksiä sinkosi joka puolelta. Uhripappi uteli, millaisessa puvussa kansa Suomessa kokoontuu kesäisiin uhrijuhliin. Onko Suomen uhripapilla päässään valkoinen lakki? J. n. e. Jokaisessa tuvassa puhuttiin Suomen votjaakeista.

Elämä tuntui mielenkiintoiselta. Kävin vieraisilla useissa votjaakkituvissa, kaikkialla kestitivät teellä ja valkoisella leivällä. Ukot antoivat minulle arvokkaita tietoja ja paljon uhrijuhlia oli odotettavissa. Mutta silloin kääntyi myötäinen onni. Keväiset päivät olivat kylmiä ja votjaakkien uhreista huolimatta ei kesää kuulunut. Eräänä yönä alkoi sataa lunta niin, että maa oli aivan valkoinen. Sellaista ei ollut sattunut kymmeneen vuosiin ja ukot olivat hämillään. Viisaat kokoontuivat

tuumimaan, mitä on tehtävä, missä on syy ja millainen uhri ehkä on tarpeen. Sain tietää, että useimpien mielestä syynä kesäiseen lumeen tuloon oli Suomen votjaakki, joka eräänä päivänä oli käynyt kaikissa pyhissä lehdoissa uhria antamatta. Vainajat ovat närkästyneet ja täten kovasti kostavat. Yksimielisesti päätettiin, että vieras on hetimiten karkoitettava.

Seuraavana päivänä saapui luokseni kaksi arvokkaan näköistä ukkoa ja pyysivät minua poistumaan kylästä, sillä viipymiseni voisi aiheuttaa votjaakeille uusia vitsauksia ja minulle itselleni kiihtyneen kansan vihat.

Itäeurooppalainen maantie⁵

Ei ole maantie täällä Ufan läänissä Suomen maantie. Tiepohja on tumma ja surullinen ei keltainen ja iloinen kuten Hämeessä. Ei ole telefoonipylväitä tienvierellä, eikä niiden langoilla laulavia pääskysiä; ei ole ojaa sen sivussa, ei ojan takana sammaltuneita kiviä eikä harmaata riukuaitaa. Kulje kuinka pitkälle tahansa, ei kukaan laske askeleitasi, ei koskaan kohoa tien poskessa valvovaa pylvästä, joka vakavana sinulle sanoo, niin ja niin paljon olet kulkenut ja niin ja niin paljon on vielä jäljellä. Täällä saat uskoa petollista kyytimiestä, joka sanoo, miten häntä haluttaa tietäessään joka virstapätkältä saavansa 6–8 kopekkaa.

Ja kuitenkin matkustaminen täällä tuntuu ensikertalaisesta mielenkiinnosta. Maisemat eivät juuri suurinkaan vaihtele, mutta kylät ja niiden asukkaat muuttuvat miltei joka tuntimatkan päästä. Aja kymmenen peninkulmaa, sillä matkalla kyytimiehesi puhuvat jo 6–7 eri kieltä.

Tuossa tulee vastaan pitkä jono kuormahevosia. Ajurit ovat puettuja pitkäkauhtanaiseen tataripukuun. Muutamat nukkuvat kuormallaan. Vankkureissa, jotka nostavat maasta melkoisen pölyn, on kaikissa paksut puu-akselit, joiden päät ovat vahvasti tervattuja. Varta vasten on jokaisen matkamiehen mukana tervapytty riippumassa. Hevosten kaviot ovat kengittä, sen huomion olen tehnyt jo ennen useat kerrat. Kyytimieheni votjaakki sanoo vastaanulijoiden olevan tsheremissejä ja

⁵ Turun Sanomat, 22. kesäkuuta 1911. Kirjeeseen liittyvä valokuva on sivulla 82.

puhuttelee heitä tatarin kielellä. Tattarien kieli täällä on yleisenä sivistyskielenä. Sanoo miesten menevän markkinoille hamppuja myymään, sillä ne ovat nykyään hinnassa.

Tsheremissejä ne todella olivat, tuolla on mäen alla tsheremissikylä. Kylän nähdessään nousee kyytimies seisaalleen ja karauttaa hevoset täyttä laukkaa mäkeä alas. Täällä ajavat kyytimiehet aina kylän läpi ääretöntä kyytiä. Luokkaan ripustetut suuret kulkuset kimajavat niin, että korvia särkee. Ajetaan yli sillan, joka on rakennettu aivan veden rajaan ja paksulta oljilla päällystetty. Kylän läpi kulkee leveä, sileä katu, jonka varrella olevat talot ovat tavallista siistemät ja kertovat matkailijalle, että kylässä asuu hyvinvoipaa väkeä. Jokaisen talon päätyyn on veistetty muhamettilainen puolikuu. Sitä käyttävät itäeurooppalaiset kansat amulettinaan, kuten länsieurooppalaiset ristiä. Pihoissa on pitkiä seipäitä, joiden nenissä on linnunpesiä. Siinä kaunis piirre seudun asukkaista, sillä näillä metsättömillä mailla ei lintuparoilla ole kunne laskea levähtämään, minne rakentaa pesänsä. Sen vuoksi ei täällä tapaa Suomen laululintuja. Yhtäkkiä pysähtyvät hevoset, raskas portti aukenee, ollaan tsheremissitalon pihalla.

Kulkusten äänet kuultuaan kiiruhtaa talon väki kuistille tulijaa kurkistelemaan. Isäntä puhuttelee kyytimiestä votjaakin kielellä ja saatuaan tietää, että vieras herra teetä juotuaan täällä aikoo vaihtaa hevosia, pyytää hän venäjän kielellä minua astumaan tupaan. Hän on kielitaitoinen mies tämä isäntä. Paitsi omaa kieltään hän haastaa votjaakkia, tataria ja venäjää. Olen pannut merkille, että missä votjaakit ja tsheremissit asuvat rinnan, puhuvat viimeksimainitut sujuvasti myös votjaakin kieltä, jota vastoin votjaakit osaavat vain harvoin tsheremissia. Se johtunee siitä, että tsheremissit yleensä ovat vilkkaita; votjaakit ovat hidasluntoisia. Votjaakit eivät silti aina ole tsheremissejä tuhempia. He punnitsevat asiaa useammalta puolelta kuin viimeksimainitut.

Maksan kyytimieheni ja astun tupaan. Emäntä pyytää minua istumaan perälaverille asetetulle koreaneuleiselle patjalle. Samovaari on kiehumassa, lattia on lakaistu, pöytä katettu ohukaisilla ja naiset ovat juhlapukimissa. Tänään on perjantai tsheremissien pyhäpäivä. Naiset näyttelivät kutomiaan kankaita ja neulomiaan ompeleita. Lapsella, työllä, nuorella vaimolla ja vanhalla eukolla on kuillakin oma kuosinsa. Miten paljon tsheremisseillä onkaan omia ompele- ja kangasmalleja, joita ei tapaa ympäri asuvilla kansoilla! Siinä todistus tsheremissien muinaisesta kulttuurista.

Pian on valjaissa hevoset, kaksi kaunista, valkoista, toisella on varsa vieressään. Varsan kaulassa on punainen lanka. Kyytimies selittää, että esiisillä oli tapana sitoa punainen lanka tai raudanpala nuoren elikon kaulaan suojaksi pahoja silmiä vastaan. Nykyinen polvi seuraa heidän esimerkkiään. Toista hevostaan kutsuu kyytimies kirgiisiksi, sanoo sen kirgiisiltä ostaneensa. Ajetaan hurautetaan kylän läpi. Talojen seinustalla istuu paljon koreapukuista yleisöä. Kylän sivulla tien vieressä on kauniilla paikalla hautausmaa. Koivun oksista riippuu punaraitaisia pyyhliniinoja, kuolleille omistettuja. Aidan vieressä, portin pielessä on kasa äsken kuolleen ruumisarkun latuja sekä puku- ja sänkyvaatteita. Tsheremisseillä on tapana kantaa kaikki, mikä on ollut kuolleen kosketuksessa hautumaalle. Muutamien hautojen ympäri on rakennettu puinen kehä.

Kaksi virstaa kylästä on viljavainioiden keskellä tuuhea metsikkö. Kysymättä arvaan, että se on tsheremissien pyhä lehto. Maantie kulkee aivan läheltä sen ohi. Puut ovat ijänikuisia paksuja tammia ja niinipuita. Muutamat ovat jo sortuneet maahan. Sieltä ei tsheremissi, oli puun puute miten suuri tahansa, tuo tikkua kotiin. Kyytimies kertoo, että joku vuosi takaperin eräs tattari oli alkanut yöllä puuta hakata, mutta muutaman iskun jälkeen hän kaatui kuoliaana maahan. Useiden puiden alla on nuotiotulen jälkiä, sellaisten puiden ympäri on kierretty veitsellä kirjaeltu niinipuinen uhrivyö. Vyössä kiiltää valkoinen tinaraha. Muutamissa korkeissa puissa riippuu yläöksissä uhrieläinten nahkoja, varsinkin hevosten. Päättä, kavioita ja häntää ei ole nahasta irroitettu. Lehdossa toimittavat tsheremissit suuria suku-uhreja kerta vuodessa kesällä. Useat lähikylät ottavat niihin osaa. Lehdon laidassa on kapea puro, josta nousee lentoon kolme joutsenta. Linnut ovat majesteetillisen komeita, valkoiset siivet välkkyvät päivän paisteessa. Silmäni ihailevat niiden lentoa, ne eivät ole menettäneet vapauttaan, kuten meikäläiset joutsenet, ne lentävät korkealle yli maantien, kohti aurinkoa. Joutsenia ei tšekäläinen kansa koskaan pyydystä. Se pitää niitä pyhinä lintuina.

Vankkurini vyöryvät yli mäen, tsheremissikylä uhrilehtoineen jää sen taakse. Pian ollaan notkon pohjassa ikäänkuin padassa, sillä joka puolella kohoaa korkeita kumpuloita. Tämä pata ei kuitenkaan ole mikään tavallinen paistinpannu, sillä sen pohjan läpimitta kuuluu olevan 8 virstaa. Laskeudutaan yhä alemmaksi. Notkon pohjassa on pähkinäpuinen viidakko. Tuolla tulee tietä myöten kolme ratsastajaa. Niillä on kullakin pyssyt selässä. Kyytimieheni selittää niiden olevan baskiireja. Sellaisia herroja ei ole hyvä kohdata ainakaan hämärän

aikana. Kyytimies karauttaa hevosensa lentoon, kaivan esille revolverin. Vähän matkan päähän meistä he pysähtyvät. Tumman ruskea naama, pikimusta parta ja lumivalkoiset hampaat kiiltävät. He katselevat tavaroitani ja puoliääneen haastelevat keskenään. Tunnen hiljaisen jännityksen sydämessäni, se kuitenkin pian karkkoaa nähdessäni, että joku matkustaja kolmivaljakolla ilmaantuu vastaiselle mäelle. Kysyn kyytimieheltä, keitä ne ovat nuo ratsastajat ja miksi niillä on pyssyt selässään. Hän naurahtaa ja sanoo niiden olevan metsästäjiä. Metsää ei kuitenkaan lukuunottamatta muutamia uhrilehtoja ole missään näkyvissä.

Ylemmille maille tultua näkyy jälleen edessämme avarat näköalat. Aukealla tasangolla on kolme baskiirikylää aivan lähellä toisiaan. Tie kulkee laajan laitumen poikki, jossa karjaa kaikenlaista kuljeksiä. Enimmäkseen on siinä hevosia ja lampaista. Lampaat ovat pitkävillaisia, valkoisia, varsinkin selkävillat ovat valkoisia kuin lumi. Niitä paimentaa nuorukainen, jolla on yllään pitkä valkoinen mekko ja kädessään piiska, varsi tuskin puolta kyynärää pitkä, mutta siima 3–4 syltä. Jokaisessa kylässä kohoaa minareetti, huipussa selällään oleva uusikuu, joka todistaa, että Muhametin oppi on täällä saavuttanut jalansijan. Sillan korvassa tuossa kirkon juurella on papin asunto pienessä puistossa. Vihreän portin päällä on kuun kuva. Kysyn kyytimieheltä, missä yliopistossa tämän seudun papit päättävät opintonsa, ja saan tietää, että heidän sivistyksensä on ainoastaan se oppimäärä, jonka he omaksuvat kylän kolmivuotisessa koulussa. Kaikissa kolmessa kylässä ovat kirkot samaan tyyliin rakennetut, kapeat ruohonvihreät tornit kohoavat kirkon keskeltä, alttarin puoli on aina etelään päin.

Äärimmäisessä kylässä aijon yöpyä. Ei haluta lähteä kylättömälle taipaleelle yön selkään. Aurinko ei tosin vielä ole laskenut, mutta heti kun laskee, yllättää pimeys, sillä täällä ei ole Suomen valoisaa kesäyötä eikä edes hämärää iltapuhdetta. Käsken kyytimiehen etsimään itselleni yösijan ja hän tietääkin sellaisen ehdottaa. Kohta olen kapineineni avarassa baskiirituvassa.

Tattarikylässä⁶

Tänään on markkinat ja kansaa kaikenlaista on kokoontunut tattarikylään. Avaran kadun laidassa on kauppapelttoja, joiden kylteissä prameilee räikein värein suuria arabialaisia kirjaimia. Missä on teetä ja sokeria myytävänä, missä lankoja ja naisten koristuksia, missä kankaita ja niinivirsuja, kuka ostaa kuormittain hamppuja kulettaakseen niitä jälleen suuremmille markkinoille. Joka kojussa on elämää ja kiirettä, tingitään ja torutaan. Kaikkialla kiiltää kuparinkarvaisia kasvoja, hiki juoksee pitkin miesten puhtaaksi ajettua päälakea ja likainen tiubeteikka on kuin veteen kasteltu.

Äärimmäisenä kadun kulmassa on leipurin koju. Siellä on rinkelinauhoja, punaisilla koristuksilla päällystettyjä valkoisia leivoksia, tavattoman paksuja kakkuja ja kaikkea muuta maallista hyvyttä, joka on omiaan nostamaan veden matkamiehen kielelle.

Kojun edessä seisoo rivi hymyileviä neitoseja. Pääliinan alta, joka on syvään silmille vedetty ja sivukulmista leuvan alle sidottu, näkyvät kapeat valkoiseksi puuteroidut kasvot. Hameet, jotka ulottuvat polviin asti ja joihin on kudottu liljojen ja ruusujen ja tulikukkien kuvioita, heiluvat tulessa. Ne ovat tattarikaunottaria, jotka ilkkuen tirkistelevät, mitenkä kauppaa tekevä poikanen hermostuneena taistelee herkeämättä kymmeniä kyyhkysii ja satojatuhansia karpäsiä vastaan, jotka maksutta tahtovat anastaa hänen omaisuutensa.

Ilma on rasittavan helteinen. Aurinko paahtaa kuin sulatusuuni. Sen säteet putoilevat kuumen tuhan tavalla kadulla hyöriviin ihmisiin, telegoihin ja kuormavankkureihin, jotka joka puolelta kulkijan piirittävät. Silloin tällöin tulee tuulenvihuri, joka vinhasti kiertäen nostaa maasta tummaa hiekkaa kapeana patsaana satojen metrien korkeuteen.

Turhaan ei ole tässä kylässä markkinoita pidetty. Rakennukset ovat tavallista uhkeammat, varsinkin tuo tuossa, jossa on komea portti, auringonkukkaveistoksilla kirajeltu, ja jonka pihalla on paljon miehiä ja hevosia. Kuuluu olevan pohattakauppiaan talo. Päärakennus on kaksikerroksinen, alemman kerroksen kadulle päin oleva seinä on ilman ikkunia ja ylemmässäkin osastossa ovat ne keltaisilla uutimilla verhotut. Tarkoitus on suojella kotia vieraan silmiltä, varsinkin vaimonsa

⁶ Turun Sanomat, 16. heinäkuuta 1911.

pitää tattari yksinomaisena kalleutenaan, jota ei perheväkeen kuulumatomille näytetä. Siksi eivät naiset yleensä ota osaa ulkotöihin. He istuvat kammioissaan koreilla patjoilla ja neulovat itselleen alati uusia pukuja isäntäänsä hurmataakseen.

Kuulen väkijoukosta jonkinlaista soittoa ja näen ihmeekseni pienen gramofoonin, jossa on äärettömän pitkä, vihreä torvi. Kauppias on hyvällä tuulella ja huvittelee kansaa. Suuria ja pieniä tunkeutuu kuuntelemaan soittoa seisten suut auki, päättään puistaen tahtomatta uskoa korviaan. Kone kaikesta päättään tekee täällä ensimmäistä voittokulkuaan. Sävel on tattarilainen tanssi, kuuluu rummutusta ja kimakkaita vihellyksiä. Kaksi poikaa alkaa pihalla tanssia tahdin mukaan. Kätet lanteilla he asettuvat vastatusten tömistäen maata jaloillaan, vähän päästä he kyljetysten sivuuttavat toisensa iloisesti hihkuen. Tattareilla kuuluu hyvään tapaan, että ainoastaan miehet tanssivat. Kaikessa, ihmisissä ja asunnoissa, tanssissa ja soitossa on outo, itämainen leima.

Astun kadun yli, sillä mullah muhamettilainen pappi pyytää minua luokseen. Olen kerta ennenkin ollut hänen luonaan. Hän onkin ainoa tuttavani tässä kylässä. Tuolla hän seisoo kuistilla ja hymyilee nojautuen pitkään vihreään sauvaan. Hänellä on yllään vaaleasta miltei harsomaisesta kankaasta tehty vilpoisa mekko ja jaloissaan äärettömän avarat valkoiset hamemaiset housut. Niiden rinnalla amerikkalaiset kapeat hamehousut ovat todella muotihulluus. Päässään hänellä on arvonsa mukainen päähine n. k. tschalma, pitkä, kapea, moninkerroin kierretty valkoinen liina.

Hän tervehtii minua ystävällisesti tarttuen tarjoamaani käteen molemmin käsin, johdattaa minut kapeita portaita myöten ylistupaan, heittää lattialla oleville matoille paksun pehmeän tyynyn ja vaatii vierasta istumaan. Samassa hän juoksee alistupaan hommaamaan samovaaria. Huoneessa ei ole yhtään pöytää eikä tuolia. Näen avoimesta ovesta toisesta tuvasta tattarittarien uteliaina kurkistelevan. Yleisen tavan mukaan ne eivät tule vierasta tervehtimään. Ne ovat tämän tattaripapin vaimoja. Jo viime kerralla käydessäni tulin tietämään ettei ystävänäni, joka kaikesta päätellen on varakas mies, ole halveksinut pyhän oppikirjansa koraanin lausetta: "valitkoon kukin itselleen aviovaimoja naisista, jotka häntä miellyttävät kaksi, kolme eli neljä". Aviovaimoja saattaa siis olla ainoastaan neljä, mutta jalkavaimoja miten suuri luku hyvänsä. Kuinka erilainen onkaan ihmislasten kohtalo! Naapurikylässä valittaa venäläinen pappi, että hänen armaansa kuoli jo

muutamien kuherruskuukausien jälkeen eikä hän uskontonsa mukaan enää milloinkaan saa mennä naimisiin. Ja mies on vielä parhaissa voimissaan. Tekisi mieleni ehdottaa, että tämä tattaripappi antaisi venäläiselle yhden kolmesta vaimostaan. Luultavasti ei hän sitä kuitenkaan tekisi, päinvastoin näyttää siltä, kuin hän vielä aikoi lisätä perhettään. Nuorin vaimoista, jolla riippuu korvissa suuret hopeaiset uudenkuun muotoiset korvarenkaat, on varsin viehättävä. Mullah sanoo hänestä maksaneensa 320 ruplaa. Vanhin naisista, jolla on mustaksi maalatut hampaat, on kovin paksu ja pöhöttynyt, eikä keskimäinenkään ole varsin puoleensa vetävä.

Mullah heittää täkin tapaisen maton eteeni lattialle ja pian tulee hän jälleen hikipäässä touhuten kantaen käsissään suurta samovaaria, jonka hän asettaa matolle. Saatuaan kaikki kuntoon istuu hän mukavasti lattialle jalkojensa päälle kuten räätäli pöydällään. Keskustellaan markkinoista, pitkästä poudasta ja muhamettilaisten uskonnollisista menoista ja käsityksistä. Vähänväliä palaa mullah ylistämään uutta asuntoaan, jonka hän muutama kuukausi sitte on saanut valmiiksi:

— Eikö se kaikin puolin ole ajan mukainen?

Nyökäytän hänelle päätäni ja hän yhä enemmän sitä ylistää. Eivät olisi ymmärtäneet rakentaa, jollei hän itse olisi antanut tarkkoja ohjeita. Tämä tässä on hänen työhuoneensa. Se on valoisa, siinä on kolmella seinällä pieniä ikkunoita. Etelään päin olevien ikkunain eteen on lattiaan tehty kohoke, jossa on päälikkäin eri värisiä mattoja. Siinä mullah “työskentelee” s. o. rukoilee 5 kertaa päivässä.

Kysyn häneltä, saako muhametinuskoinen rukoilla jumalaltaan, mitä asioita tahansa. Hän hymyilee tyhmää kysymystäni:

— Ei tietenkään! Maallisia asioita, kuten elannon huolia, ei sovi ottaa puheeksi. Sitä paitsi kaikki rukoukset ovat valmiita profeetan ajoilta, mitään tilapäisiä rukouksia ei ole.

Ymmärtääkö kansa arabialaisia sanoja, joita se rukouksissaan hokee?

— Luonnollisesti ei, eikä ole tarvis ymmärtää.

Saavatko naiset milloinkaan rukoilla?

— Hän nauraa makeasti, että vatsa keikkuu hänen sylissänsä, iskee silmää, vaihtuu vakavaksi ja sanoo ettei nainen ole luotu niin pyhää tarkoitusta kuin rukoilemista varten.

Hän kaataa teetä leveäpohjaisiin kuppeihin ja alkaa jälleen ylistää asuntoaan. Nurkassa on kaivonkehän tapainen kohoke, jonka keskellä

on suuri ympyräinen reikä. Nähdessään, että sitä kummastelen, alkaa mullah selittää, mitä varten se on olemassa. Sen sisässä on vettä ja siinä hän pesee jalkansa joka kerta kun ryhtyy rukoukseen. Toisessa nurkassa on tavattoman suuri messinkinen pesuastia. Se on käsien pesua varten. Käsiä ja jalkoja varten ei saa käyttää samaa astiaa eikä pyyhlinliinaa, sillä siinä tapauksessa rukous olisi arvoton. Mitään jumala ei muhametinuskoisilta niin vaadi kuin, että jumalanpalveluksessa noudattavat määrättyä järjestystä.

Yhdellä seinällä on muutamia moskeain kuvia sekä Mekkan musta pyhä kivi. Mullah selittää, että kivi oli alkujaan valkoinen silloin, kun jumala heitti sen paratiisista maan päälle. Sen jälkeen on se vähitellen aikojen kuluessa mustunut syntisten ihmisten suudelmista. Jokaisen Mekkaan vaeltavan on sitä suudeltava, silloin synnit siirtyvät ihmisestä kiveen ja jumala ei siitä päivin niitä hänelle lue. Pyhiinvaeltajat kertovat Mekkan kivistä ihmeellisiä asioita, muun muassa he väittävät, ettei kivi ole maassa, vaan näkymättömät kädet pitävät sitä ilmassa maanpinnan yläpuolella. Sellaisena on se taulussakin kuvattuna. Maa ja taivas ja tähdet häviävät kerta, vakuuttaa mullah, mutta Mekkan pyhä kivi ei koskaan häviä.

Mitään muuta puheenaihetta antavaa ei huoneessa ole lukuun ottamatta korkeaa kasaa pehmeitä patjoja ja polstareita eräällä sivuseinällä, jotka yöksi levitetään lattialle sekä suurta lapsilaumaa, joka likaisin naamoin sormet suussa seisoo ovipielessä.

Yhtäkkiä hypähtää mullah pystyyn ja kysyy, olenko halukas näkemään hänen metsheettiään, tattarilaista kirkkoa. Hän poistuu hetkeksi ja palaa pian suuri avainnippu kainalossaan. Astumme pienen puron yli, jonka toisella rannalla on tattarikylän pyhättö. Etehisessä on kengät riisuttavat, sillä maasta tullut pöly saastuttaa temppelein. Nainen ei missään tapauksessa saa pyhättöön astua. Nousemme korkeita portaita ja astumme avaraani saliin. Metsheetti ei missään suhteessa eroa niistä, joita ennen olen ollut tilaisuudessa näkemään. Lattialla on punainen kapea matto, joka kulkee ovesta perälle asti. Tattarilaisessa pyhäkössä ei ole suurinkaan nähtävää, siellä ei ole minkäänlaisia kuvia, eikä symbooleja lukuunottamatta tornin huipussa olevaa uudenkuun kuvaa. Kun kansa perjantaina, tattarien pyhänä päivänä, saapuu rukoilemaan tuo kukin rukousmattonsa mukanaan, jonka hän pyhän toimituksen ajaksi levittää lattialle jalkainsa alle.

Pääasiallisin osa jumalanpalveluksesta on pesut ja rukous ynnä vuosittainen yhden kuukauden paasto, jota muhamettilainen hurskas

tarkoin noudattaa. Se sattuu joka 13 kuunkerros ja vaihtelee siis vuosittain. Tänä vuonna se kuuluu olevan elokuun tiennoissa. Koko kuukauden aikana, jota muhammettilaiset kutsuvat “ramazan”, ei syödä eikä juoda auringon ollessa taivaalla. Ainoastaan yöllä voidaan nauttia ravintoa. Kuumien kesän aikana on mainitun paaston noudattaminen varsin tuskallista, ymmärtäähän sen, kun esim. pellollaan ahertava työmies ei saa nauttia vesipisaraa väsyneen ruumiinsa virkistykseksi. Ramazan paaston päätyttyä onkin muhammetinuskoisilla suurin ja iloisin juhlaansa. Muita vuotuisia uskonnollisia juhlapäiviä on ainoastaan ani harvoin, tuskin ollenkaan.

Sitä vastoin maanviljelys- ynnä muita maallisia juhlia on varsin runsaasti. Sellaisina päivinä ymmärtävät tatarit huvitteleida, sillä he ovat älykäästä, iloista ja vierasvaraista kansaa.

Uhrivuorella⁷

Eivät ole olleet ilman makua ne votjaakki-isät, jotka tälle vuorelle ovat uhrilehtonsa laatineet. Pyhättö tosin itsessään ei suurinkaan eroa votjaakkien muista pyhistä metsiköistä: vanhuuttaan kallistunut kapea portti, puoleksi lahonnut puinen aitaus ja sen sisässä iänikuisia tammia ja niinipuita, joista muutamia syysmyrskyt ovat rajusti runnelleet — sellainen itse pyhättö, mutta näköalat sieltä kerrassaan verrattomat.

Vuori on korkeakumpuinen, kivetön ja uhrilehtoa lukuunottamatta puuton hiekkaharjanne, johon sinne tänne on muodostunut syviä halkeamia. Rinteillä kasvaa harva, hieno vaaleanvihreä ruohonurmi, alempana on tuuheata pähkinäpensaikkaa, jossa mehiläiskuningattaret kaitsevat satojatuhansia alamaisiaan. Puron takana vuoren eteläpuolella näkyy kellertävien ruisvainioiden ja sinikukkaisten niittyjen keskellä kyläpahasia, runonkauniita pakanallisia votjaakkikyliä, joiden asujamet uuvuttavan kesantokynnön jälkeen — päivänpaisteessa on ollut yli 50°C — ovat kylpeytyneet ja valmistuneet vastaanottamaan suven suurinta, monen kylän yhteistä uhr juhlaa.

⁷ Turun Sanomat, 29. heinäkuuta 1911. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 89, 91–93, 95 ja 97.

Pitkin kapeita kiemurtelevia vuoripolkuja astuu ukkoja päät kumarassa. Heidän vakava katseensa ja hopeaiset suortuvansa todistavat, etteivät he ensi kertaa näitä pyhiä polkuja pole. Kaikesta päätellen ovat he pyhän paikan vartioita tai jumalanpalveluksen toimittajia, veden tuojia, kattilan kantajia j. n. e. Kullakin ukolla on oma määrätty erikoinen tehtävänsä. Silmäni seuraa uteliaana heidän kulkuaan. Pyhän lehdon portilla he pysähtyvät.

Kummallista, oli ihmislasten uskonnoilla miten erilaiset muodot tahansa, yhteistä niille kaikille on hartauden tunne, jonka ne uskovissaan herättävät. Arvelen, ettei Atenan ja Rooman taitehikkaat temppelit, Indian pagodit, musulmanien komeat moskeat tai katooolilaisten tuomiokirkot kaikkine kalliine aarteineen voi herättää käviöissään sen syvempiä uskonnollisia tunteita kuin tämä koruton lehto, jossa ei ole kultaa eikä hopeaa, ei marmorina eikä norsunluuta, vaan vanhat, värisevät puut paljaan taivaan alla vuoren korkealla huipulla.

Uhrilehtoon astuttuaan ukot tekevät tulen. Eläimet sidotaan pyhiin puihin vartavasten punotulla valkoisella niiniköydellä, jota ei sitä ennen eikä sen erän perästä muuhun tarkoitukseen käytetä. Puiden oksiin ripustetaan punaraitaisia pyyhinliinoja käsien puhdistamista varten, sillä jokaisen pyhän toimituksen edellä on kädet pestävät. Nämät puhdistus-seremoniat ovat votjaakit aivan varmaan naapureiltaan tattareilta oppineet. Vanhemman ajan muistoja sitä vastoin lienee tuo riepu, joka riippuu uhritulon ääreen tehdyssä telineessä ja johon uhrin teurastaja pyhän toimituksen jälkeen pyyhkii veriset kätensä. Sitä ei edellisten tavalla vedessä viruteta, vaan se uhrimenojen loputtua poltetaan nuotiossa.

Itse jumalanpalvelus on yksinkertainen ja koruton. Ennenkuin ryhdytään teurastukseen tekee uhripappi leivällä uhrilupauksen. Hän asettaa edessään olevalle penkille valkoisen liinan sekä sille muistorikkaan jo esi-isien ajoilta ainoastaan uhr juhliissa käytetyn, kaivertamalla koristetun puuvadin, jossa on paksu, ympyräinen, äsken leivottu ohraleipä. Hellävaroen ottaa hän vadin liinoineen ja leipineen käsiinsä, kääntyy etelää kohti ja alkaa puoliääneen rukoilla kohottaen silloin tällöin leipävatiaan. Ensimmäisen päivän ensimmäinen uhri on Inmarin (Ilmarin) taivaan jumalan, siksi uhripappi ensiksi tekee hänelle lupauksen. Usko, että taivaan jumalaa tulee rukoilla kasvot etelään päin on samoin kuin monet puhdistusmenot tulleet tattarien taholta. Uhrilupauksen jälkeen, jonka aikana kaikki uhrilehdossa olijat seisovat hartain mielin, hiljaisina, siunaa uhripappi leivän, paloittaa sen osiin ja jakaa kaikille osaaottaville.

Sen jälkeen alkaa n. k. uhrikoetus. Uhraajat ovat uteliaita tietämään, onko asianomainen uhrieläin jumalalle kelvollinen. Millaisen tulee uhrin olla, sitä varten on kyllä useita tarkasti noudatettavia määräyksiä. Niinpä esim. taivaan jumalalle ei mitenkään sovi uhrata mustaa uhrieläintä, jota vastoin maa-emolle valkoinen uhrieläin on kokonaan kelvoton. Millekään jumaluusolennolle ei sovi uhrata moniväristä, raajarikkoista tai yleensä eläintä, joka vain kertakin elämässään on sairastanut. Sitä paitsi uhrieläinten tulee olla koskemattomia, ikeenalaisia ei saa uhrata ja lisäksi on huomattava, että ainoastaan määrätyt eläinlajit, joita vielä lähemmin määrää kukin erikoinen uhritarkoitus, ovat uhriteuraiksi kelvollisia. Ja kaikesta huolimatta, miten tarkasti uhrimääräyksiä noudatetaan voi kuitenkin sattua, että uhrieläin sittenkin on kelvoton, jumala ei sitä huoli, uhri ei tuota tarkoitustaan, vieläpä voi sattua sen seurauksena onnettomuuksia. Siksi on toimitettava n. k. uhrikoetus, s. o. uhriteuraan selkään kaadetaan päästä alkaen raitista lähdevettä koivulehvien lävitse. Sen tehtyään ukot harrasmielisinä tarkastelevat, vavistuttaako vesi eläintä. Jollei se sitä tee toimitetaan koetus kerta vielä ja joskus useat kerrat. Joka kerta vettä valutettuaan huokaavat ukot: Inmar ota vastaan uhri! Jollei eläin vielä yhdeksännelläkään kerralla puistattele on se merkinä siitä, että uhri on jumalalle vastenmielinen ja uusi uhriteuras, miten suuria hankaluuksia sen etsiminen monesti tuottaakin, on tarpeen. Jos sitä vastoin uhrin toimittajat huomaavat, että eläin on otollinen, ryhtyvät he tyytyväisin mielin sitä teurastamaan. Suurimmat vaikeudet ovat silloin ohi, kaikki muu käy kuin tanssi, vanhastaan kukin tuntee tehtävänsä. Teurastaja taluttaa eläimen nuotion ääreen, sen jalat sidotaan, pää käännetään etelää kohti, se kaadetaan maahan vasemmalle kylelleen. Yhtäkkiä pistää teurastaja puukon sen kurkkuun, veri valutetaan puukuppiin ja kaadetaan tuleen. Teurastuksen aikana uhripappi koko ajan rukoilee, pyytäen jumalalta kaikkea maallista hyvää, sadetta ja päivänpaistetta, runsasta satoa, terveyttä ja rikkautta, lapsia ja karjaa. Heti hengen lähdettyä nahka irroitetaan ja levitetään kuivamaan puun oksalle.

Sen jälkeen alkaa uhrilihojen paloittaminen ja jako. Kaikkia lihoja ei sovi keittää yhdessä kattilassa ja sitä paitsi ovat lihat paloittavat ilman, että yksikään luu särkyi. Mutta ennen kaikkea tulee muistaa, että uhriteuraan jaloimmat elimet, kuten sydän, maksa pala keuhkoa, ensimmäinen oikeanpuolinen kylkiluu j. n. e. ovat eri kattilassa keitettävät, sillä ne ovat uhrin arvokkain osa. Muut lihat keitetään erikseen yhdessä tai useammassa kattilassa eläimen koosta riippuen.

Uhrilihojen kiehuessa, joka kestää pari, kolme, joskus useampiakin tunteja ukot istuvat rivissä keskustellen, ainoastaan tulen kohentaja hommaa nuotioiden ääressä. Sytykkeiksi ja polttopuiksi käytetään lehdon lahonneita puita ja juurakkoja, joita ei milloinkaan saa kantaa pyhän paikan aitauksen ulkopuolelle. Ukot selittävät, että jos lehdosta kaataa puun, tulee rakeita rangaistukseksi ja jos sen käyttää polttopuiksi, syttyy talo palamaan.

Vähitellen ilmestyy ihmisiä mäen rinteelle. He astuvat rivissä peräkanaa. Jokaisella on kantamus käsivarrella. Lähemmäksi tultua näen, että heillä on liinasessa leipiä ja ohukaisia ja sitä paitsi on kullakin kädessään kupponen tattari- tai ohraryynejä. He levittävät liinat nurmelle riviin ja asettavat niille tuomansa herkut. He tulevat hiljaa ja poistuvat sanaa sanomatta. Jokainen talo osaltaan lähettää uhrijuhlaan liinasein leipiä ja kupposen ryynejä.

Kun lihat vihdoinkin ovat hyviä, paloitetaan ne entistä pienempiin osiin ja kaadetaan pitkiin, kapeisiin puukaukaloihin. Erikseen keitetyt elimet asetetaan taaskin erikseen puuvatiin. Liemi kerätään suureen kattilaan, johon myös kustakin talosta tuodut ryynit kaadetaan. Kattila asetetaan uudelleen tulelle ja niin siinä valmistetaan n. k. uhripuuro. Puuron kiehuessa alkaa juhlakansa kerääntyä uhrilehtoon. Kaikki ovat puhtaissa, siisteissä pukimissa. Naisilla on yllään erikoinen juhlapuku. Hopeaiset rahat ja koreat nauhat välkkyvät päivänpaisteessa. Ainoastaan miehet astuvat uhrilehtoon, naiset pysähtyvät portin edessä olevalle kedolle.

Kun puuro on kypsynyt jakavat keittäjät siitä osan kullekin perhekunnalle. Naiset saavat osansa aitauksen ulkopuolelle. Ennen kuin ryhdytään syömään asettaa uhripappi erikoisen, jumalalle pyhitetyn puurokupan liinalle, kohottaa sitä käsissään ja lukee lyhyen rukouksen. Sen jälkeen istutaan aterioimaan, kukin perhekunta asettuu riviin ruokakuppinsa ympärille.

Uhripuuron syötyään nousee kansa. Uhripappi ja hänen apulaisensa keräävät nurmelta leivät ja ohukaiset ja asettavat ne valkoiselle liinalle suureen läjään. Jokaisen leivät reunasta leikataan pieni pala ja asetetaan penkille puuvatiin. Alkaa uhrilihojen pyhittäminen. Uhripappi tarttuu vatiin, jossa on nuo erikseen keitetyt uhriteuraan elimet, kääntyy kasvot etelään päin ja alkaa rukoilla tavan takaa kohottaen ilmaan uhriantia. Samoin kohottavat hänen apulaisensa jotka seisovat hänen rinnallaan, muita lihakaukaloita. Sen jälkeen uhripappi pyhittää myös leivät kohottaen ilmaan penkillä olevaa leipävatia. Se ynnä teuraan

pyhät elimet asetetaan rukouksen jälkeen puun oksalle, jota toimitusta votjaakit kutsuvat koroittamiseksi.

Kansa istuu jälleen kedolle perhekunnittain. Kukin saa leipä- ja lihaosansa nautittavakseen. Nytkin syövät naiset osansa uhriaitauksen ulkopuolella. On mielenkiintoista seurata heidän juhlimistaan. Kalvamansa luut he heittävät nuotioon, jotteivät ne joutuisi koirien tielle. Mitä juhlaruuista jää syömättä, se viedään kotolaisille, jotka syystä tai toisesta ovat olleet estettyjä uhrilehtoon tulemasta.

Aterian päätyttyä kerää kukin ruokaloput liinaseensa ja asettaa kedolle uhripapin eteen. Alkaa yhteinen juhlarukous. Uhrin toimittajat ynnä kansa, myös naiset aidan ulkopuolella, asettuvat riviin polvilleen. Uhripappi esittää jälleen jumalalle kaikki köyhän kansan elinhuolet. Jokaisen pyynnön jälkeen hän kumartuu maahan ja koko juhlayleisö seuraa hänen esimerkkiään. Kuulen hänen useat kerrat toistavan sanoja: Suuri Inmar.

Jularukouksen jälkeen nousee yleisö, kukin kerää ruokaliinasensa ja puukuppinsa kotiin viedäkseen. Puun oksalle asetetut uhriantimet ottaa uhripappi ja nautti yhdessä apulaistensa kera. Pyhiä, jumalalle omistettuja uhrilihoja, joita pidetään uhrieläimen sielun eli sielullisten voimain kannattajina, eivät naiset milloinkaan saa nauttia.

Vielä illemmällä toimitetaan lehdon reunassa aitauksen ulkopuolella lammasuhri vainajain muistoksi. Heidän kunniakseen sytytetään myös omatekoisia vahakynttilöitä, sillä vainajainkin uskovat votjaakit voivan aikaan saada monenlaisia asioita, miltei samoja, kuin itse Inmar, siksi on heitäkin uhrilahjoilla muistettava. Vainajille omistetun uhriteuraan luita ei polteta, vaan ne kuopataan maahan.

Näin päättyy ensimmäinen uhripäivä, uhrijuhlaa jatkuu vielä useita päiviä. Sinä aikana eivät uhrintoimittajat yksikään poistu uhrivuorelta ja kansa kylässä ei ryhdy työhön. Silloin iloitaan, käydään naapurissa, ajetaan kilpaa hevosten selässä, soitetaan ja lauletaan.

Istun myöhään lehdossa, keskustelen ukkojen kera ja katselen, miten iltaaurinko kylvää kultaa köyhään, olkikattoiseen pakanakylään.

Votjaakkien häätapoja⁸

Avioliiton solmimiseen liittyvät menot ja tavat eivät varmaankaan ole yhtä muinaiset kuin kuoleman ja syntymisen “hengen lähdön” ja “hengen tulon” yhteyteen kuuluvat seremoniat. Viimeksi mainittuja tavataan jo alhaisimmillakin tunnetuista ihmisroduista. Häämenot sitä vastoin näyttävät olevan useille villikansoille tuntemattomia. Niinpä esim. Anton Tschehov, joka matkaili giljaakkien luona Shakalinin niemimaalla,⁹ kertoo, ettei heillä ole minkäänlaisia häämenoja. Kun hän tiedusteli niitä eräältä vaimolta, nauroi tämä ja lausui: “mitähän erityisiä menoja siinä olisi tarpeen”. Ryöstä itsellesi vaimo ja sillä hyvä.

Varhaisimpina aikoina, jolloin ei tunnettu että isä on suhteessa jälkeläisiinsä, jonka vuoksi poika luettiin eri sukuunkin kuin isä, äidin esiisien arveltiin näet elävän uudelleen lapsissa ja jonka vuoksi ei poika perinytkään isäänsä, vaan äitinsä ja tämän sukulaiset, arveltiinpa lisäksi, että isä saattoi olla avioliittolisissa suhteissa tyttäriensä kanssa, tuona etäisenä aikana oli miehen ja vaimon välinen suhde tietysti vielä aivan hetkellistä laatua ja avioliitto, jos siitä sillä asteella ollenkaan voimme puhua, varsin eläimellinen. N. k. ryöstöavioliitto todistaa jo jonkun verran korkeampaa kulttuuria, sillä sinä aikana vaimo jo siirtyy joskin väkivaltaisella tavalla usein elämäniänsä miehensä kotiin.

Nykyaikana ei ryöstöavioliittoa enää yleensä tavata millään suomensukuisella kansalla. Sitä vastoin monia jälkiä siitä on säilynyt heimokansojemme pakanuudenaikuisissa häämenoissa. Nykyään ryöstöavioliittoa käytetään, kuten Ufan läänin votjaakit selittivät, ainoastaan siinä tapauksessa, että morsiamen vanhemmat eivät suostu mistään hinnasta antamaan tytärtään. Morsianta ei kuitenkaan ryöstetä ilman hänen suostumustaan, sillä käyttäkseni erään votjaakkiukon sanoja “ei nykyaikana, kuten ennen, voi naista väkivallalla pitää luonaan, jollei hänellä itsellään ole halua”.

Ryöstöavioliiton aikuisia tapoja voi kansatieteilijä löytää useitakin votjaakkien nykyisistä häämenoista. Sellaisia lienee esim., että morsian

⁸ Turun Sanomat, 6. elokuuta 1911. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 101 ja 103.

⁹ Sahalinin saari.

viedään sulhasen kotiin kasvot peitettynä, että morsian teeskentelee ikäänkuin hän ei olisi halukas lähtemään, asettuupa usein leikillään tekemään vastarintaa tai että morsian häitten edellä joksikuksi aikaa katoaa kodistaan ja piileksii naapurikylässä sukulaistensa luona, jossa hän valmistelee itselleen hääpukuja. Sen ajan tapoihin kuulunee myös käsitys, että sulhasen, mikäli mahdollista on etsittävä itselleen vaimo vieraasta kylästä. Erityisesti ylistetään sitä sulhoa, joka kaukaa on kultansa löytänyt. Viimeksi mainittu tapa johtunee myös osaksi siitä, että kylät ennen olivat yksinomaan sukukylä ja sukulaiset eivät yleensä vallitsevan käsityksen mukaan mene keskenään naimisiin. Votjaakeilla ei tämä avioliittoaeste rajoitu ainoastaan lähimpiin sukulaisiin, vaan heillä se ylettyy yli koko suuren, laajalle levinneen sukupiirin niin, että esim. Kaksha-sukuinen mies Permin läänistä ei mene naimisiin saman sukuisen naisen kanssa, oli hänen kotipaikkansa miten kaukana tahansa Ufan tai Vjatkan lääneissä. Entisaikaan noudatettiin sääntöä varsin tarkasti, jokainen votjaakki tuntee näet sukuperänsä ja säilyttää sukunimensä, vaikka hän minne muuttaisi vieraaseen seutuun. Tämä johtuu siitä, että votjaakit palvelevat sukunsa esi-isiä.

Lisäksi lienee ryöstöavioliiton muistomerkkeihin luettava tuo eriskummallinen tapa, ettei naista miehelään mentyään uudessa kodissa kutsuta hänen omalla syntymänimellään, vaan sen sukukylän nimellä, josta hän on kotoisin.

Ryöstö on kaupan edelläkävijä avioliitonkin markkinoilla. Nykyään pakanalliset votjaakit ostavat itselleen morsiamen. Millainen hinta neidosta on maksettava ei riipu niin paljon silmien suloudesta ja kutrien kauneudesta kuin ruumiin rotevuudesta ja terveydestä. “Kyllä siitä kannattaa maksaa”, sanovat votjaakit, “sillä se on tanakka työhminen”. Toinen on pieniluinen, ei ole monen ruplan arvoinen. He valitsevat vaimonsa raatamista varten. Aviohintaa vaihtelee tietysti myös riippuen yleensä seudun varallisuudesta. Arvelen, että morsian Ufan läänissä on kahta vertaa kalliimpi kuin Kasanin läänissä.

Hinnasta päättävät ja sopivat tavallisesti asianomaisten vanhemmat. Kauvan tuumittuaan ja useita kertoja asiasta keskusteltuaan ukot ratkaisevat sen usein nuorten mieltä tiedustelematta. Hinnasta sovittuaan he kahden kesken juhlivat viinapikarien ääressä. Toisinaan sovitaan kaupasta jo varhain, kun asianomaiset vielä ovat aivan nuoria. Eräässä talossa Birskin piirikunnassa, jossa asuin, oli isäntä 21 vuotias ja hänellä oli kuuden vuoden vanha poika. Olin utelias tietämään, miten varhain hän

oli mennyt naimisiin ja sain ihmeekseni kuulla, että se oli tapahtunut jo 12 v. ijässä. Hänen veljensä, joka asui samassa talossa, oli mennyt naimisiin 14 v. ikäisenä. Kummankin vaimo oli miestään paljon vanhempi.

Aviohintaa ei tavallisesti makseta heti kaikkea yhdellä kertaa. Ensi kerralla annetaan ainoastaan osa käsirahoiksi. Vähitellen kolmessa, neljässä erässä loppu suoritetaan. Ennenkuin kaikki on maksettu, ei morsianta lasketa miehen kotiin, vaikkakin neito niin pian kun käsirahat ovat suoritettut, pidetään miehelle myytnä. Hän on jo silloin sulhasen oma ja sulho vapaasti oleskelee hänen luonaan. Ettei neitoa sen erän perästä enään katsota kotiperheeseen kuuluvaksi, osoittaa parhaiten se seikka, ettei hän kotoisen uhrin aikana enää voi muun perhevään tavalla nauttia sitä uhriruokaa, jota ei perheeseen kuulumattomille anneta.

Paitsi paksulla kukkarolla voi morsiamen hankkia itselleen myös palvelemalla määrättyt vuodet morsiamen isää. Se onkin köyhien kesken hyvin tavallinen keino. Ainoastaan orpoja voi saada rahatta ja työtä vaimokseen.

Kun viimeinen osa aviohinnasta on suoritettu lähdetään parivaljakolla noutamaan morsianta sulhasen kotiin. Votjaakeilla on määrätty vuoden ajat, jolloin tämä toimitus saattaa tapahtua. Jokainen aika ei ole yhtä onneatuottava. Niinpä esim. sinä aikana, jolloin hanhet hautovat muniaan, ei sovi häitä viettää. Kesäiset häät pidetään tavallisesti Pietarin päivän tienoissa. Silloin juhlitaan sekä morsiamen että sulhasen kodissa. Pitoja varten valmistetaan runsaasti n. k. kumyskaa, votjaakkilaista schampanjaa eli kotitekoista pahalle tuoksuva paloviinaa. Viina on täällä häissä pääasiallinen “trahtamenti”.

Pitopäivänä puolipäivän jälkeen kun monet ukot jo ovat kokolailla “liikutettuja”, saapuu varta vasten kuomilla varustettu telega (nelipyöräiset korirattaat) morsiamen talon pihalle. Se on votjaakittarelle merkki, että kotikulta kohta on jätettävä kaikkine kalleuksineen ja siirryttävä uusiin oloihin. Nähdessään telegan morsiamelle vierähtää kyynel silmään. Sulhanen ei itse saavu noutamaan häntä, vaan veli tai joku muu sukulaista. Heti kohta ei lähdetä liikkeelle, noutajaa on kestittävä ja morsian ei vielä ole valmistunut.

Matalasta tuvasta raikuu iloinen elämä. Pöydällä on kaikkia herkkuja, mitä köyhässä votjaakkikylässä on tarjonna. Pöydän päässä istuu laverilla “töre” erityinen, varta vasten valittu juhlaissäntä ja hänen rinnallaan hänen emäntänsä. Heidän huolenaan on juhlamenojen järjestys. Tavan

takaa kaataa "töre" uutta viinaa pieniin puiisiin kuppeihin. Sivuseinillä istuvat partasuut ukot leikkiä laskien ja uunin ääressä soi rakkopilli minun mielestäni alakuloisen yksitoikkoisesti, mutta votjaakkien mielestä on sävel iloinen hääsävel.

Sinä aikana puuhaa morsian aitassaan. Kylän neitokset ovat kokoontuneet sinne jättämään hänelle jäähyväiset. Seinistä riippuu kaikenlaisia vaateparsia, kirjavia hihapaitoja, joita votjaakittaret samalla käyttävät hameenaan. Niiden liepeessä on erivärisistä kankaista neulottuja palteita. Orsille on levitettynä iso joukko pitkiä, kapeita, valkoisia pyyhinliinoja, joiden päät ovat kutomalla tai neulomalla koreasti kirjaeltuja. Niitä ripustavat naidut naiset hartioilleen. Sitä paitsi on aitassa nuorikon ja vaimon käyttövaatteita, pyhä- ja arkipukuja, hopearahakoristuksia, kirjaeltuja päähineitä y. m., jota morsiamen ahkerat sormet ovat tätä päivää varten valmistaneet. Kylän neitokset katselevat ja ylistelevät hänen käsitöitään. Sinä aikana hän pukeutuu uuteen paitaan, käärii uudet, puhtaat rievut jalkoihinsa ja panee niihin ennen käyttämättömät, valkoiset niinivirsut. Tänä päivänä hän pukeutuu viimeisen kerran neidon pukuun.

Kun hän vihdoin on valmistunut astuu hän tupaan jättämään jäähyväisiä kyläläisille ja omaisilleen. Kaikki tunkeutuvat hänen ympärilleen, kaikki tahtovat puhutella häntä, antaa neuvoja ja toivottaa onnea uuteen kotiin. Jättäessään hyvästit vanhemmilleen ja siskoilleen morsiamen suru puhkee valloilleen, hän alkaa itkeä ääneen. Omaiset ja vieraat lohduttavat häntä. "Miksi itket", toruvat ukot, "ovathan vanhempasi sinut miehelle myöneet ja saaneet sinusta hyvän aviohinnan." Vanhempain tahto votjaakeilla on Jumalan tahto. Lohduttaakseen morsianta eräs ukoista kertoo hänelle seuraavan kaskun: "Alussa Jumala sääsi miehen menemään vaimolle, mutta mies alkoi valittaa ja sanoa: sääli on jättää peltoa tänne ja hepoa ja auraa, miksi lähtisin vaimolle. Nähdessään miehen surun Jumala armahti häntä ja määräsi neidon menemään miehelle. Neito alkoi vuorostaan valittaa ja itkeä: miksi lähetät minut miehelle, isää ja äitiä on ikävä jättää ja koiranpentua ja kissanpoikasta on sääli jättää. Jumala nauroi neidon surua. Siitä päivin menee vaimo miehelle."

Vähää ennen morsiamen lähtöä ottaa "töre" vakavana leivän käteensä, kääntyy etelää kohti ja rukoilee morsiamen esi-isiä, etteivät he panisi pahakseen, vaikka heidän jälkeläisensä nyt siirtyy toiseen sukuun. Sen jälkeen hän paloittaa leivän ja jakaa kullekin palasen. Itkevä morsian nostetaan telegaan, kasvat peitetään varta vasten tehdyllä verholla ja niin häntä lähdetään viemään sulhasen kotiin.

Kun saavutaan perille ammutaan ilmaan uuden kodin portilla, jotta kaikki onnettomuutta tuottavat henget karkkoaisivat. Sulhasen taloon kerääntyneet pitovieraat, jotka pääasiallisesti ovat sulhasen sukulaisia, tervehtivät tulokasta pihalla ja toivottavat hänelle kaikkea hyvää. Täälläkin pitää erityinen "töre" (juhlaikäntä) huolen pitojen menoista. Ennen kaikkea hän rukoilee morsiolle onnea uudessa kodissa ja pyytää, että sulhasen kuolleet sukulaiset suostuisivat häneen, kohtelisivat häntä lempeästi, eivät lähettäisi sairautta, eivätkä häiritsisi nuoren vaimon yöunia. "Olkoon", hän lopettaa rukouksensa, "jokainen auringonkierros nuorten elämässä onneatuottava, niin monen kiven yli kuin morsian astuu, rikkautta tulkoon, niin runsaasti kuin hänellä on hiuksia päässään, ymmärrystäkin olkoon. Synnyttäköön hän terveitä lapsia ja kasvattakoon jaloa karjaa. Minne hän lähteekin, olkoon matkalla menestystä. Niinkuin hänellä oli leipää vanhassa kodissaan, olkoon hänellä täälläkin uudessa kodissa." Häävieraat kylvävät jyviä morsiamen päälle.

Sen jälkeen ottaa morsian vesiämpärit hartioilleen ja lähtee purolle neitojoukon saattamana. Täällä pestään hänen jalkansa, vedellä valetaan myös uteliaat ihmiset, jotka kokoontuvat rannalle tulokasta katselemaan. Sitte täyttää morsian ämpärit, kantaa tupaan ja polvistuen kunkin edessä antaa kaikkien juhluvierasten juoda. Jokainen, joka vettä maistaa, heittää morsiamelle lahjaksi hopearahoja vesiämpäriin. Sitä paitsi lahjoittavat kestitvieraat nuorikoille hevosia, lehmiä, lampaita ynnä kaikenlaisia talousesineitä. Morsian puolestaan lahjoittaa "törelle" ja sulhasen vanhemmille paitoja ja pyyhinliinoja.

Pääasiallisin seremonia kuitenkin sulhasen kodissa on morsiamen pukeutuminen, hän näet riisuu tyttöpukunsa ja pukeutuu nuorikon sievään pukuun, jota hän kantaa muutaman kuukauden ajan, joskus kokonaisen vuoden, niin hyvin pyhänä kuin arkena. Tämän ajan kuluttua jolloin votjaakeilla jälleen on pienoinen juhlaansa, vaihtaa hän pukunsa uudelleen, lakkaa kantamasta palmikkoa ja siirtyy siten vähitellen jo varsinaisten vaimojen lukuun.

Sillä aikaa kun morsian pukeutuu häpäpäivänä nuorikkopukuunsa, tanssivat muut tytöt vuorotellen yllään se peite, johon morsian häämatkallaan oli verhottuna. Tanssilla lienee vertauskuvallinen tarkoitus saattaa muutkin vielä naimattomat neitokset morsiamen onnesta osallisiksi, sillä yksinäisen neidon kohtaloa pitävät votjaakit jumalan kirouksena. N. k. vanhoja piikoja ei heidän keskuudessaan ole muut kuin raajarikkoiset ja mielisaira.

Votjaakkien vainajainpalveluksesta¹⁰

Paitsi näkyväistä ruumista on ihmisessä votjaakkien käsityksen mukaan näkymättömät osat: henki “lul” ja sielu “urt”. Myöhempinä aikoina on “lul”, varmaankin vieraan vaikutuksen takia, astunut etusijalle. Monista seuduista on “urt” nimitys jo miltei tykkänään unohtunut tai on se säilynyt ainoastaan ani harvoissa vanhanaikuisissa sanantavoissa. Niinpä esim. sanotaan säikähtyneestä ihmisestä “urtäs kostäm”, hänen sielunsa lähti. Sielun lähdettyä, joka tapahtuu votjaakkien käsityksen mukaan myös vaikeiden tautien aikana, kutsutaan tietäjä etsimään sitä takaisin, jotta ihminen jälleen tulisi tajuihinsa ja terveeksi. Toimitusta kutsutaan “urt kuton” (sielun etsintä).

Sielu lähtee vaeltamaan myös ihmisen nukkuessa. Silloin se tavallisesti esiintyy erään yölinnun, lepakon muodossa, jota votjaakit sen vuoksi kutsuvat nimellä “urt-kyts” (sielunlintu). Eräs Ufan läänin votjaakkiukko selitti, ettei mainittua lintua milloinkaan näe päivin, jolloin ihmiset valvovat, vaan ainoastaan öin, jolloin nukutaan. Olipa ukolla esittää todistuskina siitä, että lepakko todella on ihmisen sielu: “Eräs mies nukkui ja toverit valvoivat istuen pihalla. He näkevät miten “urt-kyts” lentelee määrättyissä paikoissa. Kun nukkunut heräsi, kysyivät toverit häneltä, mitä hän uneksi maatessaan. Mies kertoi unissaan kulkeneensa siellä ja siellä eli aivan samoissa paikoissa, missä lepakko lenteli. Siitä he tiesivät, että “urt-kyts”, jonka näkivät, oli nukkuneen miehen sielu.”

Vaikkakin “urt” ihmisen nukkuessa tai sairastaessa jättää asuntonsa, pysyy kuitenkin ihmisen “lul” hänessä. Se on ihmisessä ikäänkuin elon prosessi ja ilmaantuu henkenä eli höyrynä. Vastaava sana suomenkielessä lienee “löyly” sana. Vasta kuoleman tullen jättää kumpikin niin hyvin “urt” kuin “lul” ihmisen ruumiin.

“Lul” lähtee ihmisestä suun eli sieramien kautta, sillä “sen korina kuuluu viimeksi kurkun päässä.” Mitä on tämä “lul” ja minne se menee, sitä eivät votjaakit osaa selittää. Ainoastaan suurista noidista he sanovat, että niiden kuollessa syntyy vihuri tai rajuilma.

“Urt” sitä vastoin on vielä ihmisen kuoltua ainakin jonkun aikaa ruumiin uskollinen seuraaja. Se onkin hyvin ymmärrettävissä, sillä se

¹⁰ Turun Sanomat, 26. elokuuta 1911. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 110–111.

on kuolleen haamu eli varjosielu. Ruumiin ollessa “laudalla” se liikkuu sen läheisyydessä. Hautaamisen jälkeen se oleskelee kalmistossa, josta se kutsuttuna tai kutsumatta saattaa käydä kotitaloa ja kotolaisia tervehtimässä. Vainajan sielun voi kuitenkin erityisillä menoilla myös asettaa asumaan määrättyyn erikoiseen paikkaan.

Kun ihmisestä on henki lähtenyt suletaan kuolleen silmät ja suu, suuhun asetetaan tavallisesti voita, joskus sivellään sitä silmiinkin. Sitte peitetään ruumis liinalla ja valmistaudutaan hautaamiseen. Ensiksi on vainaja puhdistettava, miehet pesevät miehiä, naiset naisia, sen jälkeen puetaan ruumis valkoiseen votjaakkipukuun. Miehillä pannaan kotitekoinen huopahattu päähän, jakoihin uudet jalkarievut ja niinivirsut, ukolle asetetaan sauvakin käteen. Naiset puetaan ijan mukaisiin koristuksiinsa. Pukemisen aikana tekee joku omaisista vainajalle arkun pihalla. Niin pian kuin se on valmis viedään se tyhjänä kalmistoon, johon kaivetaan matalapohjainen hautasija. Sen jälkeen vielä samana päivänä kuin kuolema tapahtui saattavat vainajan omaiset, tavallisesti vain mieshenkilöt, kuolleen viimeiseen lepoonsa. Vainajaa kuletetaan reessä niin hyvin talvella kuin kesällä, siinä hän makaa selällään kädet rinnan päällä. Vasta haudan ääressä hän nostetaan arkkun. Se on lankuista tehty nelinurkkainen laatikko, jonka pohjalle on asetettu niinen lastuja ja villoja ynnä pieni patja päälaksi. Arkkun asetetaan kuollut selälleen. Mukana pannaan erilaisia vaatekertoja, kuten paitoja ja housuja jotta vainaja tarpeen tullen voisi vaihtaa pukuaan. Morsiolle, jonka elämä on sammunut vähän ennen hänen häitään, annetaan mukaan hänen ompeleensa ja kehoitetaan menemään miehelle uudessa elämässä. Lapset saavat mukaan leikkikalunsa, jotteivät ikävystyisi ja kaipaisi äitiään. Välttämättömästi annetaan vainajalle lisäksi vähäisen rahaa, jota omaiset heittävät arkkun toivottaessaan hänelle hyvää ja onnellista oloa: “tässä on sinulle, käytä, kun tarvitset!” Muutamat selittävät, että raha on tarpeen paikan ostamista varten tulevassa elämässä.

Ennenkuin sulkevat arkun, repäisee joku kuolleen omaisista valkoisen kankaankaistaleen, jonka hän on tuonut mukanaan kalmistoon, haudalla kahtia, sen osan, joka jää vasempaan käteen, jättää hän kuolleen rinnan päälle, oikean käden puolinen osa viedään kotiin ja sidotaan tuvan orteen tai seinään. Revästessä sanotaan: “samoin kuin osa tästä kankaasta jää tänne ja osan otamme kotiin, samoin elä sinä vielä meistä kokonaan erkane,” tai vain lyhyesti: “ruumiisi tänne jääköön, “urt” kotiin tulkoon, onni kotiin tulkoon.” Arkun kanteen, joka puu- eli rautanauiloilla kiinnitetään arkkun, on oikealle sivulle tehty vähäinen neliskulmainen

reikä jotta kuolleen “urt” voisi sen kautta tarpeen tullen vapaasti kulkea. Reikää kutsutaankin sen vuoksi nimellä “urt vetlon par” (sielun kulkureikä). Omaiset peittävät arkun mullalla ja asettavat haudalle vielä vainajaa varten muutamia tarve-esineitä, kuten puukupin ja -lusikan, joita aina näkee votjaakkien kalmistoissa, usein särjettyinä, jotteivät varkaat voisi niitä käyttää hyväkseen. Haudan suunta on pohjoisesta etelään, kuten tattareilla, kuolleen kasvot ovat käännettyinä etelää kohti.

Palatessaan kotiin hautuumaalta on votjaakeilla monenlaisia puhdistusseremonioita. Jo hautausmaan portilla lyö joku saattomiehistä, joka on tuonut kuusen oksia mukanaan, niillä kutakin seurakumppaniaan selkään sanoen: “mene kotiin, elä tänne jää!” Kotiin tultua heitetään tuhkaa tulijain päälle tai tehdään pihalle nuotio ja hypitään sen yli, jotta tuli puhdistaisi kaikkea kalman tartunnasta. Samaa tarkoitusta varten asetetaan tuvan seiniin oven ja ikkunain kohdalle katajanoksia. Sitäpaitsi huone pestään ja siivotaan ja saattajat sekä koko perheväki kylpeytyvät saunassa. Vasta sen jälkeen alkaa varsinainen peijaisten pito.

Jo kuoleman hetkellä on joku vainajan omaisista kiskaissut kukolta hengen. Osa höyheniä poltetaan heti, mutta liha valmistetaan juhlakeitoksi vasta saattajaisten jälkeen. Silloin valmistetaan myös kiisseliä ja paistetaan ohukaisia. Pöytä katetaan valkoisella liinalla. Juhla-ateriaan voivat ottaa osaa ainoastaan vainajan omaiset. Myös kuollutta varten on pöydällä kuppi ja puulusikka, peijaisiin ajatellaan näet kuolleenkin ottavan osaa. Lisäksi uskotaan, että ennen kuolleet sukulaiset ovat saapuneet tulokasta vastaanottamaan. Niitä varten on asetettu astia uunin ääreen, johon kukin juhluvieras vuodattaa vähäisen ruokaa sekä teetä ja viinaa. Astian reunalla palaa kotitekoisia vahakynttilöitä, joiden luku on kuolleiden omaisten luvusta riippuva. Jos kynttilät palavat hyvin, on se todistus vainajain hyvinvoinnista, jos sitävastoin kynttilät käryvät, on se merkinä siitä, etteivät manalle menneet ole oloihinsa tyytyväisiä. Asettaessaan ruokaa ja juomaa vainajain astiaan lausuvat votjaakit: “syö, juo!” ja lisäksi mainitsevat joka kerta kunkin asianomaisen sukulaisvainajan nimen. Jos aterian aikana ruokapala sattuu putoamaan maahan, ei sitä saa sieltä poimia, sillä yleensä uskotaan, että vainaja siten osittaa ruokahaluaan. Ei kukaan epäile, että kuolleet todella itse persoonallisesti ottavat osaa juhlaan, sen huomaa juhlakansan vakavasta ja hiljaisesta käytöksestä. Saattaapa vainaja joskus ilmaantua näkyväisessäkin, pienen, valkoisen perhon muodossa, jota votjaakit kutsuvat “urt-bubuli” (sieluperhonen). Nähdessään sellaisen

lentelevän peijaisjuhlissaan he iloitsevat ja sanovat: “vainajan “urt” on tullut seuraamme perhosen muodossa.” Siksi on suuri synti surmata sieluperhosta.

Pitojen päätyttyä kannetaan ruoka-astia uunin luota pihalle, jossa sen sisältö jaetaan koirille. Silloin katselevat votjaakki-ukot uteliaisuudella koirien syömistä, sillä he päättävät, että, jos koirat ahnaasti käyvät ruokaan käsiksi, se on merkinä siitä, että vainajat ovat nälkäisiä ja juhla-ateria on heille ollut mieluinen, jos koirat sitä vastoin eivät välitä ruuista, todistaa se, että vainajatkin ovat ylenkatsooneet heille tarjotun peijaisaterian.

Paitsi kuolinpäivänä vietetään muistoaterioita vainajan kunniaksi 3:tenä, 7:tenä, 40:tenä ja vuosipäivänä. Nämät muistoateriat muistuttavat suuresti itse peijaisjuhlaa. 3:tenä ja 7:tenä päivänä teurastetaan kana, 40:tenä ja vuosipäivänä käytetään suurempia kotieläimiä, kuten hanhia, lampaita ja vasikoita. Viimeksi mainittuina päivinä ottaa pitoihin osaa paljon suurempi luku kuolleen omaisia ja sukulaisia kuin ensimmäisinä muistajaispäivinä. Vainajaa näkyväisesti edustaa hänen vaatteensa, sillä kuolleen paita ja housut tai hame, jos hän on naispuolinen henkilö, ripustetaan seinään pitopöydän kohdalle. Juhlaa kestää tavallisesti pari päivää, jälkimäisenä päivänä on vainajien pääparantajaiset. Vuoden päästä ei enää pidetä mitään määräpäiväistä muistojuhlaa yksityisen vainajan kunniaksi. Siihen asti on omaisten ja vainajan välinen suhde vielä ollut jotakuinkin läheinen. Vainaja on viihtynyt kotolaistensa seurassa, tästä lähin hän jo siirtyy muiden kuolleiden pariin.

Ainoastaan vuosipäivän muistajaisjuhlan aikana käydään kalmistossa, jonne viedään mukana myös ruokaa ja juomaa. Sinä päivänä votjaakit ikäänkuin uudelleen saattavat vainajan maanalaiseen asuntoonsa. Liinanenkin, joka kuolinpäivänä hautaamisen jälkeen sidottiin tuvan orteen, otetaan nyt esille, viedään kalmistoon ja kuopataan maahan. Muutamilla votjaakeilla on silloin myös tapana tehdä haudan ympärille puinen kehys, jonka tavan he varmaankin ovat oppineet naapureiltaan tatareilta. Useimmilla haudoilla ei ole minkäänlaista muistomerkkiä.

Kolmen, viiden, joskus useammankin vuoden kuluttua, sillä mitään varsinaista määräpäivää ei ole olemassa, viettävät votjaakit vielä jonkun vanhemman vainajan muistoksi juhlan, jota kutsutaan hevoshäiksi. Nimitys johtuu siitä, että silloin teurastetaan hepo, jonka pään ja jalkojen luut viedään soitoin ja hääläluvin hautausmaalle. Uhriteurastus tapahtuu kotona, jonne suuri joukko vainajan omaisia, ystäviä ja

kaukaisiakin sukulaisia on kokoontunut kesteihin. Aterian päätyttyä tuodaan tupaan pärevasu, jonka pohjalla on olkia. Tähän vasuun asetetaan hevosen luut, pääkallo päällimmäiseksi. Sen jälkeen soitetaan häälauluja, tanssitaan ja iloitaan. Kun tanssivalta kysytään “kenelle tanssit?”, vastaa tämä lausumalla vainajan nimen. Illan hämärässä laulujen loputtua viedään kori pihalle, valjastetaan parihevoset reen eteen ja lähdetään kulettamaan hevosen luita hautausmaalle. Paljon nuorta kansaa, poikia ja neitosia menee mukaan, matkallakin iloitaan ja lauletaan, kuten häämatkalla ainakin. Kalmistoon saavuttua vuodatetaan vasuun vielä votjaakkilaista kotitekoista paloviinaa ynnä sytytetään kynttilä vainajan kunniaksi. Lopuksi ripustetaan luut niiniköysillä jonnekin kalmiston puuhun. Tällainen juhla toimitetaan tavallisesti myöhään syksyllä tai talvella, joka tapauksessa vain kerta kunkin asianomaisen kuoleman jälkeen. Hepo teurastetaan miesvainajan, lehmä naisvainajan muistoksi.

Sen jälkeen ei enää vietetä muistojuhlia yksityisen vainajan kunniaksi, mutta yleisiä, vuotuisia vainajain juhlia vietetään pääsiäisen ja helluntain tienoissa ynnä syksyllä peltotöiden päätyttyä.

Usein muulloinkin muistelevat votjaakit vainajiaan varsinkin taudin, kadon tai jonkin muun onnettomuuden sattuessa, sillä votjaakit pitävät vastoinkäymistä vainajain rangaistuksena. Sellaisessa tapauksessa on kuolleitten henkiä uhreilla lepytettävä. Tällöin eivät votjaakit kuitenkaan käänny kalmiston puoleen, vaan heillä on kylässään erityinen vainajille pyhitetty paikka aivan kylän läheisyydessä, jota kutsutaan niinenkuoren heittopaikaksi, sillä sinne kannetaan kuoleman jälkeen niinipuun kuoret, joilla vainajan ruumis makaa “laudallaan” ynnä vihdat, joilla sitä pestään sekä vainajan kuolinpuku ynnä kaikkea muuta kuolleen kosketuksessa ollutta törkyä, jota siellä kasoittain näkee mätänevän. Niinenkuoren heittopaikassa näkee lisäksi pieniä noin puolenkyynärän korkuisia puupatsaita, joiden edessä tavallisesti on vielä pieni yksijalkainen pöytä. Pöytä on asetettu uhriruokia varten, pölkky on itse vainajan asunto, siis jonkunlainen alkuperäinen jumalankuva. Nykyaikana tekevät votjaakit sellaisia ainoastaan niiden omaisten muistoksi, jotka ovat kuolleet jossakin vieraassa seudussa syystä siitä, että vainajan “urt”, kuten eräs votjaakkiukko selitti, ei ilman sitä palaa kotiseutuunsa omaistensa luo.

Tsheremissien luo¹¹

Matkustaessaan Itävenäjällä asuvien suomensukuisten kansain luo on tutkijoilla ollut tapana suunnata ensiksi matkansa Kasaniin, joka Itävenäjän vanhana pääkaupunkina vieläkin on paikkakunnan niin hyvin henkisen kuin aineellisen sivistyksen keskus. Täällä kertaa oli kuitenkin poikkeus tehtävä, sillä Romanov-juhlien vuoksi syntyneen kansanvaelluksen takia oli mahdoton päästä Moskovaan meneviin juniin, kun ei pääsylippua ollut ennakolta tilannut. Aikaa kun ei ollut odottaa, päätin astua pohjoisen radan vaunuun ja niin tuli matkani ensimmäiseksi päämääräksi Perm.

Pohjoisellakin radalla, joka on yhdyssiteenä pääkaupungin ja kaukaisen idän välillä, oli tungos niin suuri, ettei toisenkaan luokan vaunuissa ollut istumasijaa saatavissa. Illan tullen tuntui jo tuskalliselta, kunnes ruplan raha palautti konduktöörin mieleen, että yksi vaununosasto ensimmäisessä luokassa vielä oli vapaana. Olin tyytyväinen vaihtoon siitäkin syystä, että edellisessä vaunussa ainoana valon antajana yöllä oli usein kynttiläpahainen.

Pietarista alkaen eivät maisemat tien varrella tarjoa matkailijalle mitään erikoista nähtävää. Samanlaisia yksitoikkoisia metsämaisemia ilman minkäänlaista vaihtelua ulottuu aina Vologdaan asti ja siitäkin ohi, kunnes vasta Vjatkan läänissä luonto jonkun verran muuttuu. Rautatie kulkee pääasiallisesti asumattomien seutujen poikki jättäen

¹¹ Uusi Aura, 17. elokuuta 1913.

viljelykset ja väkirikkaat kylät kaunistamaan jokilaaksoja. Metsät havupuineen, kanervineen ynnä muine kasvineen muistuttavat suuresti Suomen metsiä ja siksi kaikesta vaatimattomuudestaan huolimatta ovat meikäläisestä mielenkiintoisia. Mutta ei ainoastaan siksi, vaan senkin vuoksi, että niiden asukkaat ovat olleet suomensukuista kansaa. Tässä on Vatjan ja Inkerin alueet, pohjoisempana laulurikas Vienan Karjala ja noiden metsien takana tuolla on syrjäänien maa Vienan itäisten sivujokien varsilla. Kotelnitsh tuossa Vjatkan rannalla, jonka juna sivuuttaa, on entinen tsheremissikaupunki ja Glazovin aseman seudut, Tsheptsan huuhtelemat, ovat nykyisten votjakkien emämaa. Ja ken tietää, ehkä näiden suurten metsien helmassa on asunut muitakin suomensukuisia kansoja, jotka mahdollisesti jo ovat sulautuneet myöhemmin paikkakunnalle siirtyneeseen isovenäläiseen väestöön. En tiedä, miksi nuo leveänaamaiset, tuheapartaiset ukot sydänmaan asemilla tekevät minuun niin perin suomalaisen vaikutuksen. Epäilemättä on näiden seutujen venäjää puhuvassa yleisössä paljon suomensukuista verta.

Katselen vaunun ikkunasta ja mietin alakuloisena, mikä oikeastaan lienee ollut syynä siihen, ettei tämän valtakunnan nimeksi ole tullut Suomen valtakunta. Eikö heimomme yhteenkuuluvaisuuden tunne ole ollut tarpeeksi voimakas tai ovatko entiset elinkeinot ehkä olleet syynä sen hajaantumiseen. Varmaankin juuri ne ovat pakoittaneet ihmisiä lähtemään liikkeelle, kunnes nämät rannattomat, muinaisina aikoina nykyistä jylhemmät metsät, joissa nuotiosavut eivät loitolle näy eikä tuohitorven ääni kauvas kuulu, ovat piiloittaneet veljeskansan veljeskansalta.

Glazovista eteenpäin alkaa tasaiset, yksitoikkoiset maat muuttua vaihteleviksi kunnaksi. Syvissä joen uomissa kelluu tukkilauttoja tai kepeitä kalastajaveneitä. Tavan takaa astuu taivaanrannan eteen komea hiekkaharjanne, jonka laella ja rinteillä on kyläryhmiä viljapeltojen keskellä. Ollaan asutuilla seuduilla. Niin kauvas kun silmä kantaa näkyy viljelyksen jälkiä. Sadun kaunistama Permin maa aukeaa silmien eteen ja sen muistot nousevat kätköistään. Tuolla jossakin siintävien salojen helmassa lepää Pam Permin kuuluisa tietäjä, joka samoin kuin länsisuomalainen Lalli on yksi niitä harvoja suomen suvun pakanuuden ajan urhoja, jotka uljaina kansallisuutensa ja muinaisuutensa puoltajina ovat jättäneet nimensä aikakirjoihin. On kuin Pamin sotahuudon kaiku vielä kiirisi Permin metsissä: älkää uskoko, veljet, moskovalaisia, uskokaa enemmän esi-isiämme! Vaikkakin vihreäkattoiset, venäläiset kirkot kertovat syrjäänien käännyttäjän pyhän Tapanin voitosta, elää

kuitenkin vanha perintö sitkeästi polvesta polveen monessa metsäkylässä.

Aivan lähellä juna kulkee tietä myöten komea karavaani. Ensimmäisen kuorman nurkkauksessa on pieni punainen lippu liehumassa. Kuormasto näyttää suuntaavan kuluaan kaukaista kylää kohti. Tien polvessa on pitkäpartaisia talonpoikia kuormineen ojassa. Kysyn vieressäni olevalta ukolta, mikä merkitys on lipulla tuolla kuormaston nenässä ja saan vastaukseksi, että siinä kuljetetaan "kruunun juomaa". Lippu on pystytetty, jotta vastaan tulijat tietäisivät väistyä syrjään, sillä kruunun kuormaston ei tarvitse tietä antaa.

Illan hämärtyessä juna kiihtää yli Kaaman lähes kilometrin pituisen jättiläisillan ja pian ollaan Permin kaupungissa, jota venäläisillä on tapana nimittää Siperian portiksi. Kaupunki, joka on tunnettu vain kauppakaupunkina, siperialaistavarain välittäjänä, ei minusta ole millään tavalla mielenkiintoinen. Siirrän kelloani paikkakunnan ajan mukaan pari tuntia Pietarin ajasta edelle ja lähden laivarantaan odottamaan ensimmäisen etelään päin menevän laivan lähtöä.

Tuntuu sanomattoman suloiselta oleskella avarassa, siistissä höyrylaivassa, kun sitä ennen on kolme vuorokautta istunut junan pölyisessä karsinassa. Sitä paitsi näillä Venäjän suurilla virroilla on erityinen tenhovoima. Rautatie on salaperäinen kulettaessaan matkailijaa vain synkkien korprien halki ja antaessaan hänelle vain harvoin ja silloinkin vain vilaukselta jotakin erikoista nähtävää. Toisin on vesiväylän laita, se on avomielinen opastaja ja sillä onkin paljon näytettävää. Samoin kuin Volgan on Kaamankin toinen ranta matala niittymaa ja toinen korkea vuoriranta. Rannan sileähiekkaisessa seinässä on lukemattoman paljon pieniä reikiä, huomaan, että pääskysset ovat tehneet niihin pesänsä. Tuolla ylhäällä ovat ihmistenkin asumukset täältä alhaalta katsoen vain kuin linnunpesiä. Kaamaa pidetään Volga-emon tyttärenä, vaikka jotkut ovat tahtoneet panna kysymyksen alaiseksi, kumpi niistä on päävirta. Kaama ei suinkaan ole Volga kapeampi, sitä paitsi sen sanotaan olevan kolme kertaa niin vuolaan kuin viimeksi mainittu. Muutamat asiantuntijat väittävät kuitenkin, että kummankin virran vedellä on oma värinsä, joten niiden kulkua voi seurata vielä senkin jälkeen, kun ne ovat yhdeksi yhtyneet ja että Volgan veden väri vihdoin Samaran kaupungin luona pääsee yksinvaltiaaksi. Mordvalaisilla onkin tapa sanoa, että Volga ja Kaama taistelevat keskenään yliherruudesta. Nämätkin joet viljavine rantoineen ovat aikoinaan olleet heimomme omaisuutta. Kaamalla on suomen suvun antama nimikin. Miten vain lienee Volga-nimenkin laita.

Laivaliike lisää seudun asukkaiden elämään uutta vauhtia ja pienet rantakaupungit, jotka talven aikana torkkuvat eristettyinä kaiken muun maailman yhteydestä, pöyhkeilevät kuten tuhma ihminen onnen päivinä. Kauppiaat tietävät, mitä heidän rauhaansa tulee ja useimmat ylempään luokkain matkustajista ovatkin punaniskaisia kauppamiehiä ja heidän pyyleviä rouviaan. Ukoilla, jotka kaiken päivää istuvat ravintolasaleissa ja latkivat punaista pihlajaviinaa, on yllään mustaverkainen polviin asti ulottuva kauhtana, jaloissa pitkävartiset kiiltävät saappaat. Rouvat pöyhkeilevät kahisevissa silkkipuseroissaan, korvissa komeat kultarenkaat. Huomaa, että tämä on kauppiaitten ja kaupanteon luvattu maa ja minua hävettää, kun täytyy kysyttäessä vastata, etten ole kauppias, vaan tavallinen ihminen.

— Mutta ettekö voisi ruveta kauppiaaksi?

Selitän, ettei minulla satu olemaan mitään myytävää, kaikki omaisuus on vain omiksi tarpeiksi.

Minua kehoitetaan ryhtymään venäläisen viljan välittäjäksi.

Vihdoin pysähdymme sille laiturille, josta on astuttava Kaaman sivujoen Valkoisen joen¹² laivaan. Kuulen hämmästykseni, ettei tänään enää saata toivoa matkan jatkamista. Onneksi on laiturilla odotushuoneita, joissa voi yöpyä. Näen, että täällä on Volgaltakin päin tullutta kansaa odottelemassa. Tulen tuttavaksi erään nuoren neidon kanssa, jolla on suuret, surulliset silmät ja kertoo palaavansa jostakin Nischni-Novgorodin luota pyhää Serafimia rukoilemasta. Olisi tunkeilevaa mennä tutkimaan tyttöltä, minkä vuoksi hän vaivaa ukko Serafimia. Sitä ei tarvitsekaan tehdä, sillä hänen äitinsä, joka matkustaa mukana ja jolla on hyvä supliikki, kertoo kaikki alusta alkaen. He ovat Birskin kaupungista. Mies-vainajan eläessä he asuivat maaseudulla. Tyttö on hermostunut, hän on vielä nuori, 23 vuotias, sulhanen on hänet pettänyt ja nyt on hän jäänyt vanhaksi piiaksi — Venäjällä on tyttö “staraja djeva” jo yhdenkolmatta täytettyään — ja siksi on hän niin rauhaton. Voi tyttö parkaa! Ja siksi hän lähtee Birskistä Nischni-Novgorodiin vaivaamaan pyhimystä, jolla luonnollisesti on paljon muitakin tehtäviä.

Ollaan Valkoisella joella. Joki on saanut nimensä siitä, että sen vesi Kaaman ruskeaan veteen verraten on paljon vaaleampaa. Tämän seudun

¹² Joen nimi venäjäksi on *Belaja*.

asukkaat ovat enimmäkseen baskiireja. Useimmissa rannalla sijaitsevilla kylissä kohoaa minareetti, muhamedilaisen kirkon torni. Tornin huipussa on puolikuu. Laitureillakin on enimmäkseen vain tatarilaisia tyyppejä. Miesten hiukset ovat partapuukolla kerityt ja naiset verhoavat silmiään liinan kulmalla. Muutamat tatarirouvat ja -neidot ovat pukeutuneet sivistyneiden venäläisten tavalla. Kuka uskoisi, että tatarit, joita Suomessakin joskus näkee laukku olalla kiertävän, ovat Venäjän valtakunnalle vaarallinen sivistyskansaa, jolla on omat kirjapainonsa, sanomalehtensä vieläpä Kasanissa — teatterinsakin.¹³ Venäläiset itse pitävät siistejä ja hienotunteisia tatareja suuressa arvossa, heitä kohdellaan aivan toisin kuin suomensukuisia kansoja.

Pienessä höyrylaivassa elämä tuntuu varsin kodikkaalta, kursailematta kukin lähestyy toistaan. Ennen pitkää minulla on selvillä, mikä kukin matkustavainen on. Tuo harmaahapsinen, hienopiirteinen venäläinen rouva, jonka palvelijatarkin matkustaa ensimmäisessä luokassa, tulee Moskovasta ja menee kesää viettämään kreivi Mordvinin maatilalle. Tuo nuori herra tuossa on tatar-opettaja Kasanista ja nainen hänen rinnallaan on tatarilyoppiilas. Nuo iloiset, tirsкуvat tytöt tuolla ovat Kostromasta. Ja tuo kalpea pietarilainen laulajatar, jonka poskilta pääkaupungin elämä on punat karistanut, matkustaa jonnekin lepokotiin nauttimaan kumissia s. o. alkoholipitoista hevosenmaitoa, jota Venäjän lääkärit suosittelevat kaikille vähäverisille. Alikerrassa on kaikenlaista kirjavaa kansaa. Suurinta huomiota herättää mustalaisseurue, joka likaisena, kirkuvissa väreissään loikoilee matoilla, miehet ja naiset yhdessä, pähkinöitä pureskellen. Seurueeseen kuuluu myös pari apinaa, jotka ovat mustalaisten leikkitovereita. Myöhään yöhön kuuluu sieltä balalaikan soittoa ja kun se vaikenee, raikuu rannan tammilehdoista satakielen viserrys.

Ennen pitkää olemme sivuuttaneet Birskin, joka on vähäpätöinen piirikuntakaupunki. Valkoisen joen maisemat käyvät yhä vaihtelevimmiksi. Kaunis on varsinkin etelänpuoleinen korkea ranta, jossa kulkee eräs Uralin sivuharjuja. Ufasta lähtee sitä myöten rautatie Slatoustiin, jota ihanan vuoriluontonsa vuoksi kutsutaan Venäjän Sveitsiksi.

¹³ Alkuperäistekstissä on painovirhe. Kyseinen kohta on siinä kahtena lauseena seuraavassa muodossa: “Kuka uskoisi, että tatarit, joita Suomessakin joskus näkee laukku olalla kiertävän. Venäjällä, ovat valtakunnalle vaarallinen sivistyskansaa, jolla on omat kirjapainonsa, sanomalehtensä vieläpä Kasanissa — teatterinsakin.”

Laivamme ei mene Ufaa edemmäksi ja edemmäksi ei minulla olekaan asiaa. Täälläkin on käytävä vain kuvernöörin puheilla saadakseni valtakirjan oleskelua varten maaseudulla. Vähän on vielä aikaa kaupunkiin tutustua, joka väkilukunsa puolesta ei liene Helsinkiä vähäisempi. Toreilla, kaduilla ja rakennuksilla on itämainen leima. Kaupungin suurin kauppatalo, jossa ei ole ainoastaan kankaita ja jalkineita, vaan myös kirjoja ja ruokatarvikea, vieläpä venäläisiä pyhimysten kuvia, on tatarilaisen yhtiön. Ravintolassa pistää silmääni seinällä oleva painettu kirjoitus: yleisöä pyydetään ystävällisesti ottamaan lakit päästään. Käväisen myös parturituvassa ja huomattessani, että muiden päät keritään partapuukolla, noudatan paikkakunnan tapaa. Postikonttoriinkin pitää pistäytyä, siellä herättää huomiotani seinällä oleva puukehyksellä varustettu taulu, jossa on paljon muutokuvia. Astun lähemmäksi ja näen, että taulun yläosaan on kirjoitettu suurin kirjaimin: varokaa taskuvarkaita! ja että alempana olevat kuvat esittävät tunnetuimmat niistä. Taulussa on 23 mies-, 8 naishenkilön ja 2 lapsen kuvaa.

Kun vielä olen pannut eväslaukkuni kuntoon, olen valmis lähtemään tsheremissikylään.

Erisukuisten kansain kylissä¹⁴

Viime yön vietin venäläisen tuvassa, nyt olen poikennut tatarin taloon.

Ei voi olla ihmettelemättä nähdessään, miten erisukuiset kansat täällä elävät naapureina ilman, että voi huomata minkäänlaista kateutta tai rajariitaisuutta niiden kesken. Samalla lakeudella on toinen toistensa näköpiirissä kyliä, joissa ei ainoastaan ole murteen eroavaisuus, vaan koko kansallisuuden: kielen, tapojen ja uskonnon. Tuolla on joen rannalla venäläinen kylä, jossa oikeauskoisen kirkon kupoli kiiltää päivän paisteessa, tässä kylässä on muhamedilainen rukoushuone ja edempänä häämöittää votjakkien ja tsheremissien uhrilehdot, jotka muinaisen metsän muistomerkkinä kohoavat muuten miltei puuttomasta

¹⁴ Uusi Aura, 24. elokuuta 1913. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 121, 124 ja 126.

tantereesta. Eniten herättää huomiotani se, että nämät erisukuiset ihmiset joskus käyvät kesteissäkin toinen toistensa luona. Olen nähnyt, miten vierasvaraisia he ovat toinen toisilleen syöden samasta pöydästä ja juoden samasta samovaarista. Yhteisenä puhekielenä on tatarinkieli, jota suomensukuisten kansain naisetkin osaavat.

Kyytimies kantaa tavarani tataritupaan, sillä aijon levähtää vähäisen lähteäkseni uudelleen taipaleelle. Rakennus on uusi, kaksinkerroksinen puutalo, jossa yläkerros on alakerrosta avarampi ja jonka ympäri on tehty puuleikkauksilla koristettu kapea veranta. Paitsi vierastupaa on alakerrassa kauppapuoti. Isäntä on kauppias. Yläkerrassa, jossa ikkunat ovat vartutetut valkoisilla verhoilla, asuvat hänen arvoisat rouvansa. Kaikesta näkyy, että Allah on antanut runsaan siunauksen tatariukon kauppahommille.

Tupa, jossa vietin viime yön oli vähävarainen, huomattavimmat huonekoristeet olivat samovaari pöydällä, nurkassa karpästen likaama jumalankuva ja lämpimän uunin kupeella kiiltävät torakat. Täällä ei ole kumpaakaan viimeksi mainituista, sitä vastoin lattian perällä olevalla permantokorokkeella on samovaari suuri ja komea. Seinällä on koreita paperikuvia esittäen etelän moskeoita, pyhiinvaelluskulkeita y. m. Minua pyydetään istumaan ja alleni asetetaan pehmeä, käsin ommeltu tyyny. Pidän paljon tatareista, sillä heidän tupansa ovat siistejä ja ruokansakin sellaista, että sitä saattaa nauttia. He eivät viljele väkijuomia yhtä runsaasti kuin venäläiset, heidän uskontonsa kun kieltää sen ja siksi he ovat yleensä varakkaita ja ihanteellisia. Venäläisten pohjaton viinanhimo hävittää heistä kaikki harrastukset ja ihanteet: kaikki on — ei mitään.

Kun kyytimieheni on juonut teetä ja lähtenyt, tulee tatariukko luokseni keskustelemaan Suomesta ja suomalaisista. Näytän hänelle suomalaisia rahoja ja hän innostuu yhä enemmän. Hän on erittäin tiedonhaluinen. Hän tietää yhtä ja toista meikäläisistä, tietää senkin, että tsheremissit ja votjakit ovat suomensukuista kansaa. Senkin hän tietää, että suomalaisilla on samoin kuin venäläisillä [...]¹⁵

Hänellä on itsellään useampia vaimoja. Muhamedilaisten pyhä kirja sallii tunnustajainsa valita itselleen neljä virallista vaimoa. Hän jakaa rakkautensa vain kolmen kesken. Huomautan hänelle, että kristityt väittävät tatarivaimojen alinomaa olevan tukkanuottasilla. Isäntäni

¹⁵ Lauseen loppu puuttuu.

hymyilee ja sanoo, että niin varmaankin olisi asianlaita jos akkavalta olisi muhamettilaisten keskuudessa yhtä suuri kuin kristittyjen. Tiedän ennestäänkin, ettei naisasian aatteet ole saaneet täällä jalansijaa. Nainen on tykkänään miehen vallan alainen. Jo syntyessään on tyttö-lapsi poikaa vähäarvoisempi. Kun hän kasvaa vähän toiselle kymmenelle, määrää isän mielivalta hänelle tulevan kohtalon. Jos hän tahtoo tai ei, kun isä kerta on kosijan tarjoomaan aviohintaan suostunut, on hänen mentävä miehelle, oli tämä sitte miten ikäloppu tai miten monen vaimon mies tahansa. Ja vaimona on hän “miehelle myyty” ja miehen vallassa; jos hän kapinoi, vain yksi sana miehen suusta ja avioero on annettu. Naisen asema ei todellakaan ole kehuttava tatarien keskuudessa. Ainoa ase naisen kädessä on hänen kauneutensa tai joku muu naisellinen lumousvoima, jolla hän kiinnittää miehen itseensä. Ja muhamedilaiset naiset osaavakin ovelasti käyttää Allahin heille antamia aseita. Avioerot eivät — kuten meillä — täällä kuulu päiväjärjestykseen ja mitä eripuraisuuteen tulee, ei se liene niinkään vaarallista laatua kuin Euroopassa arvellaan. Eräs tataritalokas kertoi, että hänen ensimmäinen vaimonsa itse vaati häntä ottamaan toisen elämäkumppanin, kun hänellä muka oli vähän seuraa ja liian paljon työtä. Tavallisesti on kuitenkin vain varakkailla useampia vaimoja. Olen paikkakunnalla kuullut seuraavan eri kansallisuuksien luonteita kuvaavan sananparren: kun venäläinen rikastuu, rupee hän kaupiamieheksi, kun tatar rikastuu, ottaa hän itselleen uuden vaimon, mutta kun tsheremissi saa rahoja hän piilottaa ne maahan.

Lisäksi — selittää isäntäni — kristityt luulevat, että tataritalon vaimot elävät kaikki yhdessä ja samassa tuvassa, mutta niin ei ole asianlaita. Kun uusi vaimo tuodaan taloon, on hänelle varattava oma tupa. Isäntä selittää, että hänenkin vaimoillaan on kullakin oma, erityinen salinsa. Kukin asuu erikseen, omat lapset ympärillään, kukin keittää ja syö oman ruokansa, kullakin on oma samovaari, ompa erityinen kuistikin, ainoastaan puutarha on yhteinen. Mies vieraillee kunkin vaimonsa luona yhtä pitkän ajan, tavallisesti viikon päivät. Vaimoa vaihtaessaan hän käy saunassa ja pukeutuu toiseen silloisen lemmittynsä ompelemaan pukuun. Tatariukko puhuu suurella kunnioituksella vaimoistaan.

Kysyn ohimennen, eivätkö hänen emäntänsä ole millään tavalla osoittaneet mustasukkaisuutta toinen toisilleen. Hän pudistaa päätään ja sanoo, ettei kunnollisen aviomiehen sovi antaa sellaiseen aihetta. Hänen tulee rakastaa heitä kaikkia yhtä paljon eli kuten isä lapsiaan. Vaikka asia on arkaluontoinen en voi olla tiedustelematta, rakastaako hän

todella kaikkia kolmea yhtä palavasti. Ei tietenkään — hän huomauttaa — kaikkia saata rakastaa aivan samalla tavalla. Vanhimman, joka on häntä itseään vanhempi ja jonka jo isä-vainaja oli katsonut pojalleen elämäkumppaniksi hän ihailee viisautta, toisen toimeliaisuutta ja kolmannen kauneutta. Kolmas, joka on nuorin ja vasta hiljattain taloon tuotu, ei ole ukon mielestä ehtinyt saada yhtä paljon rakkautta kuin vanhimmat vaimot.

Minulla ei ole kunnia päästä hänen lemmittyjensä tuttavuuteen, sillä yleinen tapa kieltää tatarinaisen seurustelemasta vieraan miehen kera, ulkoilmassakin kulkiessaan hänen tulee vaatteellaan verhota kasvonsa.

Muhamedilaisten tavat ja menot ovat minusta mielenkiintoisia, mutta tällä kertaa ei ole aikaa niihin syventyä sillä uudet hevoset odottavat jo valjaissa.

Ennen pitkää nousee näköpiiriini yhä useampia uhrilehtoja, jotka osoittavat, että olen jo saapunut niiden kansain keskuuteen, jotka eivät vielä ole muhamedilaisia eikä kristityitä, vaan yhä edelleen elävät esisien tavan mukaan. Ne ovat suomensukuista kansoja. Ensimmäinen kylä tien varrella on votjakkikylä. Kyytimiehen sanomattakin voin sen nähdä naisten pukimista. Itävenäjän suomalaiskyliin tullessa kiinnittää matkailijan huomion ensiksi omituiset kansallispuvut, joita varsinkin naiset kantavat. Ne eivät ole täällä vain juhlapukuja, vaan myös työvaatteita. Kun vieraan saapuessa uteliaat ihmiset saapuvat häntä kurkistelemaan, tuntuu siltä kuin yhtäkkiä olisi joutunut suureen ulkomuseoon. Noita omituisia, arkoja, salaperäisiä kaukana uudemman sivistyksen kosketuksesta kasvaneita olentoja katsellessani mielen täyttää samanlainen hartaus kuin museossa menneiden aikain esineitä katsellessa. Se vielä lisää tunnelmaa, että täällä muinaisuus *elää*. Se on minusta suuremmosta, sillä se on oman sukuni muinaisuus. Kansa tuossa edessäni ei aavista, millaisella mielellä sitä katselen.

Sivuutimme pian votjakkikylän, joka herättää minussa vanhat muistot ja kokemukset, sillä pari vuotta sitte matkustelin heidän keskuudessaan. Tällä kertaa tahdon tutustua tsheremisseihin ja heidän elintapaansa. Minulla on osoite taskussani mihin mennä ja kyytimieheni tuntee kysymyksessä olevan kylän. Ulkomuotonsa puolesta eivät tšekäläiset kylät suinkaan vaihtelee, eroavaisuus on vain kansan, joka niissä asuu. Votjakit ja tsheremissitkin, vaikka ovat sukulaiskansoja, eroavat toisistaan siinä määrin, etteivät edes ymmärrä toinen toistensa kieltä. Sitä paitsi poikkeavat tavat ja menot näillä naapurikansoilla suuresti toisistaan.

Illan tullen aukeaa tsheremissikylässä raskas portti ja talonväki tulee pihalle vastaan ottamaan kaukaista vierasta, joka on saapunut kesää viettämään heidän keskuuteensa. Paikkakunnan tsheremissit kuuluvat olevan hyvin vanhoillisia ja taikauskaisia noudattaen tarkoin ikivanhoja tapojaan. Siksi he ovat minusta mielenkiintoisia. Kylä itse näyttää olevan köyhä ja likainen, lapsilla, jotka tulevat kapineita katselemaan on useilla sairaat silmät. En vielä tiedä, minkä tuvan otan asunnokseni. Naiset kiehauttavat minulle samovaarin ja harvasanainen isäntä kurkistelee minua salavihkaa ikäänkuin hän tahtois kysyä: miksi tänne saavuit, mitä sinä meistä tahdot? Pakanakansat kovin arastelevat kristityitä.

Illallista syötyäni koetan tehdä tuttavuutta talonväen kanssa. Selitän heille, että olen samaa kansanheimoa kuin he, mutta he ovat kaikki hyvin ujoja ja harvapuheisia. Näen, etten enää ole vilkkaiden venäläisten eikä puheliasten tatarien seurassa ja kuitenkin tunnen jotain salaista rakkautta tätä kansaa kohtaan, sillä sen kielessä on sanoja, joihin lapsuudesta asti olen tottunut: puu on “puu”, tuli on “tul” ja itse Jumala on “Jumo”. Ja sen luonteessakin on jotakin oman kansani luonteesta.

Vähitellen käy perheväki pihalla vajoihinsa nukkumaan. Isäntä kysyy minulta, missä haluan viettää yöni selittäen, että tuvassa on paljon syöpäläisiä ja että ihmisillä siksi on kesän aikana tapana nukkua ulkona. Minullakaan ei ole halu jäädä tupaan, vaan valmistan itselleni vuoteen oljista vajassa oleville vankkureille ja nukahdan nähdäkseni unta Suomesta.

Pyhäpäivä tsheremissikylässä¹⁶

Tänään on perjantai, tsheremissien pyhäpäivä.

Lattia on lakaistu ja koti asetettu juhlauntoon. Permannon perällä seinässä kiinni olevalle lavitsalle, jota päivin pidetään istuma-, öin nukkumasijana on levitetty valkoisia huopamattoja ja niiden päälle sinne tänne punaisia patjoja. Ikkunan pielissä oleviin nauloihiin on ripustettu käsiompeleella kaunistettuja pyyhliniinoja, jommoisia riippuu myös katossa olevilla orsilla. Sitä paitsi prameilee seinillä ja orsilla joukko naisten pukuja talon varallisuutta todistamassa.

Ettei tänään ole valjennut vain tavallinen arkiamu, sen huomaa pöydällä vanha samovaarikin, joka uskollisesti ottaa osaa tsheremisiperheen iloihin ja suruihin, nähdessään, että sen alle tänään on asetettu suuri vihreä tarjotin ja jokapäiväisten, lovellisten pakkakuppien sijalle paksuja juomalaseja ja porsiinikuppeja.

Juhlatunnelma liikkuu myös perheen emännän kintereillä irroittaessaan läkkiseen hunajakuppiin takertuneita karpäsiä tai ravistaessaan russakat lattialle sokerituohisesta, jota hänen arkiaikana lasten vuoksi on pakko pitää korkealla katon rajassa tai kun hän taittaa kuivahtaneesta teekakusta kourallisen n. k. tiiliteetä, hieroo sen hienoksi kämmenissään ja sirottaa ruskehtuneeseen teekannuun, jota ei ajan hammas suinkaan ole säästänyt. Kiireessään hän pyörähtää myös permannon alle, josta hän touhuten tuo puulautasella kukkurallisen keltaista voita.

Talouden toimissa on äidin tukena vanhin tytär, jonka katseessa on jotakin niin huolehtivaa ja elämänymmärtävää, vaikkei hänen suortuvillaan vielä lepää naidun naisen päähine. Aamulla varhain hän on noussut askareilleen, kantanut vettä purosta — tsheremissikylässä ei ole kaivoa —, pyyhkinyt nuorempien lasten naamat märällä tukolla ja pukenut ne puhtaisiin paitoihin. Nyt hän keikkuu tulipunaisin poskin uunin ääressä ja paistaa hernejauhoista valmistettuja ohukaisia, joiden pintaa hän voitelee rasvalla. Pikku siskot tirkistelevät ovipielessä pureskellen sieniä, jotka, vaikkakin ovat keittämättömiä, näyttävät heistä olevan yhtä maukkaita kuin meikäläisistä marjat. Kaikilla on jaloissaan uudet, valkeat niinivirsut.

¹⁶ Uusi Aura, 7. syyskuuta 1913. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 129–130.

Ei ole tsheremissien pyhäpäivä Suomen sunnuntai. Ei kannä täällä tuulhenki helmassaan aamukellojen kaikua. Ei täällä myöskään näy missään kirkkopolkua eikä sillä astelevaa mustapukuista kansaa. Ei edes sytytetä kynttilää kotona, kuten tekee venäläinen viikon suurimpana päivänä. Perjantain vietto on tullut tsheremisseille tatarien taholta, joiden muhamedilaisen sivistyksen kosketus on heille saapunut paljoo aikaisemmin kuin kristinuskon. Silti eivät tsheremissit ole islamin tunnustajia, perjantai on heille vain lepopäivä ilman minkäänlaisia seremonioita ja tsheremissiuukko istuu kotona, silloin kun tatarivanhus riisuu kenkensä ja kapuaa hartaana rukousmatto kainalossa temppeeliinsä. Kuten monelle meikäläiselle on lepopäivä täällä samalla myös huvi- ja vieraspitopäivä.

Nähdessäni, että vieraat jo saapuvat poistun tuvasta, sillä en tahdo heitä häiritä. Istun pihalla olevaan keittuhuoneeseen, jossa kesän aikana tavallisesti valmistetaan perhekunnan ruoka ja aterioidaan. Talvella sitä pidetään taloustavaroiden säilytyspaikkana, mutta ennen muinoin on tällä rakennuksella ollut paljoo huomattavampi merkitys. Olen monasti istunut sen kynnyksellä ja katsellut perheen emännän hommia ja vanhanaikaisia talusesineitä, mutta ennen kaikkea itse rakennusta.

Ja kuitenkin se on niin koruton ja vaatimaton! Se on neliön muotoinen veistämättömistä hirsistä kyhätty ladon tapainen rakennus, jossa ei ole välikattoa, ei uunia eikä ikkunaa ja jossa on lattiana itse kovaksi tallattu tanner. Sen keskellä on paljaassa maassa tulensija, jonka yllä riippuu katto-orssiin kiinnitetyissä haakloissa rautainen pata. Savu kohoaa ilmaan lautakatossa olevan räppänän kautta. Pirtin sivuseiniä kulkevat leveät honkaiset penkit ja ovensuun puolen nurkassa on vanhanaikainen pöytä. Sellainen se on tämä rakennus, joka nykyisen uunituvan tultua käytäntöön on syrjäytynyt pihan perälle. Kuka siellä enää viitsii värjöttää talvikylmässä! Mutta tsheremissi tietää, että taatot ovat sen tehneet ja että juuri se on ollut mari-kansan — niin kutsuvat tsheremissit itseään — entisaikainen, ainoa asuinrakennus.

Ja siihen liittyvät muistot eivät ole ainoastaan tsheremissille kalliita. Sen nimi “kuda”, joka on meidän kielemme “kota”, viittaa tuohon etäiseen aikaan, jolloin tsheremissit ja suomalaiset elivät lähellä toisiaan samaa kieltä puhuvana kansana. Kaukana vilkkaan länsieuroopalaisen sivistyksen vaikutuksesta on veljeskansamme voinut meidän päiviimme asti säilyttää tämän merkillisen rakennuksen, josta meillä suomalaisilla on jäljellä ainoastaan tuo kaunis sana — “koti”. Istun tsheremissikodan kynnyksellä ja haaveilen menneiden aikojen elämää.

Olen juuri miettimässä kodin, vaatimattomankin merkitystä ja kalleutta ihmislapselle ja sen lieden erikoislämpöä, kun talon tytär yhtäkkiä yllättää minut kesken kauniimpia haaveitani. Hän, joka äsken seisoi tuvan uunin ääressä niin heloittavan onnellisena, itkee vetistelee. Nähdessään minut hän aikoo kääntyä. Kysyn, mitä hän suree, mutta hän ei vastaa. Olen utelias tietämään, mitkä kyneleet tyttö parka uskoo hiljaiselle kodalle ja menen tupaan tiedustamaan. Pian onkin selvillä koko jupakka. Tuo nuori mies tuossa, joka seisoo arkana portailla ja jolla on yllään pitkä valkea verkatakki ja vyöllä punainen, käsin palmikoitu vyö, on saapunut pyytämään neitoa vaimokseen. Vanha ukko, joka tuvassa toruu talon isännän kanssa, on hänen isänsä. Penkillä ovensuussa on niinikontissa eväitä, ennen muita pistää silmäni suuri pullea viinapullo. Eväät ovat vieraiden tupaan tuomat, mutta isäntä ei tahdo mitään maistaa. Se on paha enne, sillä se merkitsee, ettei hän suostu aviokauppaan. Ei tahdo antaa tytärtään keskellä kesäkiireitä, joskin hyvä aviohinta houkutteleisi. Tyttö olisi valmis lähtemään miehelle, mutta isä tiuskasee vastaan.

Koitan puhua tytön puolesta, mutta se ei auta. Tarjoudun työtäkin tekemään nähdessäni, että työllä on hyvä halu mennä, mutta isäntä vain hymyilee ja puistaa päätään. Ei niitä tsheremissityttöjäkään niin vaan oteta. Tyhjin toimin saavat tulijat poistua eväineen.

Mutta ei kestä kauvan, ennenkuin tuvassa on jälleen uusia vieraita, sillä tänään on yleinen, kylän yhteinen vieraspäivä. Kun palaan kävelyiltä näen paljon outoja kasvoja koreissa pukimissa. Mitkä ovat kaukaisia sukulaisia, mitkä oman kylän ystäviä. Pöydällä olevaan voihiin ovat hyväntahtoiset vieraat asettaneet kuparirahoja kestiystävyyden merkiksi. Kenellä ei ole rahaa, pistää siihen sormestaan hopeaisen sormuksen. Tsheremissien kohteliaisuuden osoitukset ovat eri kuin meillä ja meikäläinen hyväkin salonkiherra voisi täällä helposti kompastua. Tuossa tulee emäntä vanhanaikainen pahkakuppi kädessään tarjoamaan sinulle mesijuomaa, mutta kyllä hän ja koko tupa katsoo pitkään, jos siitä juot. Ensiksi pitää sinun tarjota sitä emännälle. Hän maistaa vähän, menee jälleen pöydän ääreen ja täyttää astian. Nyt vasta kun hän toistamiseen tarjoo, nouse ja juo. Jollet juo, on se mielenosoitus ja siitä puhutaan vielä toisissakin pidoissa. Vaikkei olisikaan jano, pitää kuitenkin kostuttaa huulensa. Se on tsheremissien tapa! Tai jos tahdot tanssia, olet tuhma, jos ilman muuta lähdet lattialle pyörimään. Ensin on sinun täytettävä malja ja tarjottava sitä seuran vanhimmalle, jos tämä silloin juo, ole hyvä ja tanssi. Mutta jos hän työntää maljan luotaan, istu alallasi.

Kaikessa on pienet temppunsa ja ken niistä oikein osaa vaarinottaa, hän vasta todella on hieno seuraihminen.

Ainoa varjopuoli tsheremissipidoissa on liiallinen viinan nauttiminen. Täällä eivät juo ainoastaan täysikasvuiset niin hyvin miehet kuin naiset, vaan usein myös lapset. Eivätkä nuo muuten arat ja harvapuheiset ihmiset ole kauvan istuneet ääneti, ennenkuin isäntä käy irrottamaan kielen kahleet. Viina on täällä se välttämätön vilkkautta antava voima. Ennen pitkää alkaa jo tuntua humalan vaikutus. Ihmiset eivät enää malta istua alallaan. Useat nousevat lattialle tanssimaan, vaikka vielä joku hetki sitte eivät olisi tehneet sitä edes rahan edestä. Kovin omituisia on tsheremissitanssi! Enimmäkseen vain pyörimistä ja jalkojen koputusta. Meikäläisiä tansseja, joissa parittain pyöritään ei se muistuta. Kukin tanssii yksin tai jos seurassa, eivät tanssijat tartu toisiinsa, vaan heiluttamalla ruumistaan, joskus iloisesti hihkuen, sivuuttavat toisensa. Vanhatkin akat, kun ovat hiukan vilkastuneet, menevät lattialle pyörimään. Koko ajan säestää tanssia mielestäni yksitoikkoinen ja valittava mutta tšekäläisten mielestä iloinen ja intohimoinen säkkipillin sävel.

Arvokkaimmat vieraat istuvat patjoilla pöydän ääressä, keskustelevat ja laulavat. Laulu liittyy läheisesti tsheremissien pitopöytänsä. On kerrassaan häpeä, jollei pidoissa lauleta. Katselen kummissani, miten liikutettuja he ovat laulaessaan. Ja kuitenkin ei sävel eivätkä sanatkaan mitään merkillisiä ole. Kaikissa lauluissa näyttää olevan sama nuotti, ainoastaan sanat vaihtelevat. Milloin kiitetään perheväen vieraanvaraisuutta, milloin pyydetään naapureita tulemaan muidenkin luo kesteihin. Kutsun kuuluaan ystävät kumartavat ja kiittävät. Naisilla on jo vesi silmissä — kiitos vieraanvaraisuuden ja venäläisen juoman —, vaikkei pöytälaulun sanat olisi sen enempää tunteita herättäviä kuin:

— Samovaari on ostettu markkinoilta, vesi on omasta purosta.

Illan hämärtyessä ovat ihmistenkin mielet jo hyvin hämärtyneet. Pihasta kuuluu huutoa ja rähinää. Tappelunhaluisia ei kuitenkaan lasketa tupaan. Joku ukko paha on jo väsyksissä asettunut penkin alle nukkumaan. Täytyy todella olla väsynyt, ken tässä hälinässä voi nukkua. Vähitellen siirtyvät nuoret kyläkadulle leikkimään. Viimeiseksi jää lattialle pyörimään ainoastaan nuori vaimo, jonka avoimessa rinnassa riippuu pienokainen. Hän on niin humaltunut, että hän tuskin jaksaa kannattaa sydänpäpyään. Tanssiessaan hän laulaa lukemattomat kerrat pientä laulua, johon kuitenkin näyttää mahtuvan koko hänen nuori elämänsä:

— Olen Sernur-kylän tsheremissin tyttö, mutta Konganur-kylän miehen vaimo.

Kun eräälle vanhukselle ilmaisin ihmettelyni liian runsaasta viinan käyttämisestä, hän selitti sen johtuvan siitä, että venäläiset perustavat viinakauppoja maakyliin liian tiheään. Sen vuoksi ollaan aina tilaisuudessa juomaan miten paljon tahansa. Ukko, joka ei näyttänyt olevan erittäin suuri viinan suosija, vaikkei hänkään ollut jäänyt siitä osattomaksi, valitteli väkijuomain tuottamia tuhoja. Esimerkkinä hän mainitsi — sen hän teki monta, monta kertaa —, miten eräs nuori vaimo muutama kevät sitten pitopaikasta palatessaan hukkui heikkoihin jäihin. Onneksi hän oli jättänyt rintalapsensa kotiin niin, ettei se hukkunut äitinsä mukana. Nyt kuuluu vainaja kaipaavan pienokaistaan, sillä, kuten tarina kertoo, ovat kalastajat kuulleet äiti polon ennen aamun koittoa hukkumapaikassa valittavan:

— Rintani täytyvät maidolla, pien' lapseni itkee kotona.

Sellainen on tsheremissien pyhäpäivä ja sellaiset heidän vieraspitonsa.

Tsheremissien elinkeinoista¹⁷

Tätä nykyä on tsheremissien pääelinkeino maanviljelys, ja kielimiehet olettavat eräiden siihen viittaavien yhteissanain perustuksella että se on ollut heillä jossakin muodossa tunnettu jo ennen kuin Itämeren suomalaiset syystä tai toisesta erkanivat volgalaisista veljeskansoistaan.

Kansani, jos sinä todella kerran nuoruutesi hetkinä olet laulanut maamme-laulusi täällä Volgan vienoilla vesillä, miksi olet siirtynyt näiltä mustan mullan mailta Suomen suoperäisten metsien helmaan? Miksi et ole jäänyt virittämään juhannustuliasi näiden suurvirtojen varsille, missä lauhkeimmat tuulet puhaltavat ja satakieli soittaa kaiken yötä? Vai Pohjolan kesäyön valoko on houkutellet sinua jättämään entiset asuinsijasi tai vainovuodetko ja kovat kohtalot?

¹⁷ Uusi Aura, 14. syyskuuta 1913. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 136–137 ja 139.

Mikä lieneekin ollut synnä, joka tapauksessa se on onneksi ollut. Kuinka sanonkaan, onhan elämä helpompaa Volgan viljavilla vainioilla. Ei ole pakko tehdä työtä yhtä “otsa hiessä” kuin Pohjan perillä. Onhan täällä hieno, hedelmällinen multa, joka ojittamatta ja lannoittamatta kantaa runsaana sadon. Eikä täällä lyödä koskaan kuokkaa tai kirvestä kiveen, kiviä kun yleensä ei ole olemassa. Täällä ei myöskään ole talokkaan tarvis yökylmien vuoksi viettää unettomia öitä, sillä ainoastaan ani harvoin käy halla vieraana Volgan rantojen kylissä. Mutta sittenkin! — joskaan ei täällä ole kiusaa kivistä ja ojista, ei täällä myöskään mikään kannusta maamiestä uhrautuvaan uutteruuteen ja joskaan ei täällä hallan tuhotyöt ole yhtä tuttuja kuin meillä Suomessa, ei täällä myöskään tapaa — Saarijärven Paavoja. Kansa on yleensä velttoa ja epäkäytännöllistä ja se kai on ollut yhtenä synnä siihen, ettei se ole jaksanut kohota ja edistyä.

Vanhanaikaisella kannalla on tsheremissien maanviljelyskin. Kyläkuunta, jonka rakennukset ovat rakennetut yhteen ryhmään kyläkujan kahden puolin — joskus on kylässä ristikuja — viljelee ympärillä olevia maita kolmessa lohossa. Yksi osa on rukiin, toinen kevättoukujen ja kolmas, niittymaa, karjan hallussa. Kullakin talokkaalla on yhteisessä vainiossa oma tilkkunsa, jonka vain kapea piennar erottaa naapurin osuudesta. Aitoja ei ole ensinkään, sen vuoksi pitää karjan kintereillä aina olla paimen, jonka edesvastuussa kylän yhteiset laumat kaiken kesää kuljeksivat. Viljelyskasveista ovat tärkeimmät talvehtiva ruis sekä ohra, kaura, vehnä, tatari ja herneet. Vaatetustaan varten viljelee tsheremissi myös suuret määrät hamppua.

Jo edellä on mainittu, ettei tsheremissien maanviljelys meikäläiseen verraten vaadi yhtä paljon työtä eikä aikaa. Maan muokkaamisen on heille vain leikin tekoa. Kun vainio keväällä lumen sulettua on jonkin verran kuivahtanut menee kylä kynnölle yhtenä ja samana päivänä. Edellä astuu henkilö, jota pidetään kylän onnellisimpana eli, jolla toisin sanoen on “kevyt käsi”. Multa sekoitetaan sahralla, jolloin kukin pitää huolta omasta osuudestaan ja heti sen jälkeen toimitetaan kylvö. Ja niin on kaikki valmista. Touvon tekoon liittyy täällä eräs omituinen taika. Ensimmäiseen kylvökopsaan asetetaan näet jyvien lisäksi kovaksi keitettyjä kananmunia, joita kylväjä siemeniä siroittaessaan silloin tällöin heittää ilmaan. Taijalla lienee esikuvallinen tarkoitus saattaa kylvetty touko kantamaan yhtä suurta, valkeata ja maukasta jyvää kuin itse kanan muna. Kylvön aikana keräävät pellolle kokoontuneet tytöt ilmasta putoavat munat talteen. Onnellinen se, ken niitä sattuu saamaan

helmaansa suuremman määrän, sillä hän tietää tulevaisuudessa pääsevänsä monen lapsen äidiksi. Tyttöjen horjahtamisesta leikkiessään ukot ennustavat, että viljakin kesällä tulee nuokkumaan täysinäisten tähköpäiden painamana.

Kun kevättouko on tehty on tsheremissi tyytyväinen, sillä ei hänellä ole pitkään aikaan mitään tekemistä. Jokaviikkoinen lepopäivä on sen vuoksi aivan ylellisyystavaraa eikä se olekaan tsheremisseillä alkuperäistä. Melkein kokonaisen kuukauden he laiskottelevat ja heillä onkin taikauskoinen käsitys, ettei kevätkesällä, varsinkaan rukiin kukinta-aikana, sovi toimittaa mitään ulkotöitä. Aika on “vihainen”. Keskipäivällä ei saa edes laulaa tai soittaa puhumattakaan mistään pauketta tai ryskettä aikaansaavasta työstä. Monet muutkin toimet ovat kielletyt kuten vaatteiden pesu, lankojen värjäys ja veden ammentaminen likaisin astioin. Rangaistuksena pelätään ankaria ukonilmoja tai tuhoatuottavia raesateita. Mainittu “hiljainen” aika päättyy vasta kun kesantokyntö alkaa vähää ennen heinän tekoa. Nyt tuleekin vuoden kiireellisin aika. Heinät ja viljat ovat samoihin aikoihin kaadettavat. Kumpikin asetetaan aumoihin määrättyihin paikkoihin paljaan taivaan alle, sillä tsheremissi sanoo: missä ihmiset silloin asuivat, jos heinää ja viljaa talletettaisiin rakennuksissa. Vilja-aumojen luvusta he arvostelevat toinen toistensa varallisuutta. Kun eräältä isännältä kysyin miksi hän säilyttää kahden ja useammankin vuotisia aumoja niitä puimatta, hän vastasi ikäänkuin leikillä, mutta jossa kuitenkin ainakin puoli oli totta: jos puisin viljani ja vaihtaisin sen rahaksi, kuka silloin enää tietäisi, miten varakas minä olen.

Paikkaa, missä aumat seisoa törröttävät niin hyvin päivän paisteessa kuin sateessa, tsheremissi nimittää nimellä: *iidem*. Sen vastine meillä on riihirakennus siihen liittyvine suojineen. Mutta tsheremisseillä, ainakaan itäisillä, ei mainitussa paikassa tavallisesti ole minkäänlaista rakennusta. Viljan puinti tapahtuu maassa kovaksi tallatulla tantereella, johon leivän loppuessa aina aumasta siroitetaan olkia, mitkä puuvarstoilla ulkokuivina puidaan. Roskat ja ruumenet irroitetaan jyvästä siten, että vilja viskotaan tuulessa suurilla puulapioilla. Sen jälkeen kuivataan jyvät saunan parsilla tai tuvan uunissa kuperoilla laudoilla. Muutamien paikoin on sateen suojaksi rakennettu puimatantereelle olkikatos, jotkut tekevät sen päätyyn vielä kuivaussaanankin ja siten on riihirakennus joskin [...¹⁸] ja vaatimaton jo alulla. Että viljaa puidaan höyrykoneenkin avulla, siitä ei tsheremissillä

¹⁸ Epäselvä sana originaalissa.

ole mitään aavistusta eikä hän milloinkaan pui enempää kuin mitä juuri siksi hetkeksi on tarpeen.

Paitsi maanviljelyksellä elättää tsheremissi itseään karjanhoidolla. Useimmat hänen kotieläimistään, jotka yleensä ovat samoja kuin meidän, ovat olleet käytännössä jo varhaisina aikoina. Myöhemmin on hevonen turkkilais-tatarilaisten kansain vaikutuksesta päässyt aivan erikoiseen asemaan, sen lihaa käytetään ravintona ja sen maitoa herkkuna, jota teen kera tarjotaan parhaille ystäville. Sitä paitsi on hevonen sangen otollinen uhrieläin. Muhamedilaisten taholta kotoisin on sikojen ja sian lihan halveksiminen, jota tapaa varsinkin itäisten tsheremissien keskuudessa. Ison karjan ohella, jonka paimentorvi joka aamu kutsuu olkikattoisesta karjapihasta, on tsheremisseillä suuri joukko siipikarjaa, hanhia, sorsia ja kanoja.

Samoin kuin maanviljelyksen liittyy karjanhoidonkin yhteyteen omituisia taikoja, joista hauskin on lampaanonnen edistäminen. Jos lampaat menestyvät huonosti pyydystä isäntä huuhekajan, jonka hän uhraa karjapihassa. Tilaisuuteen hän kutsuu joukon poikia ja tyttöjä, jotka aluksi kokoontuvat uhrintoimittajan tupaan. Kun vieraita on kestitty, asettuvat he polvilleen ja kulkevat nelin ryömin isännän ja emännän jäljessä pihan poikki karjakarsinaan. Koko ajan he määkivät ääneen aivan kuin lampaat ja pojat ikäänkuin puskevat tyttöjä. Karjatarhaan tehdään nyt uhritulo, jonka ympäri ”lampaat” konntaavat vielä kolme kertaa. Ukko, joka selitti tätä omituista tapaa, huomautti, ettei poikia saa olla yhtä paljon kuin tyttöjä, vaan ainoastaan jokunen harva, ”muuten tulee lammasmaahan liian paljon päsejä”.

Tsheremissien elinkeinoista ansaitsee mainitsemista lisäksi vielä mehiläishoito, joka sekin polveutuu heillä jo muinaisilta ajoilta. Onttoon puuhun tai pönttöön, joka milloin ripustetaan puuhun, milloin pystytetään maahan tsheremissi perustaa mehiläisilleen kesä-asunnon. Paitsi hunajaa, joka näyttelee sokerin osaa teetä juodessa, antaa mehiläishoito hänelle myös keltaista vahaa, josta tehdään kuolleen muisto- ja uhrujuhliassa tarvittavia kynttilöitä. Sen vuoksi kuuleekin tsheremissin rukoillessaan anovan jumaliltaan karja- ja viljaannon ohella myös mehiläismenestystä.

Sitä vastoin vanhimmat elinkeinot, metsästys ja kalastus, ovat useissa seuduin jo miltei tykkänään syrjäytyneet. Ainoastaan muutamilla seuduin säilyneet koivuntuohella taitehikkaasti päällistetyt jouset ja niinipuiset nuolikotelot ovat muinaisen metsänkänynnin muistomerkkejä.

Tsheremissihäissä¹⁹

Kun tsheremissikylässä kuulee haasteltavan, että joku nuorukainen on ”ryöstänyt itselleen neidon” — kuten sanat kuuluvat — tietää se ilosanomaa, sillä ”neidon ryöstäminen” merkitsee täällä piakkoin odotettavia häitä.

Volgan kansojen häämenot ovat meistä suomalaisistakin mielenkiintoisia, sillä niiden nojalla voimme päättää, mitenkä meidän esisämme ja esi-äitimme muinoin — kuten romaneissa sanotaan — ”saivat toinen toisensa”.

Tavallisesti tapaa tsheremissinuorukainen mieltietyensä vieraalla seudulla — omasta kylästä ei juuri ole kunniallista naida — joko pitomatalla, monen kylän yhteisissä uhrijuhlissa tai markkinoilla ja — rakastuu. Ja kun se on tapahtunut, ei entiseen aikaan olisi tarvinnut muuta, kuin tiedustaa visusti tytön kotipaikkaa ja sitte salaa käydä ryöstämässä. Sen pituinen se! Mutta vaikkei siinä menot monimutkaiset olleet, saattoi itse henki olla kysymyksessä. Nykyään ei avioliittoon meneminen ole yhtä vaarallista, joskin vanha nimitys ja vanhat tavat vielä ovat entisten menojen muistomerkkinä, sillä paremmin kuin ”neidon ryöstämiseksi” voi nykyistä avioliiton solmintaa nimittää ”neidon ostamiseksi”. Nykyisen tavan mukaan maksetaan näet morsiamesta tämän vanhemmille aviohinta. Hinnan suuruus vaihtelee jonkun verran eri seuduilla paikkakunnan varallisuuden ja ostettavan neidon työkyvyn ja pulskeuden mukaan 30:sta–120:neen ruplaan.

Miten toisin täällä kuin Suomessa, missä avioliitto-ikäen tullut neiton ei suinkaan ole mikään tulolähde vanhemmilleen. Huomasin, että veljeskansamme piti Suomen miehiä ovelina, kun kerroin, ettei meikäläinen sulhanen maksa morsiamestaan edes puolta kopekkaa, vaan vielä toivoo, jos mahdollista, hänen kanssaan saavansa myötäjäisiä. Jonkun mielestä se kuitenkin todisti, ettemme anna naisille heille tulevaa arvoa ja erät saivat siitä syyn epäillä Suomen neitojen kauneutta.

Niin, oikeastaan on tsheremissin avioliitto nykyään pikemmin kauppa kuin ryöstö, sillä neidon vanhempia on kuulusteltava, kestittävä ja, jos suostumus saadaan aikaan, on aviohinta maksettava. Ja vaikka ryöstö on kaupan edelläkävijä itse todellisuudessa, on järjestys päinvastainen

¹⁹ Uusi Aura, 21. syyskuuta 1913. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 142, 144 ja 146.

tsheremissien hämmöissä. Vasta “kaupat” tehtyään sulho lähtee “ryöstämään”. Matkalle mennään niin, että myöhään illalla ehditään morsiamen kylään. Kun sulhanen on ehtinyt perille parivaljakollaan vanhanaikaisissa kuomivankkureissa, ei hän aja suoraan kultansa pihaan, vaan pysähtyy jonnekin naapuritaloon, josta hankkii itselleen apulaisen. Tämän tehtävä on hiipiä tytön luo ja kuiskata hänelle, mistä on kysymys. Silloin neito, joka edeltäpäin aavistaa asiantilan, pukeutuu kiireesti ja sanoo vanhemmilleen, että häntä haetaan naapuriin pikipäin. Koko talon väki teeskentelee tietämättömyyttä. Niin pian kuin morsian on saapunut sinne, missä sulhanen häntä odottaa, nousee hän vankkureille — välttämättömästi siltä puolelta, missä hänen tuleva miehensä istuu, tämän jalkojen yli — ja heti lähdetään liikkeelle. Kaiken pitää tapahtua käden käänteessä ja niin viedään tyttö hurjaa kyytiä niin, että kylän akat portailta siunailevat, ijäksi päiviksi isän kodista.

Mutta matka ei pääty vielä sulhasen kotiin, vaan ensiksi on morsian saatettava jonnekin naapurikylään, jossa hän ennen häitä piileksii ynnä ompelee kaikenlaisia hääpukuja ja -liinoja. Sinne tuodaan jälestäpäin myös kaikki hänen tavaransa. Sitä, jonka haltuun morsian jätetään ja joka tavallisesti on neidon tai sulhasen sukulainen, nimitetään naittajaksi.

Kun vihdoin kaikki häävalmistukset ovat loppuun suoritetut ja hääpäivä määrätty, pistäytyy sulho aamupäivällä morsiamensa luona. Tämä ottaa hänet vastaan makeisilla ja lahjoittaa tulevalle miehelleen paidan, housut ja sukat, mitkä hänen ahkerat sormensa ovat häitä odotellessa valmistaneet. Sen jälkeen hän saattaa sulhonsa saunaan, missä tämä kylpeytyy ja pukeutuu saamiinsa vaatteisiin. Sillä aikaa valmistetaan hänelle vielä ateria, minkä nautittuaan sulhanen poistuu kotiinsa.

Nyt alkavat häävieraat kokoontua sulhasen taloon. Ennen muita kaikki toimitusmiehet: “häidenpää”, jolla on isännyyden valta häissä; “piiska kädessä-kulkija”, joka pitää huolen järjestyksestä ja johtaa 8–10 miehistä nuorukaisjoukkoa, joka on kutsuttu häihin laulamaan ja tanssimaan, kestitsijä, joka pitää huolen olutsarkasta ja viinapikarista, sekä viralliset hääsoittajat: rummunlyöjä ja säkkipillin puhaltaja. Näiden lisäksi on vielä osansa näytettävänä häävaimoilla, joilla on yllään vihreä kauhtana ja päässä punaverkainen ketunnahalla päärmistöity lakki ynnä ennen muita mainittava hääpappi ja hänen vaimonsa. Sitä paitsi on paljon vieraita.

Kaikki ovat juhlallisen näköisiä, naiset kohentelevat komeita pukujaan, soitto ja tanssi alkaa ja piiskalla varustettu mies lyö tahtia aseellaan, johon on kiinnitetty kilisevä kulkunen. Nyt astuu hääpappi esiin teräväkärkinen nuoli kädessään, levittää sen kärjen ympäri silkillä neulotun hartialiinan, jota naiset kantavat häissä ja kiinnittää liinan nuoleen sulhasen antamalla hopeasormuksella. Silloin sulho asettuu seisomaan pitopöydän päähän ja pappi, hänen vaimonsa, jolla on kädessään leipä ja voikimpale sekä “piiska kädessä-kulkija”, käyvät perätysten kolme kertaa sulhasen ja pitopöydän ympäri. Kun se on tehty, annetaan liina erälle häävaimoista, mutta sormuksen panee toimitusmies sormeensa, nuoli sinkautetaan seinään, mistä se otetaan vasta seuraaviin häihin. Tämän tärkeän toimituksen jälkeen kestitään häävieraita ruualla ja juomalla.

Sen jälkeen ottaa “häidenpää” nahkaleilin, jossa on mesijuomaa, pullon viinaa y. m. ja lähtee kestitsemään “naittajia”, jotka eivät ole tulleet pitoihin. Jonkun ajan päästä lähtevät morsianta noutamaan muutkin häävieraat. Heidän ei kuitenkaan heti sovi astua tupaan. Ensin pistäytyy isännän puheilla “piiska kädessä-kulkija” ja tiedustaa, joko on aika viettää häitä. Vasta kolmannella kerralla on vastaus myöntävä. Tällöin menee hääseurue tupaan, jossa sitä jälleen kestitään. Mutta morsian ei ole tuvassa, vaan jossakin aitassa tai kodassa, jonne nuoriso kokoontuu häntä huvittamaan. Morsiamen vieressä istuu juhlan aikana eräs tyttö, joksi tavallisesti valitaan joku sulhasen sukulaisista ja nimitetään “vieressä istujaksi”. Toisella puolella morsiamen vieressä on hänen tavaransa ja ompeluksensa. Vihdoin tulevat häiden päähenkilötkin aittaan. Ensiksi piiska-mies, joka lakaisee tietä pihan poikki kulkiessaan, hänen jäljessään astuu sulhanen pitäen edellistä kauhtanan liepeistä kiinni, sitte eräs häävaimoista leipä kädessä ynnä nuorukaisten kööri. Sulho tarttuu nyt morsiamen käteen, jonka kasvot eräs häävaimoista on ennenmainitulla hääliinalla peittänyt ja vetää häntä kolme kertaa kunnes tämä vasta viimeisellä kerralla suvaitsee nousta. Nyt mennään takaisin tupaan, taas piiska-mies lakaisee tietä edellä astuen, hänen jäljissään seuraa sulho, morsian ynnä koko hääkanssa. Sillä aikaa on tuvassa katettu kaksi pöytää, toisen ympäri asettuvat naiset, myös morsian ja “vieressä istuja”, toisen ympäri miehet, joita sulhanen kestitsee. Päivällisten jälkeen huomauttaa naittaja, että aika jo on lähteä sulhasen taloon. Kun väki on hajaantunut, antaa naittaja morsiamelle vielä rahapussin luettavaksi ja sanoo, että jos emännäksi ajot, pitää sinun oppia laskemaan rahoja. Tyttö laskee rahat

kolme kertaa. Ja silloin on hänkin valmis lähtemään pihalle, jossa hevoset jo odottavat häntä valjaissa.

Naittäjat, joita morsian kutsuu isäkseen ja äidikseen — hänen todelliset vanhempansa eivät ota häihin osaa —, sekä morsian ja “vieressä istuja” asettuvat kaikki yhteen telegaan. Lähtiessä morsian seisoo vankkureilla pitäen kädessään pitkää liinaa, jonka toisen pään hän heittää suitsista pitävälle sulholle. Tämä tarttuu siihen kolme kertaa, vetäen sen viimeisellä kerralla itselleen. Sitte hän solmii sen kaulaansa liehumaan ja asettuu juhlavankkurien ajajaksi, joka hääsaatossa kulkee viimeisenä. Sulhasen kylän portilla tai jossakin tien käänteessä pysähtyy kulkue, kaikki kokoontuvat morsiamen vankkurien viereen ja häöpappi rukoilee kädessään leipä, josta myöhemmin jakelee paloja sulholle ja morsiamelle ynnä muille häävieraille. Häätalon pihalle tultuaan ajaa seurue vielä kolme kertaa pihan ympäri ennenkuin hevoset pysähtyvät. Morsiamen vankkurien ääreen levittää nyt “piiska-mies” valkoisen huopamaton, jolle sulho heittää rahan. Kun on saatu tietää, että vieras on tervetullut taloon miniäksi ja että isäntä ja emäntä ovat luvanneet morsiamelle lehmän, nousee neito vaunuistaan. Tupaan mennessä “piiskamies” jälleen lakaisee tietä ja sulho pitelee häntä takin liepeistä. Nyt tervehtivät nuorikot vanhempiaan. Sulho, morsian ja “vieressä istuja” ovat kaikki polvillaan ja morsian antaa ompelemansa paidan kummallekin sulhasen vanhemmalle sekä pyyhinliinan kaikille häihin kutsutuille toimitusmiehille. Antaessaan lahjoja muillekin ovat nuorikot polvillaan tarjoten samalla olutta suuresta puukupista, johon häävieraat juotuaan viskaavat rahan. Useat sitä paitsi lupaavat lahjoittaa vastalahjaksi morsiamelle talousesineitä, kotieläimiä y. m. Taas katetaan kaksi pöytää, sulho, morsian ja vieressä istuja asettuvat naisten pöytänsä. Pöydällä on suurilla puulautasilla ohukaisia. Häöpappi rukoilee silloin kansan seistessä, mutta sulhon, morsiamen ja “vieressä istujan” istuessa. Sen jälkeen leikkaa piiskamies päällekkäin ladotut ohukaiset ristiin halki, neljään osaan, joista sulhanen saa 9, morsian 7, “vieressä istuja” 5 ja hän itse yhtä monta neljänestä. Syödessään sulhanen ja morsian vaihtavat keskenään ohukaisannostaan kolme kertaa syöden lopuksi kuitenkin kukin oman osansa. Syötyä tanssitaan ja soitetaan myöhään yöhön, kunnes “piiska kädessä-kulkija” vihdoin taas tietä lakaisten saattaa nuorikot aittaansa nukkumaan. Täällä morsian riisuu aviomiehensä, sillä hääyönä ei sovi sulhasen itse itseään riisua. Morsian itse ei vielä mene vuoteeseen. Hetken päästä on nuorikkojen kammioon kokoontunut paljon iloisia poikia ja tyttöjä jotka laulavat ja soittavat nuoren parin iloksi. Useimmat ovat kuitenkin

jo koko paljon kallellaan, tuskin jaksavat seisoa jaloillaan ja hienotunteiset häälaulut, joita tuvassa laulettiin, ovat saaneet sameamman sisällön. Kasvojen ilmeistä, joissa ei ole mitään rivoa, näkyy sentään, etteivät nämä yölaulut luonnonlapsista, joille kaikki on luonnollista, ole niin rumia kuin sanoista voisi päätellä. Vihdoin kohoaa vieressä istuja aitan hämärässä vahvojen käsien varassa ilmaan ja yht’äkkiä hän heitetään häävuooteeseen sulhasen viereen. Hetkisen häntä pöyhittyään sulhanen tokaisee: viekää pois, ei ole omani! Kuuluu jälleen laulun hoilotusta ja tanssin kopinaa. Vähän ajan päästä on jälleen “vieressä istuja” ilmassa ja sama temppu uudistuu kolmannenkin kerran. Vasta kun morsian on nostettu sulhasen vuoteeseen ja tämä lausunut: omani on! poistuu nuoriso morsiusaitasta piiskamiehen aseensa vinkuessa. Sulhanen ja morsian jäävät kahden kesken.

Pitkät eivät kuitenkaan ole hääyön unelmat, sillä jo varhain aamulla menee piiska-mies nuorikkoa herättämään. Lyöden hiljaa morsianta selkään hän nuhtelee sanoen: etkö tiedä, että vaimon tehtävä on nousta jo päivän valjetessa ja että hänen tulee keittää tee ja lämmittää sauna. Ja niin on hääyön jälkeen tyttöpäivät ohi ja emännän askareet alkaneet ja elämän huolet. “Vieressä-istuja” avustaa nuorikkoa ensi toimissa ja osittaa hänelle talon paikat, purot ja puupinot. Kaikkialla, missä nuori vaimo ensi kerran kulkee, hän uhraa rahan talon haltioille avioliiton ja uuden kodin onneksi. Kun hääväki on kylpeytynyt, jolloin jokaisen osaa ottavan on viskattava pataan hopearaha, kokoonnutaan tupaan aterialle jälleen laulun ja soiton kaikuessa. “Piiska kädessä-kulkija” kiertää lopuksi vierekkäin lattialla seisovan pariskunnan kolme kertaa piiskan päähän asetetulla hääliinalla ja sitte peittää sillä kummankin pään. Sen jälkeen saa morsian liinan, jota hänen vaimona tulee kantaa ainakin kaikissa juhlatilaisuuksissa, ja sulhanen piiskan ikäänkuin isännyyden merkiksi ja niin vaihtuvat häämenot tavallisiksi vieraspidoiksi.

“Neljäskymmenes yö”²⁰

Iloa ja naurua, ruokaa ja juomaa, laulua ja tanssia, surua ja kyyneleitä sellaista on “neljäskymmenes” eli viimeinen yö, jonka vainaja tsheremissien käsityksen mukaan viettää omaistensa kodissa. Sen vuoksi se on suuremmissin kaikista kuolleelle omistetuista muistojuhlilla.

Tsheremissi uskoo, että ihminen vielä kuoleman jälkeen elää määrätyn ajan hyvin läheisessä suhteessa omaisiinsa ja että hän, vaikkakin hän on siirtynyt kalmistoon, missä hänelle on varattu maanalainen tupa pienine ikkunoineen, vielä kaipaa entistä elämäänsä ja käy tavan takaa vanhassa kodissaan. Sinä aikana ei kukaan tohdi koskea hänen omaisuuteensa ja omaisten velvollisuus on pitää huolta kaikista vainajan tarpeista. Tämä ei ole tsheremisseille vain perittyä tietoa tai ulkoa opittu usko, vaan omituinen tunne, jonka juuret kätkeytyvät kauvas muinaisuuden hämärään. Ken sitä epäilee, tulkoon kanssani tsheremissitaloon, missä muistojuhlaa vietetään isäntävainajan kunniaksi.

Jätämme lesken ja apulaiseukkojen huostaan juhla valmistukset ja lähemme vainajan veljen kera kalmistoon kuollutta kutsumaan. Kutsuja valjastaa parhaat hevoset kuomivankkurien eteen, ottaa mukaansa ruokaa ja juomaa sekä ajaa hurahuttaa kulkusten helistessä auringon vielä ollessa korkealla hiljaiseen kalmistoon. Menojen pitää olla juhlalliset kuin häissä ja kaikkien kuolleiden tulee tietää, että nyt sitä ja sitä tultiin parivaljakolla noutamaan suuriin pitoihin. Hevoset pysähtyvät, eväät asetetaan haudan ääreen ja vainajalle muistutetaan, mikä muistojuhla on menemässä. “Nouse”, virkkaa veli veljelleen, “katso, mitä olemme sinulle tuoneet, viinaa ja mesijuomaa, leipää, juustoa ja pannukakkua, nouse ja nauti! Tullut on “neljäskymmenes yö”, lähde kanssamme kylään. Kotona ovat teurastaneet sinulle lampaan, leski ja lapset odottavat sinua, sukulaiset tahtovat tavata sinut. Emme ole luoksesi turhaan tulleet, suureen juhlaan olemme tulleet sinua noutamaan.” Sen sanottuaan hän valaa juomaa ja palottelee ruokaa haudalle toisten usein sanoja: “syö, juo!” Vihdoin pyydetään kuollutta nousemaan vankkureihin, mihin häntä varten on asetettu pehmeä patja. Ujoksuneeko vainaja, vaiko on hämillään, koska veli vakuuttaa: tunnethan minut ja vankkurisi tunnet, “omiasi ovat myös hevoset.” Pöyhittyään tyyny hän sanoo:

²⁰ Uusi Aura, 19. lokakuuta 1913. Kirjeeseen liittyvät valokuvat ovat sivuilla 149 ja 151.

“istu viereeni, yhdessä ajamme, kotiin menemme.” Vaikka istumasija on tyhjä, on tsheremissi vakuutettu, että siinä istuu kuolleen haamu. Usein hän kotimatalla kääntyy sen puoleen ja puhuttelee sitä.

Kotipihassa on vainajaa vastaanottamassa leski. Lasten kera hän on polvillaan portaiden ääressä. Heidän edessään seisoo eräs toimitusmies juhlallisena paljain päin kädessä leipää, juustoa ja juomaa. Hän puhuttelee kuollutta ystävällisesti mainitsee hänet nimeltä ja pyytää häntä hyväntahtoisesti astumaan tupaan. Leski ja lapset katselevat kalmistosta palaavia itkusilmin. Kun vainajan uskotaan nousseen vaunuista, viedään puheena ollut tyyny tuvan perälle määrättyyn paikkaan, johon kuollutta kehoitetaan istuuntumaan. Sille sijalle ei kukaan elävistä istu ja sen läheisyyteen on katossa oleville orisille ripustettu kaikki vainajan vaatteet, vieläpä virsutkin. Niitä osoittaen huomauttaa leski: “katso, tässä ovat sinun vaatteesi, kukaan ei ole niitä käyttänyt, emme ole yhtäkään niistä hukanneet.” Vainajalle asetetaan ruokaa ja juomaa ja kun hänen uskotaan kyllin syöneen, menevät miehet hänen kanssaan pihalle katselemaan karjapihaa, vilja-aumoja ja talousesineitä, onpa usein tapana saattaa vainaja saunaankin — kylpemään. Kaukaisimpia sukulaisvieraita on jo joitakuuta saapunut, mutta varsinaiset menot alkavat vasta kun aurinko on mennyt mailleen.

Silloin tulevat taloon kaikki vainajan sukulaiset ja ystävät. Yleiseen tapaan kuuluu, että kukin perhekunta tuo tuomisia tullessaan, mikä mitäkin ruokaa ja juomaa. Aivan samoin on meillä Suomessa kutsuvieraat tuoneet lahjoja pitoihin. Vainajain juhlissa se on aivan välttämätöntä, niihin ei sovi mitenkään tulla tyhjin käsin. Paitsi ravintoaineita tuo kukin vieras tullessaan myös omatekoisen vahakynttilän, mikä sytytettyinä kiinnitetään erityiseen vartavasten tehtyyn telineeseen. Keskellä palaa metrin pituinen, kolmen kynttilän paksuinen soihtu, sen oikealle puolelle on asetettu rivi pienempiä, yksi kullekin vainajan ennen kuolleelle sukulaiselle ja vasemmalle puolelle pystyttävät vieraat niin monta kuin niitä on juhlittavan vainajan kunniaksi kukin kynttilän. Palaneiden sijalle sytytetään yhä uusia. Ei voi olla tuntematta juhlatunnelmaa katsellessa kymmenien kynttiläin valossa liikkuvaa pyhäpukuista yleisöä. Luultavasti tekevät nämät neljänkymmenennen yön valot tsheremissilapseen yhtä syvän vaikutuksen kuin meikäläiseen joulukirkon kynttilät.

Kaikkien huomion esineenä on näkymätön vieras. Kukin suuntaa katseensa perälavitsalle kynttiläin alla olevan tyynyn ääreen, jolla kuolleen uskotaan istuvan. Sinne kantavat naiset kilvan ruokaa ja

juomaa, kaikki mitä on valmistettu, on vainajaa varten. Kuitenkin saavat elävätkin osansa. Ja kuolleen muistojuhla ei olekaan mikään juhla, jollei siinä runsaasti syödä ja juoda. Tsheremissi uskoo, että mitä kylläisempiä ovat juhlavieraat, sitä kylläisempi myös vainaja ja mitä iloisempia juhlavieraat, sitä iloisempi myös vainaja. Vainajaa varten on asetettu erityiset astiat, lihaa ja leipää varten on kaukalo; olutta ja viinaa varten suuri, pyöreä puukuppi. Jokainen, joka menee maistelemaan ruokia polvistuu vainajan istumasijan ääreen, viskaa vähäisen kuolleen astiaan ja lausuu: “syö, syö! syö yllin kyllin!” Vanhat ukot viiptyvät kauan polvillaan rukoillen vainajaa suojelemaan perhettä, varjelemaan karjaa joutumasta rotkoihin ja petojen raadeltavaksi, kasvattamaan viljaa, karkoittamaan pellostoukat ja aitasta hiiret y. m. mitä heillä on sydämellään.

Puoliyön aikana alkavat jo ainakin elossaolevat saada kyllikseen. Kaikki ovat tulleet iloiselle tuulelle, viinapikarit tyhjenevät tuon tuostakin ja onpahan jo kertynyt juomaa koko lailla kuolleenkin kuppiin. Säkipilli, joka tähän asti on ollut ääneti omistajansa paidanpovessa, otetaan esille ja yksi ja toinen kehoittaa kuollutta kanssaan tanssimaan. Ei kukaan pysy alallaan, hyöritään ja pyöritään. Väsyneet kädet jaksavat tuskin sytyttää ja kiinnittää uusia kynttilöitä. Leskikin, ja tämän alaikäiset lapset, joista nuorin keikkuu katosta riippuvassa vakassa, ovat hetkeksi unohtaneet surunsa. Monet ukot liikkuvat enää vain vaistomaisesti, jotkut ovat nurkkiin nukahtaneet.

Mutta on niitäkin, jotka jaksavat valvoa. Hetkeksi taukoaa tanssin kopina ja ihmisten surina. Uteliaisuus kasvaa, kun joku ovella huudahtaa: “kuollut tulee!”, jolloin vähänlanta mies astuu tupaan ja istuu tuolle kuolleen paikalle. Leski rientää häntä syleilemään, ukot kättelevät häntä ja nimittävät häntä kuolleen nimellä. Tsheremisseillä on tapana valita muistajaispäivänä keskuudestaan joku, joka kokonsa ja ulkomuotonsa puolesta muistuttaa vainajaa ja tämä pukeutuu yöllä kuolleen pukuun. Hän on kuolleen sijainen ja kohteliaisuus ja ystävyys kohdistuu sen jälkeen yksinomaan häneen. Häntä tahtoo jokainen parhaansa mukaan syöttää ja juottaa, varsinkin juottaa. “Kuollut” neuvoo omaisiaan elämään sovussa ja välttämään riitaa, tekemään työtä ja edistämään taloutta. Kotolaiset pyytävät puolestaan “kuolleen” suojelusta.

Kynttilät alkavat vähitellen sammua toinen toisensa jälkeen, ainoastaan suurin niistä vielä palaa lekottaa, kun eräs ukoista pihalta tullen valventaa nukahtaneita sanoen: “herätkää, aamu valkenee, kuollut

haluaa päästä rauhaan.” Rauenneisiin ihmisiin tulee uutta intoa, sillä vainaja on kaikella kunnialla saatettava kalmistoon. Mutta ensiksi toimitetaan rukous, kaikki asettuvat polvilleen kasvot kuolleen sijaa päin. Sen jälkeen ottaa yksi kynttilätelineen, toinen ruokakaukalon, kolmas juomakupin, naiset, leski etunenässä, kantavat kuolleen pukuja ja niin poistutaan pihalle, kuollut eellimmäisenä. Pihalta astuu saattue kujalle ja suuntautuu kohti kalmistoa. Naiset itkevät ääneen. Hautuumaalle asti ei kuitenkaan mennä, vaan kulkue pysähtyy erälle kummulle, jonne palavat kynttiläin jäännökset ynnä ruuat ja juomat viskataan. Vielä täälläkin muistellaan vainajaa, hänelle toivotetaan onnellista paikkaa, kehoitetaan viihtymään sikäläisten seurassa eikä tulemaan kotiin — ainakaan kutsumattomana vieraana. Paitsi ruokaa ja juomaa annetaan kuolleen lähtiessä puulusikka ja kuppi, mitkä paikalla särjetään, sillä muussa tapauksessa ei vainaja — niin sanovat tsheremissit — niitä saa.

Ruuan loput syö kedolta koirat, kuolleen vaatteet jaetaan vähävaraisille, vainajan sijassa istuja pukeutuu jälleen omaan pukuunsa ja niin on kuolleen osoitettu viimeinen palvelus.

Серия: «Финляндия в России»

**Путешествия
к удмуртам и марийцам**

Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг.

Под редакцией:

С. Лаллукки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова

**Matkat
udmurttien ja marien luo**

Uno Holmbergin kirjeitä vuosilta 1911 ja 1913

Toimittaneet:

Seppo Lallukka, Tatjana Minnijahmetova ja Ranus Sadikov

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Печ.л. 14.

Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
E-mail: evrodom2006@list.ru